

БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ

Г. В. СТАДНИКОВ

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

**В Гейне надо видеть поэта с огромным дарованием...
истинного немецкого художника,
которого лирические стихотворения отличаются
непередаваемою простотою содержания
и прелестью художественной формы.**

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Гейне ясен для себя и для других
только тогда,
когда он обнаруживает
свое жгучее *остроумие*,
то есть когда он
в качестве *храброго солдата*
истребляет пронзительным смехом
окружающие глупости и подлости.

Д. И. ПИСАРЕВ

Нет ни малейшей возможности отрицать
чарующую прелесть
гейневской поэзии.

Д. И. ПИСАРЕВ

БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ

Г. В. СТАДНИКОВ

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

КНИГА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1984

Рецензенты:
Кандидат филологических наук А. А. Гугнин;
учитель Л. Л. Приборкина

Стадников Г. В.

С760 Генрих Гейне: Кн. для учащихся. — М.: Просвещение, 1984. — 127 с. — (Биогр. писателя).

В книге рассказывается о жизни и творчестве Генриха Гейне, одного из крупнейших немецких поэтов и прозаиков XIX века, художественное наследие которого стало неотъемлемой частью сокровищницы мировой литературы. Жизненный и творческий путь Г. Гейне рассмотрен в единстве с европейским литературно-общественным движением первой половины XIX века.

С $\frac{4306020300-388}{103(03)-84}$ 249—84

ББК 83.34Нем
8И(Нем)

ВВЕДЕНИЕ

*Я — меч! Я — пламя!
Я светил вам во тьме, а когда начался бой,
я сражался впереди, в первом ряду.
Вокруг меня мои убитые товарищи, но мы
победили. Мы победили, но вокруг меня мои
убитые товарищи. В торжественных
песнях победы слышны погребальные хоралы.
Но у нас нет времени ни для радости, ни
для горя.
Снова бьют барабаны, впереди новый бой.
Я — меч! Я — пламя!*

(Перевод П. Карпа)

Великий лирический поэт немецкого народа — Генрих Гейне был сыном сложной, переломной эпохи, у истоков которой стояла Великая французская революция 1789—1794 годов.

Известность и слава сопутствовали Гейне еще при жизни. Рано узнали и полюбили его творчество в России. «Гейне едва ли не самый популярный чужеземный поэт у нас в России», — писал И. С. Тургенев в 1875 году. Впервые русский читатель познакомился с поэзией Гейне в конце 20-х годов XIX столетия благодаря переводам Ф. И. Тютчева. В сборнике стихов Гейне под заглавием «Трагедии с лирическим интермеццо» (1823) Тютчев обратил внимание на стихотворение «Ein Fichtenbaum steht einsam...» —

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.
Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

Это стихотворение вскоре стало одним из популярнейших произведений Гейне как в Германии, так и за рубежом. Правда, в России это гейновское стихотворение приобрело большую известность благодаря переложению М. Ю. Лермонтова.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

Но именно Федору Ивановичу Тютчеву принадлежит честь первого перевода этого стихотворения на русский язык.

К тому времени, когда между Гейне и Тютчевым установились личные контакты¹, Гейне был уже широко известным и популярным в Германии писателем.

Немецкая молодежь разучивала и распевала стихи Гейне.

Силы реакции неизменно видели в лице Гейне своего беспощадного противника. В 1835 году на родине поэта вышло постановление Союзного сейма, запрещавшее все его книги: как написанные, так и те, которые он мог бы еще написать. Опаснейшим автором считала Гейне и царская цензура России. Поэма «Германия. Зимняя сказка», «Современные стихотворения», сатирическая проза долгие годы находились под строжайшим запретом. Яростно выступала против Гейне реакционная литературная критика. Не скупясь на выражения, она именвала иронию поэта ужасной, юмор — ядовитым, остро — уродливыми, содержание поэзии — болезненным и безнравственным. Но задушить передовое слово поэта реакции оказалось не под силу. Благодаря Белинскому, Герцену, Добролюбову, Чернышевскому, Писареву, Михайлову и ряду других критиков-демократов уже в 60-е годы прошлого столетия в России сложилась революционно-демократическая концепция творчества немецкого поэта. Несмотря на цензурные препоны, русскому читателю уже в то время стал известен Гейне-сатирик, полемист, революционный боец.

Вслед за Ф. Тютчевым стихи немецкого поэта переводили Н. Некрасов, А. Фет, Н. Плещеев, Н. Огарев, А. К. Толстой, А. Майков, Л. Мей, Д. Минаев, М. Михайлов, Н. Добролюбов.

С увлечением занимался переводами из Гейне молодой Д. Писарев. Спустя годы в программной статье

«Реалисты» критик, с юношеским энтузиазмом и столь характерной для него склонностью к ярким заострениям, писал о безмерности духовного мира Г. Гейне: «Мне кажется, все умственное развитие человека можно сразу измерить и обсудить смотря по тому, как и насколько он понимает поэтическую деятельность Генриха Гейне»¹.

«Барабанщиком воинственного легиона» называл Гейне М. Михайлов, выпустивший в 1858 году сборник переводов немецкого революционного демократа. С радостью приветствовал эту книжку Н. Добролюбов, беспощадно боровшийся с бездарными переводчиками и подражателями Гейне, с фальсификаторами его творчества. В лице немецкого поэта русский критик видел демократа и неустанного борца за народное счастье. Н. Чернышевский причислял Гейне к писателям, которыми гордится новая европейская литература, произведения которых внушены идеями «гуманности и заботой об улучшении человеческой участи»². «Сочувственнейший из всех писателей», — так отзывался о немецком поэте М. Салтыков-Щедрин³.

Борьба передовых литературных сил России за Гейне — демократа и гуманиста — была и борьбой за общественно значимое искусство, за гражданственность, за поэзию, которая, по словам Н. Чернышевского, «есть жизнь, действие, борьба, страсть».

В России творчество Гейне пропагандирует подпольная революционная пресса. В 1875 году в Лейпциге на русском языке публикуется поэма Гейне «Германия. Зимняя сказка» под редакцией И. Тургенева.

Двадцатый век принес Гейне поистине мировую известность. Его книги перевели в Японии и Югославии, Индии и Греции, Китае и Португалии, Турции и Норвегии и многих других странах.

В России в начале нынешнего века поэзию Гейне переводил А. Блок, он же написал несколько статей о творчестве немецкого поэта. Литературное наследие Гейне Блок считал неисчерпаемой художественной сокровищницей, ценность которой с течением времени раскрывается все полнее.

¹ Писарев Д. И. Соч., в 4-х т. М., 1956, т. 3, с. 99—100.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., в 15-ти т. М., 1947, т. III, с. 302.

³ Щедрин Н. (Салтыков М. Е.) Полн. собр. соч., в 20-ти т. М., 1937, т. 18, с. 146.

В советское время было создано немало новых переводов. Передать богатство поэзии Гейне во всем многообразии его удивительного и сложного таланта стремились Ю. Тынянов, В. Зоргенфрей, М. Лозинский, В. Левик, С. Маршак, А. Дейч, Л. Гинзбург и многие другие переводчики.

Любил поэзию Гейне В. И. Ленин. По воспоминаниям Н. К. Крупской, в сибирской ссылке у Владимира Ильича среди книг русских классиков был и томик стихов Гейне¹.

Шли годы. Росла и ширилась известность немецкого поэта, и не утихали идейные бои вокруг его литературного наследия. Как и прежде, врагами Гейне оставались противники прогресса и демократии. Но все потуги реакции оказались напрасными. Творчество Гейне было и остается бесценной частицей мировой культуры, духовным достоянием передовой части человечества.

ГОДЫ ЮНОСТИ И СТАНОВЛЕНИЯ

*Любви искал я вглубь без изъятия,
И к аждой двери простирал я руки,
Стучал, как нищий, — и на эти стуки
Вражда была ответом и проклятья.*

(Перевод В. Зоргенфрея)

На склоне жизни знаменитый поэт Генрих Гейне написал: «Над моей колыбелью играли последние лучи восемнадцатого и первая утренняя заря девятнадцатого столетия». Некоторые педантичные биографы поэта, поняв эти строки буквально, долго считали, что Гейне родился в самый канун XIX века.

Дата рождения поэта — 13 декабря 1797 года.

И тем не менее Гейне был прав: его рождение совпало с началом новой эпохи, открытой идеями и деяниями Великой французской революции.

Родиной поэта был небольшой немецкий городок Дюссельдорф, который, как и Германию в целом, затронули события, связанные с войнами Наполеона в Евро-

¹ См.: Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1969, с. 627.

пе. В результате войны в рейнских землях прежние феодально-католические устои были поколеблены, в ряде мест буржуазия получила равные права с дворянством, крестьяне освобождены от личной зависимости. Была несколько ограничена раздробленность Германии. В результате возникли более благоприятные условия для развития национальной промышленности и торговли в стране.

Родители Гейне, выходцы из третьего сословия, симпатизировали новому. Отец семейства Самсон Гейне был незадачливым коммерсантом, дела его шли из рук вон плохо, но он не переставал верить, что фортуна подарит ему удачу. И хотя надежды так и не сбылись, Самсон Гейне умел в невзгодах сохранять не только присутствие духа, но и неиссякаемую жизнерадостность, по словам сына, до конца своих дней, оставаясь «большим ребенком», «беззаботным, не помнившим о прошедшем дне и никогда не желавшим подумать о завтрашнем».

В отличие от отца, мать поэта — Бетти Гейне отличалась трезвой рассудительностью. Она преклонялась перед философами-рационалистами XVIII века и неодобрительно относилась к романтическим грезам и фантастике, к чему склонна была причислять даже народные предания и сказки. В педагогике, к которой она проявляла особый интерес, высшим авторитетом для нее был французский философ и писатель Жан Жак Руссо, выступавший за развитие природных задатков ребенка: трудолюбия, любви и уважения к простым людям, за воспитание его чувств. Все свое время Бетти Гейне посвящала домашним заботам и воспитанию детей. Спустя три года после рождения первенца Гарри, так звали в семье будущего поэта, родилась Шарлотта, в 1805 году — Густав, а еще через два года — младший Максимилиан.

В семье Гейне особое значение придавали образованию детей. Уже с четырех лет Гарри начал посещать подготовительную школу. Живой и ершистый мальчик был прозван сверстниками «красным Гарри». Быстро научившись грамоте, Гейне много читал еще в детстве. Разные книги побывали в его руках. К одним из них, пережив недолгое увлечение, поэт впоследствии уже не возвращался. Таковы были, к примеру, приключенческие романы очень популярного в то время беллетриста. А. Х. Вульпиуса, изображавшего обычно борьбу благо-

редного разбойника с притеснителями народа — феодалами и духовенством.

Другие книги стали верными спутниками на всю жизнь. Роман М. Сервантеса «Дон Кихот», признавался Гейне, перечитывался через каждые последующие пять лет. Нравилось мальчику «Путешествие Гулливера» Д. Свифта, заражали своим страстным вольнолюбивым пафосом драмы Ф. Шиллера «Разбойники», «Коварство и любовь».

В 1807 году, сменив к этому времени по совету родителей ряд школ, Гейне стал слушателем Дюссельдорфского лицея. Это учебное заведение, организованное по французскому образцу, предлагало своим питомцам обширную программу знаний. Здесь изучали математику, греческий, риторику, историю, немецкий, французский. Общительный и подвижный, постоянный участник игр и забав своих сверстников, Гейне в то же время с завидным упорством и искренней увлеченностью отдавался учебе и завоевал со временем репутацию одного из способнейших учеников лицея. В пятнадцать лет он серьезно изучает труды западноевропейских философов, особенно выделяя трактаты Бенедикта Спинозы. Этот известный и очень крамольный в глазах церковников нидерландский философ-материалист XVII века своими опубликованными посмертно трудами «Этика» и «Богословско-политический трактат» во многом способствовал формированию в европейском обществе научного свободомыслия и атеистических представлений. Большое влияние оказали идеи Спинозы и на духовное развитие Гейне, который уже в лицейские годы с большой долей скептицизма стал относиться к религии.

Становлению Гейне, поэта и человека, способствовали не только книжные штудии. Наделенный пытливым интересом к миру, Гарри то был весь захвачен шумной жизнью города, то искал уединения на лоне рейнской природы. Многие впечатления тех лет навсегда врезались в его память и потом не раз будили поэтическое воображение. Таков был приезд в Дюссельдорф в 1811 году «великого человека», императора французов Наполеона. Больше всего поразило Гарри то, как просто, легко и естественно гарцевал император вместе со своей свитой по главной аллее дворцового сада, что было неслыханным нарушением запрета, ранее, казалось, установленного навечно. Спустя пятнадцать лет эта яркая сцена

естественно вписалась в гневную и ироническую прозу «Путевых картин», но обрела смысл символа высокого политического звучания: «Император со своей свитой ехал верхом прямо посредине аллеи... На императоре был простой зеленый мундир и маленькая всемирно-историческая шляпа... Улыбка, согревающая и успокаивающая каждое сердце, играла на его губах, и все же все знали, что достаточно этим губам свистнуть — Пруссии больше не стало бы; достаточно этим губам свистнуть — и вся поповская компания отзвонит навсегда; достаточно этим губам свистнуть — и вся священная Римская империя затанцует. И губы эти улыбались, и глаза улыбались тоже».

Поэтический мир поэта питали и другие события. Таким было недолгое знакомство со сверстницей — «рыжей Зефхен», прозванной так за огненно-красный цвет волос. Эта загадочная и странная девочка уединенно жила за городом у приютившей ее тетки. Отец Зефхен, как и муж тетки, были палачами. Профессия мужчин обрекла на одиночество всех их близких. Местные жители далеко стороной обходили страшное жилище. Девочка выросла почти в полном одиночестве, остро чувствуя свою отверженность. Но Зефхен отличалась сильным характером, гордым и независимым. Одиночество вынудило ее искать утешение в народных преданиях, сказках, балладах. Она знала их множество, и Гарри часами слушал таинственные рассказы своей необычной знакомой. Жутко-фантастический колорит этих рассказов оставил неизгладимый след в сознании юноши. Много позже в своих «Мемуарах» Гейне писал о рыжей Зефхен: «Она знала много старинных народных песен, и, быть может, именно она пробудила во мне вкус к этому роду поэзии, как и вообще, несомненно, имела величайшее влияние на пробуждающегося поэта, так что первые мои стихотворения — «Сновидения», написанные вскоре после этого, носят мрачный и жестокий колорит, подобно любовной связи, бросившей в то время свои кровавые тени на жизнь и сознание юноши»:

Я видел странный, страшный сон.
Меня томит и тешит он.
От этой пагубы ночной
С тех пор я будто сам не свой.

(Перевод Т. Сильман)

Гейне не суждено было закончить лицей. После ухода французских войск из рейнских земель в Дюссельдорфе восторжествовали прежние порядки. В январе 1814 года лицей был преобразован в гимназию, программа занятий изменилась, любое проявление вольномыслия отныне строго каралось. Выходцу из незнатной и небогатой семьи теперь и мечтать не приходилось о карьере военного, дипломата, государственного деятеля. Родители Гейне рассудили, что коммерция — единственное поприще, где их первенец мог бы добиться успеха. И с сентября 1814 года Гарри принимается за постижение премудрости торгового дела. Однако к поэзии цифр и коммерческих сделок юноша был глубоко равнодушен. Он без усердия посещает торговую школу, все свободное от ненавистных занятий время посвящая литературным штудиям.

Осенью следующего года Самсон Гейне, отправляясь в свою обычную деловую поездку на франкфуртскую ярмарку, впервые берет с собой сына — пришла пора в деле проверить способности будущего коммерсанта. И вот Гарри — клерк в банкирском доме, затем ученик в конторе торговца колониальными товарами. Но успехов не видно. Не проходит и двух месяцев, как Гарри самовольно оставляет Франкфурт. Вскоре вновь его можно было видеть в стенах Дюссельдорфской библиотеки. Между тем родители, не желая расстаться со своей заветной мечтой, решают послать Гарри в Гамбург на выучку к младшему брату Самсона Соломону Гейне, удачливому банкиру.

Вольный город Гамбург был крупнейшим торговым и банковским центром Германии. Местный порт принимал корабли со всех концов света. И на улицах города, разукрашенных вывесками банков, контор и торговых фирм, звучала разноязычная речь. Дух наживы определял энергичный темп и эгоистически-жестокый уклад жизни в городе.

Соломон Гейне был далеко не последний человек в мире финансовых воротил Гамбурга. Энергичный и деятельный, с железной хваткой дельца, он довольно быстро поднялся от скромного компаньона небольшой конторы до могущественного банкира. Человек тщеславный, Соломон любил блеснуть своим богатством. В дни приемов в его внушительном загородном доме толкались десятки разодетых лакеев. К убранному золотом и се-

ребром столу подавались изысканные кушанья, обсуждение фантастической стоимости которых входило в ритуал застольных разговоров.

Неимущего родственника далеко не сразу допустили в дом богатого дядюшки. Поселившись в бедной комнатенке, Гарри каждое утро отправлялся на нелюбимую службу. День за днем было одно и то же: бесконечные выписки из банковских счетов, деловая переписка с клиентами. Работа вызывала лишь скуку и глубокую досаду.

А чувства и помыслы Гарри целиком были заняты другим.

Два года тому назад во время краткого приезда Соломона Гейне в Дюссельдорф юноша познакомился с его дочерью Амалией. Она произвела на Гарри большое впечатление, и надежда на новую встречу согревала его сердце. Но когда желаемое, наконец, произошло, прежнее робкое чувство переросло в страстную любовь. Однако Амалия выросла в доме, где единственной мерой ценности человека было богатство. Рассудительная и практичная, она следовала заповедям своего отца. Амалия благосклонно выслушивала пылкие речи юноши, но всегда умела показать, что он ей не пара. Равнодушные Амалии, чопорный уклад дома банкира, где на каждом шагу стремились подчеркнуть свое превосходство над бедным родственником, — все это было источником нескончаемых страданий впечатлительного и ранимого юноши. Но та же безответная любовь, то же остро осознанное чувство социальной отверженности — «У меня никого нет, кроме самого себя» — заставляют Гейне все чаще искать утешения в поэзии. Другу юности, Христиану Зете, он искренне исповедуется в эти дни: «Муза мне сейчас гораздо милее, чем раньше. Она стала моей преданной подругой-утешительницей... и я люблю ее всем сердцем».

Биографы поэта рассказывают, что страсть к сочинительству пробудилась у Гейне рано: свое первое стихотворение он написал в двенадцатилетнем возрасте, таясь от домашних, ночью. Но серьезные занятия поэзией начались с 1816 года. Среди его первых, еще во многом ученических опытов стали появляться стихотворения, в которых начинала чувствоваться твердая и уверенная рука будущего мастера. Таков романс «Дон Рамиро». Молодая и прекрасная испанка донья Клара приглаша-

ет на свою свадьбу влюбленного в нее дона Рамиро. Он клянется прийти. Но не в силах перенести утрату возлюбленной, он умирает. На свадьбу заявляется призрак — тень дона Рамиро.

..А меж тем в разгаре танцы,
В диком вихре мчатся пары,
Пол от пляски безудержной
Глухо стонет, сотрясаясь.

«Я схотно, дон Рамиро,
Гашевать с тобою стану,
Но в плаще темнее ночи
Ты не должен был являться».

На любимую Рамиро
Смотрит пристально и странно,
Охватив ее, он шепчет:
«Ты звала меня на свадьбу!»

И они вдвоем несутся
В бурной путанице танца,
И трубят победно трубы,
В такт вторгаются литавры!

«Ты лицом бледнее снега!» —
С дрожью тайной шепчет
Клара.
«Ты звала меня на свадьбу!» —
Глухо рыцарь отвечает.

И поток людской теснее,
И огни мигают ярче,

И трубят победно трубы,
В такт вторгаются литавры!

«Словно лед твои ладони!» —
Шепчет Клара, содрогаясь.
«Ты звала меня на свадьбу!»
И поток несет их дальше.

«Ах, оставь меня, Рамиро!
Смертный яд — твоё дыханье!»
И в ответ ей так же мрачно:
«Ты звала меня на свадьбу!»

Пол дымится раскаленный,
И неистовствуют скрипки,
И во власти чар волшебных
Иступленно все кружится.

«Ах, оставь меня, Рамиро!» —
Снова слышен стон
невнятный.
И опять в ответ Рамиро:
«Ты звала меня на свадьбу!»

«Так уйди, во имя бога!»
Произносит Клара с силой.
И едва сказала это,
Как исчезнул дон Рамиро...
(Перевод Р. Минкус)

Эта фантастическая история интересна не столько своими событиями, сколько сложнейшей гаммой переживаний героев. Уже это стихотворение начинающего поэта раскрывает его психологическую зоркость, свободное владение искусством яркого и красочного описания.

«Дон Рамиро» — не только одно из первых по времени написания стихотворений, которому предназначено было затем занять место в «Книге песен», но и стихотворение, в котором как в миниатюре выражена ведущая тема ранней лирики Гейне — тема неразделенной любви.

В феврале 1817 года на страницах заурядной газеты «Гамбургский страж» Гейне впервые печатает свои поэтические опыты, скрывая, однако, от читателя свое авторство. Репутация сочинителя могла повредить его коммерческим занятиям, а главное — решительно поссо-

ритель с дядей-банкиром, а также осложнить отношения и с родителями. Гейне впоследствии писал: «Моя мать была недовольна тем, что я учился сочинять стихи... она страшно боялась, как бы я не стал поэтом: это было бы, всегда говорила она, наихудшее из всего, что может со мной случиться. Надо сказать, что представления, которые в те времена сочетались со званием стихотворца, были не слишком лестны: поэт — это жалкий бедняк в лохмотьях, изготавливающий за несколько талеров стихи на торжественные случаи жизни и в конце концов умирающий в больнице». Не только родители устрашали Гейне трудностями, которые его могли ожидать, если бы он отдался своему призванию. «Некоторые говорят, — вспоминал несколько лет спустя молодой поэт, — что оно заведет меня в нищету, другие — на Парнас, а третьи, что оно ведет прямо в ад». Но ничто не смогло остановить развитие поэтического дара Гейне, хотя в предсказаниях и была своя горькая правда.

А пока дела Гарри в конторе дяди шли плохо. Соломон Гейне все больше убеждался в том, что его племянник непригоден к коммерции. И тем не менее он предоставил ему еще одну возможность испытать себя на поприще коммерсанта. В Гамбурге был организован небольшой филиал по продаже английской мануфактуры с громким названием «Гарри Гейне и К^о». Однако юноша по-прежнему не проявлял интереса к денежным сделкам. Судьба предприятия оказалась плачевной: не прошло и года, как фирма обанкротилась. Скрепя сердце, Соломон Гейне согласился три года выплачивать Гарри «пенсию», чтобы незадачливый племянник мог изучать юридические науки и стать адвокатом. В июле 1819 года Гейне вернулся в Дюссельдорф.

Пережитое в гамбургский период жизни нашло выражение в раннем поэтическом цикле Гейне «Страдания юности». Исповедуясь в стихах, Гейне врачевал свои душевные раны, которые, однако, так и не зажили до конца жизни. Спустя много лет, уже на склоне жизни, Гейне еще раз излил воскресшую боль юных дней в стихотворении «Замок оскорблений»:

...Там никогда не знали смеха.
Там и невинные слова
Коварно искажало эхо...
Проклятый сад! Там нет скалы,
Там нет заброшенной аллеи,
Где я не лил бы горьких слез,

Где сердце не терзали б змеи.
Там не нашлось бы уголка,
Где скрыться мог я от бесчестий,
Где не был уязвлен одной
Из грубых или тонких бестий.

(Перевод В. Левика)

По возвращении в Дюссельдорф Гейне предстояло подготовиться к поступлению в Боннский университет, однако юноша упивался сочинительством. В упорной творческой работе талант молодого поэта совершенствовался и креп стремительно. Среди стихотворений, написанных в это время, особенно выделяется баллада «Гренадеры». Это было первое обращение Гейне к одной из важнейших тем его творчества — теме Наполеона и Великой французской революции. В эти годы Гейне еще не мог во всей сложности осмыслить роль и значение Наполеона в европейской истории. К тому же образ знаменитого полководца был для поэта олицетворением тех важнейших перемен, которые пережила Западная Европа в конце XVIII — начале XIX века. С именем Наполеона Гейне связывал падение тиранических монархических режимов, ликвидацию феодальной дикости, утверждение буржуазных свобод. С глубоким сочувствием повествуется в стихотворении о двух наполеоновских солдатах, которые клянутся в своей верности бывшему императору.

Гейне приехал в Бонн, когда немецкие университеты переживали трудную пору своей жизни. В марте 1819 года студент Занд убил шпиона русского самодержавия драматурга Коцебу. Этот террористический акт явился поводом для гонений на студенчество. Официальные власти немецких княжеств и государств уже давно с неодобрением относились к шумной деятельности студенческих союзов — «буршеншафтов». Политическая программа союзов была довольно расплывчата, но содержала требования объединения Германии и расширения гражданских свобод. Теперь за деятельностью студентов были установлены строгий контроль и прямая слежка, а специально учрежденная комиссия занималась расследованием любых проявлений вольномыслия.

Деятельность «буршеншафтов», в котором была немалая доля показной бравады и молодеческой лихости, не привлекала Гейне, хотя он и не стоял в стороне от студенческой жизни. Показательно, что вскоре после

приезда в Бонн Гейне участвовал в манифестации, посвященной годовщине Лейпцигской битвы. Среди других студентов он был призван к ответу на университетский суд и подвергнут суровому и обстоятельному допросу.

Но не с делами «буршеншафтов» были связаны главные интересы Гейне, как и не с юридическими науками, усердно изучать которые строго наказывали юноше родители и дядя-банкир.

Литература и философия целиком занимали Гейне. С увлечением читает и переводит он современных английских поэтов-романтиков, Байрона и Колриджа, занимается восточной поэзией, изучает труды по истории и теории искусств. В это время Гейне знакомится и ненадолго тесно сближается с Августом Вильгельмом Шлегелем, читавшим курсы истории немецкого языка и поэзии в Боннском университете. А. Шлегель был человеком разносторонних дарований и интересов: поэт, драматург, переводчик на немецкий язык Шекспира и Кальдерона, теоретик литературы, один из основателей первого печатного органа романтиков журнала «Атенеум». Примечательно, что А. Шлегель среди студентов особенно выделял Гейне. Он приглашал юношу к себе домой, внимательно знакомился с его поэтическими опытами, наставлял и руководил. А молодой поэт, следуя этим советам, упорно совершенствовал свои стихи. Искреннее восхищение талантом и эрудицией своего учителя Гейне выразил в сонетах.

Однако даровитый ученик не был прилежным подражателем именитого наставника, он сразу же пошел в литературе своим путем. В августе 1820 года Гейне публикует свою первую литературно-критическую статью «Романтика». В ней речь шла не о романтике как возвышенном порыве к прекрасной мечте — мотиве, характерном для искусства разных эпох. Гейне писал о конкретном художественном направлении — романтизме, его истоках, развитии, современном идейно-художественном содержании. Гейне был близок к А. Шлегелю, когда историю поэзии делил на два великих культурных этапа: классический и романтический. На первом этапе главным предметом изображения был мир внешний, поэтому и поэзия имела пластический, объективный характер. На втором этапе — предметом поэзии стало внутреннее содержание личности, история чувства, «тай-

ный трепет», бесконечная тоска, «бесконечное блаженство». Однако, выделяя «пластический» характер образов классического искусства и живописный — романтического, Гейне не склонялся к их противопоставлению, а мечтал об органическом синтезе того и другого. Это центральное положение находилось в противоречии с мнением А. Шлегеля, считавшего, что гармоническая законченность поэзии древних, ее пластичность недоступны новому времени в силу внутренней разорванности современной личности. К тому же если А. Шлегель романтическую литературу возводил к далекому средневековью, к христианству и рыцарству, то Гейне в своей статье утверждал обратное: современная литература не должна быть больше «темной монашкой или кичащейся предками рыцарской девой», она должна заговорить новым языком, ибо нельзя «старыми словами и образами выразить новые чувства». Эта идея стала непреложным творческим принципом самого Гейне, неизменно устремленного к новому.

Не проучившись и года в Боннском университете, Гейне решил продолжить образование в Геттингене. Задуманное удалось осуществить, но очень скоро Гейне понял, что совершил непростительную ошибку. Стиль жизни Геттингена, заштатного, провинциального города отличала «чопорность, молодцеватость и пошлость». Большая часть студентов мало интересовалась учебой, характер преподавания отличался консерватизмом. В Геттингене Гейне чувствовал себя неуютно, одиноко, очень скучал и постоянно жалел об отъезде из Бонна. Неожиданно все решил случай. Столкновение по незначительному поводу с одним из геттингенских студентов обернулось вызовом на дуэль. Правда, благодаря вмешательству университетского начальства, дуэль не состоялась. Однако Гейне, признанный инициатором ссоры, был осужден на шестимесячное изгнание из Геттингена.

Так перед молодым поэтом остро встал вопрос: где и на какие средства продолжить образование? Родители уже ничем не могли помочь своему сыну: отец был тяжело болен, а его торговое дело ликвидировано, родительский дом в Дюссельдорфе продан. Оставалось одно: обратиться к дяде-банкиру.

И вот Гейне вновь в Гамбурге. За два прошедших года здесь ничего не изменилось, но Генрих вернулся

сюда уже не робким юношей, а поэтом, пусть начинающим, но осознающим силу своего поэтического слова. В Гамбурге с прежней силой тревожили Гейне боль неразделенной любви и бывшие обиды и унижения. Если раньше Гарри изливал свою боль в стихах-жалобах и письмах-исповедях к другу детства Христиану Зете, то теперь он кипел гневом и готов был говорить языком язвительного смеха. Так родился цикл «Фресковые сонеты Христиану З». Имя друга в названии цикла появилось не случайно. Оно намекало на крепкую связь прошлого и нынешнего. Герой сонетного цикла — гордый бунтарь, которому назначено жить в лицемерном и пошлом, утратившем человечность мире:

Я ворвался в немецкий маскарад,
Не всем знаком, но знаю эти хари:
Здесь рыцари, монахи, государи.

Картонные мечи меня разят!
Пустая шутка! Скинь я только маску —
И эти франты в страхе бросят пляску.

(Перевод В. Левика)

В этом мире люди, как в кошмарном сне, являются в облике животных: наострившая уши лиса, крикливые совы, высокомудная горилла и ученый пудель. Дьявольские рожи и ангельский лик возлюбленной равно терзают сердце влюбленного.

В Гамбурге, на семейном совете, новым местом учебы был избран Берлинский университет, и в апреле 1821 года студент-юрист прибыл в столицу Пруссии. Берлин был одним из крупнейших культурных центров Германии. Многогранной и яркой была театральная и музыкальная жизнь города, широкую известность имели местные литературные салоны. Интересное общество собиралось в доме Фарнгагена фон Энзе. Хозяин дома был незаурядной личностью: известный литератор, дипломат, участник войны с Наполеоном на стороне русских, в близком будущем один из ревностных пропагандистов творчества А. Пушкина и М. Лермонтова в Германии. Душой литературного общества была жена Фарнгагена Рахель, пламенная защитница идеи эмансипации женщин. Отныне и на долгие годы дружеские отношения свяжут Гейне с этой семьей, а также с постоянными участниками литературного общества: поэтом-романтиком А. Шамиссо, философом И. Г. Фихте, ученым-натуралистом А. Гумбольдтом. Нередко бывал Гейне и в другом

литературном салоне, где поклонялись Байрону. В этом обществе молодой поэт торжественно был провозглашен первым преемником прославленного создателя «Чайльд Гарольда».

Интерес и внимание, проявленные к стихотворениям Гейне в литературных салонах Берлина, побудили его с большей, чем прежде, энергией взяться за поиски издателя. Несколько раньше Гейне уже предпринял попытку издать свои стихи в знаменитой лейпцигской книгоиздательской фирме Фридриха Брокгауза. Но именитый издатель, не рассчитывая на коммерческий успех подобного предприятия, ответил молодому автору вежливым отказом. В Берлине судьба свела Гейне с Фридрихом Губицем, редактором журнала «Собеседник», литератором, профессором Академии художеств. Губиц впоследствии вспоминал, как к нему однажды зашел незнакомый юноша и начал разговор такой фразой: «Я вам совершенно неизвестен, но хочу стать известным благодаря вам». Губиц напечатал в своем журнале несколько стихотворений; он же познакомил Гейне с издателем Маурером, который не без некоторого колебания все же решился выпустить сборник молодого поэта. Правда, автору был назначен чисто символический гонорар: срок экземпляров собственной книги.

В декабре 1821 года первый поэтический сборник Гейне вышел в свет. В него вошли стихи, затем составившие один из разделов первого цикла «Книги песен», а также переводы из Байрона, поэзией которого Гейне страстно увлекался в эти годы. Книга Гейне обратила на себя внимание. Вскоре появились благожелательные рецензии, авторами их были известные литераторы: Фарнгаген фон Энзе, Карл Иммерман, Фридрих Шлейермахер. Последний, в частности, писал: «Ни один поэт в нашей литературе не представил еще свой субъективный мир, свою индивидуальность, свою внутреннюю жизнь с такой поразительной беспощадностью, как это сделал Гейне в своих стихотворениях... Единственный элемент, дающий жизнь поэзии Гейне, — это элемент чистой гражданственности и чистой человечности».

По складу таланта лирик, Гейне в эти годы упорно овладевал законами драматургии. Еще в Геттингене он приступил к созданию трагедии «Альманзор». Работа над пьесой была еще в разгаре, а Гейне уже писал своим друзьям: «Я вложил в нее собственное «я» вместе с мо-

ими парадоксами, моей мудростью, моей любовью, моей ненавистью и всем моим безумием».

Трагедия о далеком прошлом всем своим смыслом была обращена к настоящему. Место действия трагедии — Испания XV века. Деспотичные, властные короли в союзе с инквизицией жестоко расправляются с инакомыслящими. Несколько веков тому назад пришедшие в Испанию завоевателями, мавры осели здесь, а к XV веку полностью утратили свое военное и политическое господство и теперь более всего терпят от местных властей. Они вынуждены либо, предав забвению традиции своего народа, принять христианство, уподобиться испанцам и этим купить право жить на прежнем месте, либо проявить стойкость и тем самым обречь себя и своих близких на тягчайшие испытания — на изгнание и смерть. В трагедии рассказано, как в прошлом верные друзья Аббдула и Али выбирают в жизни разные пути. Следуя заветам предков, Аббдула уходит в изгнание, где вскоре погибает его жена, а затем и он сам. Али же, желая добиться счастья и благополучия, вступает в христианство, но глубоко заблуждается. Осознание собственной неправоты и ненависть со стороны прежних единоверцев становятся источником глубоких внутренних терзаний героя. Жизненные истории Аббдулы и Али составляют идейно-исторический фон пьесы, тогда как в центре действия — история пламенной любви и трагической гибели их детей — Альманзора и Зюлеймы.

Ярко романтическая по форме, трагедия имела конкретный политический смысл. В дни, когда создавалась пьеса, в Испании вспыхнуло восстание, направленное против реставрированного в стране абсолютизма. Вдохновителями антиправительственного выступления были Рафаэль де Риго и его сподвижник Кирога. Гейне, открыто заострив смысл своей трагедии, вложил в уста хора, как грозное пророчество, имена этих борцов за свободу:

Звенит оружие и несется клич:
«Кирога и Риго!» — клич безумный, —
Струится кровь ручьями, и темницы
И замки угнетателей — в дыму
И в пламени...

(Перевод В. Зоргенфрея)

И все же трагедия Гейне не сводилась лишь к проблемам испанской жизни. Ее бунтарский пафос был на-

правлен против любых форм политической тирании и религиозной нетерпимости. В трагедии провозглашалось право каждого народа на свою независимость и вместе с тем решительно осуждалось всякое проявление национальной исключительности. Гейне не без основания писал, что «католическая партия чрезвычайно недовольна «Альманзором». Когда в августе 1823 года пьеса была поставлена в брауншвейгском театре, молодчики из местных «патриотов» учинили в зрительном зале скандал и представление сорвалось. Объявить повторный спектакль дирекция театра уже не решалась. Сам поэт незадолго до этого, подтверждая свою верность раз и навсегда избранной позиции, писал: «Я люблю Германию и немцев, но не меньше люблю и обитателей прочей земли, которых в сорок раз больше, чем немцев. Ценность человека определяется его любовью. Слава богу! Я, значит, стою в сорок раз больше тех, кто не в силах выбраться из болота национализма, эгоизма и любит только Германию и немцев».

Трагедия «Альманзор» — приметное звено в творческом развитии Гейне. Пьеса подтверждала, что именно лирическое составляет основу поэтического дарования Гейне. В трагедии доминировали мысли и чувства самого автора, олицетворенные в бунтарском образе главного героя. Индивидуальное начало в героях трагедии было выражено слабо. «Альманзор» — грандиозный монолог, страстная лирическая исповедь Гейне.

Однако поэт продолжал работать в области драматургии. В январе 1822 года, в течение трех дней, без предварительных набросков Гейне написал вторую трагедию «Вильям Ратклиф». Она была создана в традициях очень популярной в эти годы «драмы судьбы». На сценах немецких театров с успехом шли трагедии Клейста «Семейство Шроффенштейн», Грильпарцера «Праматерь», Вернера «24 февраля». В драме судьбы изображалась власть сверхъестественных сил над человеком; герой был игрушкой в руках страшных обстоятельств, разум оказывался бессильным понять, тем более предугадать роковой ход событий. Атмосфера загадочного, ирреального пронизывала все действие. И тем не менее в драме судьбы, пусть в форме мистифицированной, представала типичная историческая коллизия: патриархальный уклад неумолимо рушился под натиском новых, буржуазных порядков. В Германии для многих, еще

крепко связанных с прошлым, процесс этот оставался непонятным, а для тех, чьи жизненные интересы непосредственно задевал, в этом виделось нечто страшное и неотвратимое. Сами авторы драм судьбы чаще всего не поднимались до понимания истинной сути происходящих событий. И поэтому действительность представляла в их пьесах абсурдной, а жизнь человека — безысходно-трагической.

Герой пьесы Гейне «Вильям Ратклиф» — «романтический злодей», одержимый роковой любовью к дочери знатного лорда — Марии. Движимый страстной любовью-ненавистью, Вильям убивает женихов Марии, затем закалывает ее и кончает жизнь самоубийством. В трагедии много жуткого и таинственного: здесь и два туманных призрака, неотступно преследующих всю жизнь Вильяма; и пророчества безумной кормилицы, под зловещий аккомпанемент которой проходит все действие; и Страшный Черный камень, у которого находят свою смерть женихи Марии. Но есть в трагедии Гейне и другое: ужас происходящего автор стремится объяснить социальной неустроенностью жизни. Действие не случайно перенесено в современную Шотландию, где ломка старого патриархального уклада происходила довольно болезненно и контрасты бедности и богатства были громадны. Герои пьесы Гейне — это люди отверженные, социально ущемленные. Таков, к примеру, содержатель воровского притона Том, уже давно понявший, что мир делится на два враждующих стана: «сытых и голодных».

Романтический бунтарь Вильям Ратклиф видит, что общество основано на узаконенной социальной несправедливости: «суд, палачи, веревки» ограждают купающихся в роскоши от любых притязаний «голодных и докучливых оборванцев».

Впоследствии Гейне придавал большое значение своей юношеской трагедии, считая ее «немаловажным документом своей писательской жизни, подводящей итог его «поэтическому периоду «бури и натиска». Трагедия привлекла внимание некрасовского «Современника». На страницах журнала «Вильям Ратклиф» появился в переводе А. Н. Плещеева с посвящением Н. Г. Чернышевскому.

Занятия драматургией побуждают Гейне ближе познакомиться с театральной жизнью Берлина. Молодой

поэт временами появлялся в погребке Лютера и Вагнера, где, по давно сложившейся традиции, любили собираться театральные деятели. Однако самым прославленным посетителем погребка был Эрнст Теодор Гофман, крупнейший из здравствующих немецких романтиков. Гофман был удивительно одаренный человек: прозаик, композитор, музыкант, художник-карикатурист. В своих повестях-сказках «Золотой горшок», «Крошка Цахес по прозвищу Циннобер», романе «Житейские воззрения кота Мурра» Гофман резко сатирически изображал княжеский абсолютизм, бесчеловечность буржуазных норм жизни, бескрылый, затхлый, ограниченный мир обывателей. Положительный идеал писателя был воплощен в романтических образах гениальных музыкантов, мечтателей, чутких к прекрасному, устремленных в мир чистой духовности. Но искусство Гофмана не уводило в иллюзорный мир философских и эстетических утопий. В книгах Гофмана ощутима была реальная действительность, и, какие бы фантастические картины ни рисовал писатель, в них проглядывали трепещущие проблемы современности.

Художественная одаренность не могла обеспечить Гофману даже мало-мальски сносного материального достатка. Мало того, талант не раз становился невольной причиной больших житейских невзгод. Начиная свою служебную карьеру, Гофман поплатился ссылкой за острую карикатуру на своего начальника. Позже он оказался под судебным следствием как автор новеллы «Повелитель блох», в которой высмеивалась деятельность комиссии по расследованию политических преступлений.

Гейне познакомился с Гофманом, но сблизиться не успел. 28 июня 1822 года Гейне провожал гроб с телом Гофмана в последний путь. Уже в этот горький июньский день Гейне во всей полноте осознал, какую большую утрату понесла отечественная литература. Незадолго до этого в одной из своих корреспонденций Гейне писал: «Я так люблю и ценю произведения Гофмана. Они принадлежат к замечательнейшим созданиям нашего времени».

Берлинский период жизни Гейне связан с одним недолгим, но очень поучительным путешествием. Осенью 1822 года, воспользовавшись приглашением знакомого по университету Евгения Брезе, Гейне едет в Польшу,

где проводит около двух месяцев. Поэт оказался на родине Коперника и Костюшко в один из самых горьких периодов ее истории. После падения Наполеона решением реакционного Венского конгресса 1814—1815 годов, на котором представители европейских государств ставили своей главной задачей реставрацию прежних порядков, земли Польши вновь отошли к Австрии, Пруссии и России. Политика монархических государств, направленная на подавление национальной независимости польского народа, обнаружила во всей полноте свои пагубные последствия. Но эта же политика, вызвавшая повсеместно глубокое недовольство, рождала решительное противодействие. Пристально всматриваясь в жизнь Польши, Гейне сумел почувствовать и отразить атмосферу сложившейся исторической ситуации. Путевые заметки «О Польше» согреты горячим сочувствием к «горькой доле поляков» и искренним восхищением их беззаветно преданным отношением к родине: «Если отечество — первое слово поляка, то его второе слово — свобода». Тяжелая участь простого народа потрясла поэта: «Польские деревни являют собой печальное зрелище, люди живут в них как скоты... у меня стало очень тоскливо на душе, когда я увидел бедственное положение польского крестьянина...» Слова эти взяты из личного письма Гейне. Что касается заметок «О Польше», то они появились на страницах берлинского журнала «Собеседник», благонадежно отредактированные, с пропуском «опасных мест». Но даже в таком виде они вызвали громкое возмущение в реакционных кругах общества. «Эти статьи навлекли на меня ненависть баронов и графов; и кое-где повыше меня тоже успели основательно очернить», — писал Гейне другу Х. Зете.

Корреспонденции «О Польше» занимают скромное место в литературном наследии Гейне. Но они интересны и важны как один из этапов творческого становления Гейне-прозаика. Отныне путевые заметки станут для Гейне излюбленным приемом организации материала. Они позволяют увидеть, как формируется неповторимая «интеллектуальная» проза поэта. В произведении отсутствует последовательное описание событий. Художественное полотно соткано из отдельных фрагментов — зарисовок и рассуждений, на первый взгляд по прихоти случая сменяющих друг друга. Но из них вырастает многогранная и впечатляющая картина жизни.

«О Польше» — раннее, но не первое прозаическое произведение Гейне. Годом раньше были опубликованы «Письма из Берлина», в которых молодой автор сделал заявку на новую манеру описания. Берлинская жизнь воссоздана в мельчайших штрихах, мимолетных зарисовках, кратких фрагментах. Писатель не заботится об эпической полноте и завершенности картины, а стремится передать настроение, общий колорит жизни. В «Письмах из Берлина», утверждая свою манеру письма, Гейне писал: «Я очень часто передаю не новость, а ее дух... не требуйте от меня систематичности... все будет зависеть от ассоциации идей».

В творческом отношении берлинский период жизни Гейне оказался очень плодотворным. Помимо трагедий, художественной прозы, критической статьи, был создан цикл поэтических миниатюр «Лирическое интермеццо». Свои новые стихи Гейне называл «чувствительно-ироническими песенками». Ирония помогала Гейне выйти за круг интимных тем и вместе с тем наглядно показать, что поэзия этими темами ограничиться не может. Как художник, Гейне был устремлен к синтезу, к охвату жизни в ее возможной полноте. И комплимент, адресованный Иммерману в одном из писем тех лет, был скорее выражением творческой программы самого Гейне: «Тема вашей поэзии — весь мир в его бесконечном многообразии...»

В апреле 1823 года Гейне держал в руках первые экземпляры своей второй книги «Трагедии с лирическим интермеццо», вышедшей у берлинского издателя Дюмлера. Поэт радовался новой книге как ребенок, и вместе с тем он уже был весь поглощен новыми замыслами: были задуманы пятиактная трагедия из венецианской жизни, роман-эпопея в духе Вальтера Скотта и книга на тему легенды о Фаусте.

В мае 1823 года Гейне приехал в глухой провинциальный Люнебург, где теперь уединенно жили, стыдясь своей бедности, родители. Поэт шутливо писал друзьям, что знакомство он водит здесь «только с деревьями» и что на местной ратуше «стоит культуроотвод». Тишина и покой Люнебурга, по мнению медиков, должны были помочь Гейне избавиться от головных болей, не оставлявших его в Берлине. К тому же пришла пора с усердием отдаться изучению университетских курсов. И родителям, и самому поэту казалось, что диплом юри-

ста — единственный верный источник заработка. Да и Соломон Гейне, согласившийся еще два года платить стипендию «легкомысленному племяннику», требовал, чтобы затраченные деньги в конце концов окупили себя. Поэтому в январе 1824 года Гейне появляется в Геттингене, поставив перед собой цель как можно скорее завершить университетское образование. Поэт вновь в городе, где еще недавно чувствовал себя так тоскливо и неуютно. Увы, за три прошедших года тут мало что изменилось. «Дыра Геттинген», — начинает Гейне одно из писем, чтобы в следующем уже написать: «Проклятая дыра Геттинген». А вскоре «Путешествие по Гарцу» откроется замечательной по остроумию характеристикой города и его обитателей: «Город Геттинген, знаменитый своими колбасами и университетом, принадлежит королю Ганноверскому и располагает девятьюстами девятьюста девятью очагами, различными церквями, одним родовспомогательным заведением, одною обсерваториею, одним карцером, одной библиотекой и одним городским погребком, где пиво превосходное... Сам город очень красив и нравится больше всего, когда обернешься к нему спиною... В общем жители Геттингена делятся на студентов, профессоров, филистеров и скотов, каковые четыре сословия, однако, далеко не строго различаются между собою. Число геттингенских филистеров должно быть очень велико: их — как песку или, лучше сказать, как грязи на берегу моря...»

В конце мая в Геттингене, за письмом к другу Р. Христиани, Гейне застало горькое известие: в далеких Миссолунгах, сражаясь за свободу греческого народа, погиб великий английский поэт Джордж Байрон. Весть запоздала более чем на месяц — Байрон умер 19 апреля 1824 года, но Гейне воспринял ее остро и больно. Тут же, прервав ход прежних рассуждений, он написал: «Вот и это великое сердце перестало биться! Оно было великим и было сердцем, а не мелкой яичной скорлупкой чувств. Да, этот человек был велик, он в муках открывал новые миры, по-прометеевски восставал против жалких людей и их еще более жалких богов...» Написав это, Гейне продолжал письмо, но уже не мог отрешиться от единственного, целиком поглотившего его чувства. Огромность утраты открывалась перед ним все с большей силой. Вновь прервав ход рассуждений, Гейне пишет: «Смерть Байрона привела меня в такое смяте-

ние, что я не знаю, о чем пишу, и вам трудно будет разобраться в моей вялой тарабарщине». И чуть дальше снова, без всякой связи с предыдущим: «Байрон умер, скверная погода...»

Глубокое духовное родство с Байроном Гейне осознал с первых шагов своего литературного пути. Он много и с увлечением переводил английского поэта, ему был глубоко созвучен бунтарский дух титанических героев автора «Манфреда»; он высоко ценил бичующую силу байроновского смеха. Спустя месяц, все еще остро переживая горькую утрату, Гейне писал: «Смерть Байрона меня очень потрясла. Он был единственным человеком, в родстве с которым я себя ощущаю, во многом мы, вероятно, были схожи». Да, они были схожи, но не во всем. Гейне не разделял мрачного отчаяния Байрона, его скептического взгляда на будущие судьбы человечества. Не случайно Гейне отдавал предпочтение «простодушным, радостным» образам Вальтера Скотта, в отличие от «мрачных адских картин угрюмого больного сердцем» Байрона.

В Геттингене головные боли по-прежнему продолжали мучить Гейне. Поэта раздражал любой шум, преследовала бессонница, и нередко болезнь оставляла для работы лишь считанные часы. Средства лечения предлагались разные. Среди них — и пешеходное путешествие по Гарцу. Последний совет был принят, и в сентябре 1824 года Гейне отправился в путь. Маршрут проходил через Эйслебен и Галле, Йену и Эрфурт, Эйзенах и Кассель. Лежал на этом пути и Веймар, где здравствовал семидесятипятилетний Гёте. Гейне уже давно искал встречи со знаменитым соотечественником. Со словами любви и признательности свою первую, а затем и вторую книгу он отправил Гёте. В Веймар адресовались многие молодые литераторы. Книжки Гейне среди других не обратили на себя внимания автора прославленного «Фауста».

И вот 1 октября 1824 года Гейне оказался в Веймаре и письменно просил Гёте его принять. Приглашение последовало. Вот как описывает эту встречу Максимилиан Гейне со слов своего брата: «Гёте принял Гейне со свойственной ему грациозной снисходительностью. Разговор шел, если не буквально о погоде, то о самых обыденных вещах, даже о тополевой аллее между Йеной и Веймаром. Вдруг Гёте обратился с вопросом к Гейне: «Чем вы

занимаетесь теперь?» — «Фаустом», — ответил молодой поэт. Гёте, у которого вторая часть «Фауста» еще не выходила в свет, несколько поразился и спросил в резком тоне: «Других дел в Веймаре у Вас нет, господин Гейне?» Гейне ответил быстро: «Когда я переступаю порог дома вашего превосходительства, все мои дела в Веймаре кончаются». И с этими словами он удалился. Характерно, что в «Путешествии по Гарцу», где Гейне подробно описывал все примечательные события, случившиеся с ним, он ни словом не обмолвился о встрече с Гёте. Но зато он рассказал об этом в одном из писем: «Вид Гёте испугал меня до глубины души: желтоватое лицо, лицо мумии, тревожно шевелящийся беззубый рот, вся фигура — воплощение человеческой дряхлости... только глаза его были ясными и блестящими». Как это обычно у Гейне, портрет-характеристика — не просто фиксация конкретных впечатлений. Глубоко в подтексте спрятана мысль широкого обобщающего смысла — Гёте олицетворял для Гейне великое искусство классической поры. Но в литературе начинался новый период, и Гёте, по мнению Гейне, оставался в прошлом, он был стар, чтобы принять новое.

В начале октября 1824 года Гейне вернулся в Геттинген и с новыми силами взялся за учебу. Хотя латынь и юриспруденция занимали большую часть времени, творческую работу Гейне не оставлял. Две книги прозы лежали в те дни на его письменном столе.

Одна из них — «Бахерахский раввин» — была начата полгода тому назад и потребовала огромной подготовительной работы. Гейне задумал обширное полотно из истории средневековой Германии. Поэт изучил множество исторических источников, действие связал с местами хорошо знакомыми — Франкфуртом, где некоторое время постигал тайны торгового дела, и Бахерахом, который посещал, когда учился в Боннском университете. В своей книге Гейне решил показать отвратительный лик зачинщиков религиозной и национальной вражды. Тема была остроактуальной для современной Германии, где религиозные мракобесы и воинствующие националисты приобретали все большую власть. Работу над этой книгой Гейне считал своим писательским долгом. Но «Бахерахский раввин» создавался с огромным трудом. Гейне то откладывал, то вновь возвращался к ней, он то ждал светлого часа вдохновения, то пытался упорным

трудом овладеть неподатливым материалом. Постепенно Гейне пришел к выводу, что эпическое повествование не отвечает складу его дарования. Примирившись с мыслью, что задуманную книгу так завершить и не удастся, он опубликовал в 1840 году три не до конца завершенных главы со все объясняющим подзаголовком «Фрагмент».

Другая книга не потребовала от поэта специальной подготовки. Ее материал и ее идеи были дарованы поэту во время пешеходного путешествия по Гарцу. Писалась она легко. Все другие работы решительно отодвинуты в сторону. Гейне потребовалось чуть больше месяца, чтобы написать знаменитое «Путешествие по Гарцу». Гейне предполагал быстро опубликовать свою книгу, но обстоятельства сложились иначе.

Весна и лето 1825 года были отданы учебе. Незадолго до окончания университета Гейне после некоторого колебания принял крещение. Он понимал, что литературная работа не обеспечит ему твердого материального достатка. Приходилось возлагать надежду на адвокатскую деятельность, а заняться ею мог только христианин. К своему крещению Гейне относился как к чисто формальному акту, шутливо называя его «входным билетом в европейскую культуру».

В мае Гейне сдал положенные экзамены, а в июле защитил тезисы на степень доктора прав.

Годы юности, годы становления остались позади. Поэт стоял на пороге новой жизни.

НА РОДИНЕ КАК НА ЧУЖБИНЕ.

ПОЭТ И ПРОЗАИК

*Я Атлас¹ злополучный! Целый мир,
Весь мир страданий на плечи подъямлю,
Подъямлю непосильное, и сердце
В груди готово разорваться.*

(Перевод А. Б л о к а)

6 августа 1825 года полный радужных мечтаний, Гейне покинул Геттинген. Его ждал остров Нордерней, лежащий в суровом и чарующем Северном море. Около

¹ *Атлас* — один из титанов, который был осужден держать на своих плечах небесный свод за попытку низвергнуть Зевса (греч. миф.).

двух месяцев пробыл поэт здесь и затем, ненадолго заехав к родителям в Люнебург, отправился в Гамбург, где намерен был заняться адвокатской практикой. Однако получить работу, несмотря на все старания, так и не удалось. Бежали дни, проходили месяцы, и доктор прав Гейне все острее осознавал неопределенность своего положения. В одном из писем этой поры звучит горькое признание: «Я знаю меньше, чем кто-либо, что я здесь стану делать». Робкая надежда получить курс лекций в Берлинском университете оказалась тоже несбыточной.

Год 1826 Гейне встретил в том же состоянии тревожной и неуютной неустроенности. Иногда он пытался убедить близких, друзей, а заодно и самого себя, что жизнь в Гамбурге имеет свои светлые стороны. «Ведь именно здесь классическая почва моей любви, здесь все для меня точно зачаровано, в груди вновь пробуждается много угасших было живых чувств, в сердце вновь расцветает весна».

В январе 1826 года на страницах журнала «Собеседник» наконец появилось «Путешествие по Гарцу». Публикация не доставила радости автору: текст пестрил досадными искажениями, кое-что было вообще изъято. Оставалось надеяться на новое издание. И именно в это время случай свел Гейне с гамбургским коммерсантом по книжному делу Юлиусом Кампе. Новое знакомство определило судьбу всех дальнейших прижизненных изданий Гейне. Ю. Кампе был предприимчивым и расчетливым дельцом, он покупал у Гейне рукописи «на корню», с правом их неограниченного переиздания. Непрактичный поэт, всегда стесненный в средствах, обычно уступал свои произведения за скромные суммы. И получилось так, что Кампе богател, а поэт нередко нуждался и единственное спасение видел в материальной помощи богатых родственников.

В середине мая 1826 года вышла книга, положившая начало многолетнему сотрудничеству Генриха Гейне с Ю. Кампе. Называлась она «Путевые картины» (часть первая) и содержала стихотворный цикл «Опять на родине», прозаический фрагмент «Путешествие по Гарцу» и несколько оригинальных стихотворений в прозе. Гейне без особого энтузиазма ожидал появление своей книги. Многие из того, что в нее вошло, было написано года полтора - два назад. И поэтому уже казалось, что прежним творениям не хватает боевитости, политической ост-

роты. В пылу самокритики он даже назвал свою книгу «усталой, бесцветной, ручной». К недавним своим работам поэт подходил с высоты новых замыслов. «Время наше уж очень скверное, — писал он, — и тот, в ком есть сила и прямотуше, обязан мужественно вступать в борьбу с надутый скверной и с неспосно-кичливый посредственностью, которые все больше распространяют свое влияние».

«Путешествие по Гарцу» оказалось, однако, далеко не столь безобидной книгой, как полагал автор. Книга, действительно, была пронизана глубоким лирическим чувством, и ее национально-неповторимый образный строй ярко выражал два центральных мотива — пламенную любовь к родине и ликующее жизнелюбие. Но рядом с высокой патетикой и лирическим пафосом существовало очень небезобидное сатирическое начало. Писатель осмеивал и бичевал затхлый филистерский мир, погрязшую в трясине феодальных предрассудков Германию.

«Путевые картины» были замечены и породили большую прессу. Нашлись персонально обиженные: некий Иозеф Фридлендер, узнавший себя в образе «черного... еще не повешанного маклера... с мошенническим мануфактурно-торговым лицом». Но гораздо больше было таких, кто поспешил встать на защиту немецких порядков. Рецензенты писали, что Гейне оскорбил университетскую науку, посмеялся над верноподданническими чувствами и светлыми добродетелями. Дело не ограничилось словесными баталиями. «Путевые картины» были запрещены в Геттингене и других немецких городах.

В июле 1826 года Гейне вновь уезжает на Нордерней. Море было единственным лекарем, который хотя бы на время врачевал мучительные головные боли, неотступно преследовавшие поэта. Море дарило и вдохновение. Этим летом был завершен поэтический цикл «Северное море». Отныне тема моря прочно вошла в немецкую поэзию. Сам Гейне эту тему раскрыл в широкой исторической перспективе, придав ей глубокое философское звучание.

Этим же летом Гейне познакомился с русским дипломатом и литератором, эрудитом и остроумцем князем Петром Козловским. Немецкий поэт и бывший русский дипломат быстро сдружились и уже до отъезда оставались неразлучны. Гейне привлекало не только общение с яркой и одаренной личностью Козловского, но и возможность хотя бы частично утолить давнишний интерес

к России. Ко времени встречи с Гейне П. Козловский уже несколько лет находился в отставке, однако продолжал жить за границей. Теперь же, когда в России в связи с восстанием декабристов свирепствовала реакция, возвращение на родину Козловского, который пользовался репутацией вольнодумца, отодвигалось на неопределенный срок. Но связь с родиной Козловский не терял, и, несомненно, он сумел сообщить Гейне немало о России. Когда в середине 30-х годов Козловский вернулся на родину, он был вхож в петербургские литературные круги, близко знал Пушкина и сотрудничал в журнале «Современник». Интересно отметить, что Пушкин проявлял интерес к творчеству Гейне. Так, он обращается с письмом к шведскому дипломату Густаву Нордину с просьбой прислать некоторые сочинения Гейне. Пушкин набрасывает фрагмент, навеянный чтением прозы Гейне. В это же время библиотека русского поэта пополнилась несколькими томами из сочинений Гейне, изданных на французском языке в 1834—1835 годах...

Пребывание на Нордернее укрепило здоровье Гейне. Он с вдохновением ушел в работу над новой книгой, ставшей центральной частью «Путевых картин». Завершив работу над рукописью путевых картин, Гейне сообщил другу Фридриху Меркелю: «Книга наделает много шума, и не потому, что там высказываются идеи, интересующие весь мир. Наполеон и французская революция изображены в ней во весь рост».

Второй том «Путевых картин» назывался «Идеи. Книга Le Grand». И речь в нем шла о живительных идеях Великой французской революции и лихом барабанщике Ле Гран, олицетворяющем героика революционного деяния. Но облечена была книга в форму интимного лирического монолога, обращенного к женщине, и эпиграф к первой главе обещал историю вечную, как сама жизнь: «Она была мила, и он любил ее; но он не был мил, и она не любила его». В книге переплелись друг с другом интимное чувство и гражданский порыв, любовная история, история мира и народов, дела науки и дела общественные. Второй том «Путевых картин» строился по принципу свободного ассоциативного перехода от темы к теме, от строго документального факта к фантазии. Тонкая ирония и острый сатирический выпад, яркая метафора и неожиданная гипербола, лирическая исповедь и бичующий монолог характерны для этой книги, отражавшей

кричащую неоднозначность современной жизни. Свободный полет авторской мысли не разрушал целостности повествования, сцементированной строгим единством центральных проблем. Написанная в мрачные годы Реставрации, книга воскрешала преданные забвению идеи Великой французской революции, а образ Наполеона стал художественным обобщением исторического деяния, направленного на разрушение старых устоев мира. Вчерашнее и сегодняшнее в книге нерасторжимо. Здесь мир далекого детства поэта: первые годы нового века, рушившийся под поступью наполеоновских войск патриархальный уклад Германии, и маленький солдат Ле Гран, учивший мальчика понимать на языке барабана высокий смысл слов «равенство» и «свобода». Здесь и мир сегодняшний, торжествующий лагерь победивших врагов свободы, и умолкнувший барабан изможденного солдата революции Ле Грана. Эпоху великих социальных потрясений сменило время рабского затишья. И книга Гейне призывала к борьбе. Умолкнувший гимн боевой «Марсельезы» должен был вновь зазвучать в Европе. И хотя порой на отдельные страницы тенью набегала меланхолическая грусть и Гейне говорил о мучительной «зубной боли в сердце», вера в жизнь и победу ее лучших начал определяла основную тональность книги. Поэт писал: «Жизнь — высшее из благ, худшее из зол — смерть... В жилах моих кипит красная жизнь, под моими ногами трепещет земля, я, пламенея любовью, обнимаю деревья и мраморные изваяния, и они оживают в моих объятиях... И я живу! Биение великого пульса природы отдается в моей груди, и, когда я ликую, тысячекратное эхо отвечает мне».

Второй том «Путевых картин» вышел в свет в апреле 1827 года. Он умножил литературную славу Гейне и закрепил за ним репутацию неблагонадежного писателя. В Австрии, Пруссии и других немецких княжествах книгу объявили крамольной, запретив ее распространение. Что касается поэта, то он был полон желания продолжать свою борьбу с европейской реакцией. Оценивая свою последнюю книгу, Гейне писал: «Думаю, что «Ле Гран» тебе понравится... Благодаря этой книге я приобрел в Германии множество поклонников и огромную популярность... Теперь мой голос разносится далеко. Ты еще не раз услышишь его, мой голос, громящий палачей мысли и врагов священнейших прав человека».

Весной этого же года Гейне удалось осуществить давно задуманное путешествие в Англию. И произошло так, что уже самые первые впечатления от этой страны приобрели для поэта значение широчайших по смыслу символов. В холодный, пасмурный вечер, еще до того, как с палубы корабля открылась картина Лондона, поэт увидел зловеще выступавшие в тумане грозные башни замка-тюрьмы Тауэра. Сырая, неуютная погода и атмосфера несвободы, воплощенная в образе мрачной тюрьмы, так и остались самыми устойчивыми впечатлениями от Англии.

Гейне изучал английскую жизнь с подвижническим энтузиазмом. Он посещал суд и парламент, биржу и порт, просиживал вечера в театре, бывал в музеях и на выставках. Но чувство глубокой неудовлетворенности не оставляло его. В письмах на родину поэт жаловался: «Я мерзну и страдаю ужасно... Ничего, кроме тумана, угольной копоти, портера и Каннига... Здесь так страшно сыро и неуютно». Гейне клянет дороговизну английской жизни, вредный для здоровья климат, собственное скверное настроение. Спустя месяц после приезда он пишет: «Я погружаюсь в глубокое оцепенение, словно в свинцовый гроб». Не столь уж приятное путешествие многое прояснило поэту в современной действительности. Социальные контрасты буржуазного общества раскрылись Гейне полнее и глубже, а надежды, связанные с буржуазным прогрессом, заметно угасли. Вскоре, по возвращении в Германию, Гейне заметил: «Эта поездка — большое духовное приобретение».

В 1826 году в форме газетных корреспонденций начинается публикация прозаических зарисовок, которые несколько позже составят последнюю часть «Путевых картин».

«Английские фрагменты» — смысловой итог «Путевых картин». Завершив повествование о странах, где господствовали реставрированные феодально-католические режимы, автор обратился к рассказу о новом, буржуазном мире. Он начал этот рассказ с надеждой на лучшее, чтобы уже очень скоро сказать, как неоправданны были его ожидания. Деловой денежный мир нового общества поразил поэта своей жестоко-эгоистической философией жизни, основанной на голом расчете и корыстной выгоде.

«Не посылайте в Лондон поэта», — напишет Гейне

уже в начале «Английских фрагментов», и эти слова станут лейтмотивом всего последующего повествования.

В своей книге Гейне не случайно умолчал о культуре Англии, поскольку его представление о современной жизни основывалось на том, что корыстные интересы вытеснили духовное из жизни людей. Гейне рисует Англию, где нет места ни мятежному искусству Байрона, ни ренессансной широте и величию Шекспира. Единственная развернутая литературная цитата в «Английских фрагментах» отсылает к страшным картинам ада «Божественной комедии». Дантовские слова о тщетности надежд каждого, входящего в ад, вписаны в картину Ньюгэтской тюрьмы — мрачного символа буржуазной Англии. Сух, деловит и протокольно точен язык книги.

В «Английских фрагментах» утверждающийся буржуазный мир предстал в своей грозной силе, порабащавшей человека цепями нового рабства.

В первой половине августа 1827 года Гейне покидает Англию и через Голландию, где делает небольшую остановку, отправляется на родину. Почти месяц он проводит на побережье Северного моря и наконец в октябре появляется в Гамбурге. Здесь его ждет не только трудный и неприятный разговор с дядей по поводу денежных расчетов, но и интересная работа по подготовке к печати сборника стихов. В середине ноября «Книга песен» выходит в свет, прочно утверждая за Гейне репутацию одного из крупнейших поэтов XIX века.

«Книга песен» составила из стихов, написанных в разное время и по разным поводам, печатавшихся отдельно и целыми циклами. Столь разнохарактерный поэтический материал, казалось, не мог мирно ужиться под одной обложкой. Но произошло иное — книга оказалась законченной и внутренне целостной.

«Книга песен» — стихотворное повествование о трудной и несчастной любви и о столь же горьком и трагическом времени. Мрачная реакция, утвердившаяся в Европе, враждебна высоким человеческим чувствам. Искренние порывы сердца героя не поняты и отвергнуты. Его возлюбленная, верная дочь своего времени, капризная и коварная, предпочитает ничтожного и мелкого, но признанного и обласканного обществом франтика.

«Книга песен» — лирическая исповедь высокого мужества и пламенной веры в победу лучших начал жизни. Отражая во всей полноте драматизм эпохи, она будила

гражданское сознание, звала к деянию и борьбе. Личная трагедия героя сливалась с трагедией эпохи, обретая высокий общественный смысл. Гейне всегда очень дорожил идейным и художественным единством своей книги, решительно протестуя против каких-либо вторжений в ее поэтическую ткань. Когда спустя десять лет Ю. Кампе готовил второе издание «Книги песен», Гейне писал ему: «Мне кажется, излишне давать «Книге песен» новое название и вносить в нее дополнения; они могут лишить ее того целостного характера, которому она, возможно, обязана частью своего успеха... Я давно чувствую, что лучше и в литературном смысле всего разумнее издавать «Книгу песен» всегда без изменений». Но это органическое единство книги не исключало неповторимого своеобразия каждого из четырех ее циклов.

Первый цикл — «Юношеские страдания» — отражает становление Гейне-поэта, поиски им своей темы и форм ее художественного выражения. словно испытывая возможности своей поэтической палитры, Гейне обращается к самым различным жанрам: романсу и сонету, песне и балладе. Тема лирического героя выражена в первом цикле еще недостаточно последовательно, да и сам цикл делится на ряд разделов.

Открывается цикл «Сновидениями» — грезами и мечтами, сладкими и горькими муками по-юношески влюбленного героя. В этих стихах довольно часто восставшие из могил души умерших страстно исповедуются в своих чувствах. Рассказ о горькой неразделенной любви продолжается в «Песнях»:

Утром я встаю, гадаю:
Можно ль нынче ждать?
Вечером томлюсь, вздыхаю:
Не пришла опять!
Сна не шлет душе усталой
Долгой ночи тень;
Греза, полусонный вялый,
Я брожу весь день.

(Перевод В. Коломийцева)

Вслед за первыми двумя разделами этого цикла следуют «Романсы» — драматические истории из разных времен, внешне очень несхожие, но связанные глубоким идейным единством. Стихотворение «Бедный Петер» повествует о горькой судьбе крестьянина, который не может открыть своего искреннего, большого чувства де-

вушке из другого круга общества. Петер беден, унижен, он рабски подавлен обстоятельствами жизни, он способен только страдать и терзаться, и впереди у него, как единственный выход, — смерть. В стихотворении «Валтасар» изображен всемогущий царь Древнего Вавилона, тиран и деспот, в гибельном своеволии дошедший до крайних пределов. Но могущество Валтасара — не вечно:

Но прежде чем взошла заря,
Рабы зарезали царя.

(Перевод В. Левика)

Цикл «Юношеские страдания» венчают «Сонеты», в которых слышен окрепший голос Гейне-сатирика. Лирический герой, пройдя нелегкую школу испытаний, возмужал. Гордый и непримиримый, он бросает вызов лицемерному и своекорыстному обществу:

Личину мне! Отныне я плебей!
Я не хочу, чтоб сволочь золотая,
В шаблонных масках гордо выступаая,
Меня к родне причислила своей...

(Перевод В. Левика)

Хотя гражданская страсть героя и выходит в сонетах на первый план, тема трагической неразделенной любви продолжает звучать:

Все думаю о сказочке одной,
В ту сказочку и песня вплетена,
И в песне той любимая, она
Цветет и дышит дивнсю весной...

(Перевод В. Зоргенфрея)

Второй цикл «Книги песен» — «Лирическое интермеццо» состоит из пролога и небольших лирических миниатюр. Эта жанровая форма здесь единственна, как и единственна тема любви, раскрытая поэтом во всем многоцветии своих проявлений. В «Лирическом интермеццо» к любви героя причастен весь мир, вся природа, земля и небо. Любовь обнимает здесь все.

История чувства, искреннего и трепетного, интимного и всеобнимающего, передана с глубокой психологической достоверностью. Поэт сумел выразить малейшие движения сердца, тончайшие нюансы настроения и перемены чувств.

Любовный роман вспыхивает с надеждой и верой в близкое счастье, сливаясь с радостным ликованием природы:

Чудесным светлым майским днем,
Когда весь мир в цветенье,
В душе моей раскрылась
Любовь в одно мгновенье.

(Перевод В. Зоргенфрея)

Но оборачивается он трагически, и тут же исчезает
многоцветье природы, мир погружается в мрак:

Путь мой мгла ночная метит,
Сумрак стелется вокруг
С той поры, как мне не светит
Свет очей твоих, мой друг.

Золотые, закатилась
Звезды прелести живой,
Бездны темные раскрылись, —
Ночь, прими меня, я твой!

(Перевод В. Зоргенфрея)

В «Лирическом интермеццо» личная драма героя приобретает широкий обобщающий смысл. Кульминацией цикла стало стихотворение «На севере диком стоит одиноко...», в котором горечь неразделенной любви выражена в символах широчайшего смысла.

Но трагедийный пафос не определяет тональности цикла в целом. В высокий мир чувств героя вторгается ирония. Внутренняя жизнь взаимосвязана и определена объективными обстоятельствами. Ирония высвечивает в любовных грезах суровую правду земных проблем:

Они меня истерзали
И сделали смерти бледней, —
Одни — своею любовью,
Другие — враждою своей.

Они мне мой хлеб отравили,
Давали мне яда с водой, —
Одни — своею любовью,
Другие своею враждой.

Но та, от которой всех больше
Душа и доселе больна,
Мне зла никогда не желала,
И меня не любила она!

(Перевод Ан. Григорьева)

Более ощутима ирония в следующем цикле «Книги песен» — «Опять на родине». Гейне осмеивает пошлых филистеров и чванливую прусскую военщину, угодливых чиновников и многомудрых философов-идеалистов:

Фрагментарность вселенной мне что-то не нравится!
Придется к ученому немцу отправиться.

Короткий расчет у него с бытием:
Системе своей ища оправдания,
Он старым шлафроком и прочим тряпьем
Починит прорехи мироздания.

(Перевод Т. Сильман)

Если в «Лирическом интермеццо», по признанию поэта, был показан лишь «кусочек мира», то в цикле «Опять на родине» земная явь изображена с многообразной широтой. Правда, картина мира создается из отдельных сцен, зарисовок, мимолетных набросков: то перед нами пустынный берег моря, то гудящая голосами гостиная богатого особняка, то одинокий пасторский домик на окраине кладбища, то разбитые городские мостовые, ведущие к дому бывшей возлюбленной. Бесконечная цепь фрагментов, передающих неохватное многоцветие жизни:

Прескверная погода,
Дождь или снег — не пойму.
Сижу я у окошка,
Сижу и смотрю во тьму.

Вдали огонек мерцает,
Вдоль улицы тихо плывет,
С фонариком сквозь непогоду
Старушка-мать бредет.

Она, наверно, купила
Муку и яиц пяток
И хочет испечь для дочки
На завтра вкусный пирог.

А дочка дома в кресле
На свечи, шурясь, глядит;
Овал лица молодого
Позолотой кудрей обвит.

(Перевод С. Свяцкого)

«Опять на родине» — и путевой дневник, в котором зорко подмечены детали земного мира, и дневник сердца, в котором горькое прощание со старой любовью сменяет рождение нового чувства, столь же нелегкого и безответного. Есть здесь стихотворение, обобщающее смысл и тональность всего цикла. Это щемяще-грустная лирическая миниатюра о сказочной волшебнице Лорелее. В вечерний час появляется она на огромном утесе, возвышающемся на берегу Рейна, и пленяет всех своим чудесным голосом. Но зачарованные, стремящиеся к ней пловцы, забыв об опасности, неминуемо гибнут в волнах Рейна. Как это присуще для цикла в целом, в

стихотворении о Лорелее в органическом единстве слита медитативность и изобразительность. Эпический рассказ дан через сопереживание поэта, он окрашен его настроением, он передан в единственности его личного взгляда на мир. Но, повествуя о трагедии личной, поэт обнажает глубокое неблагополучие нравственных основ современного общества. Неодолим, высок и прекрасен голос любви. И бесстрашно устремившиеся на ее зов должны обрести высочайшее счастье. Но суровая жестокость и неправда мира по-иному отвечают на чистейшие порывы человеческого сердца. Любовь, несущая гибель, — вот символ алогичности современной жизни:

Не знаю, что значит, такое,
Что скорбью я смущен;
Давно не дает покоя
Мне сказка старых времен.

Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор.
В вечерних лучах алеют
Вершины дальних гор.

Над страшной высотой
Девушка дивной красоты
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы,

Златым убирает гребнем.
И песню поет она:
В ее чудесном пенье
Тревога затаена.

Пловца на лодочке малой
Дикой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только навверх глядит.

Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбей;
И всякий так погибает
От песен Лорелей.

(Перевод А. Блока)

«Книга песен» завершается циклом «Северное море», написанным белым стихом. В «Морском видении» описывается, как, устроившись у самого борта корабля, поэт переносится в чудесный мир грез. Он всматривается в море и видит на его дне прекрасный город, возлюбленную, загрустившую у окна. Грезы неожиданно обрывает действительность:

Так глубоко, так глубоко в море
Спряталась ты от меня,
Капризный ребенок.
И не можешь подняться наверх,
И, чужая, с чужими людьми
Остаешься навеки.
А я с удрученным сердцем
Ищу тебя везде,
Всегда ищу тебя.
Ты, вечно любимая,
Ты, давно потерянная,
Ты, наконец-то мной обретенная, —
Я нашел тебя и снова вижу
Прекрасное лицо,
Умные, преданные глаза
И родную улыбку.
Я не в силах расстаться с тобой,
И теперь я иду к тебе,
Раскрываю тебе объятия
И бросаюсь к тебе на грудь.
Но капитан успевает
Вовремя схватить меня за ногу,
Он оттаскивает меня от борта
И, усмехнувшись, кричит:
«Да что вы, снятили, доктор?»

(Перевод П. Карна)

Тема любви сменяется в «Северном море» темой моря — символом свободы, несломленной энергии человеческого духа, пламенной устремленности к лучшим началам жизни. Величественная стихия моря дана в масштабах вселенских. В поэтическую ткань стихов щедро вторгается мифологическая образность, укрупняя проблематику, беспредельно расширяя границы времени и пространства. Таково одно из программных стихотворений цикла — «Приветствие морю». По преданию, после страшного поражения у Вавилона оставшихся в живых десять тысяч греков преследовало несметное войско персов. Смерть и неволя шли за греками по пятам. Но вот неожиданно с горных вершин им открылось море. Это было избавление! Море дарило жизнь, родину, свободу! И восторженный крик: «Таласса! Таласса! — Море Море!» — вырвался из их уст.

Таласса! Таласса!
Приветствую тебя, вечное море!
Приветствую от чистого сердца
Десять тысяч раз,
Как некогда приветствовали
Десять тысяч сердец,
Невзгодотомимых, отчизновлекомых,
Прославленных греческих сердец.

Бушевали волны,
Буневали, шумели,
Солнце спешило пролить
Веселые розовые лучи,
Стая испуганных чаек
Улетала, громко крича,
Ржали кони, стучали мечи,
И неслось, как победный клич:
Таласса! Таласса! <...>
И, свободно вздохнув, я приветствую море,
Любимое, спасительное море,
Таласса! Таласса!

(Перевод П. Карна)

«Книга песен» по предмету изображения и по характеру многих проблем лежала в русле романтической поэзии. В центре внимания поэта — «царство духа», неисчерпаемые глубины внутреннего мира мятущейся личности, индивидуалистически бунтарски конфликтующей с неправым временем. Но возвышенный мир чувств героя не был оторван от реальной действительности. Духовное определялось земным. Высокий романтический пафос подвергался трезвой переоценке средствами иронии. Преодолевая субъективизм романтического сознания, поэт уверенно овладевал приемами объективного повествования. В «Книге песен» осуществлялась не только внутренняя перестройка поэтики Гейне — как движение к принципам реалистического осмысления действительности. В ряде стихотворений поэт прямо писал о несбыточности беспочвенных романтических идеалов, сетовал на узость тематики, которой ограничили свое творчество многие из романтиков:

Когда солнце светит ранней весной,
Распускаются пышно кругом цветы;
Когда месяц плывет дорогой ночной,
Выплывают и звезды, прозрачны, чисты;
Когда ясные глазки видит поэт,
Он песнею славит их сладостный цвет.
Но и песни, и звезды, и луна,
И глазки, и солнечный свет, и весна,
Как бы ими ни наполнилась грудь,
В этом мире — не вся еще суть.

(Перевод В. Зоргенфрея)

Не случайно, что тема поэзии, ее роль в обществе, да и оценка собственной творческой деятельности занимают такое важное место в «Книге песен». Как и многие его современники, Гейне остро предугадывал приближение значительных перемен в жизни Европы,

И предчувствие не обмануло его. В 1830 году во Франции разразилась революция, положившая конец мрачной эпохе Реставрации. Но еще за несколько лет до этих событий поэт испытывал властную потребность как можно полнее слить свое поэтическое дело с самыми жгучими проблемами эпохи. Возможно, поэтому он был так сурово самокритичен к себе. Порой ему казалось, что его муза слишком беззащитна, слишком хрупка — как нежный русокудрый ангел, с вечными словами любви на устах. В стихотворении «Посейдон», развивая эту тему на материале античной мифологии, Гейне заставил грозного бога моря снисходительно-иронично обратиться к поэту:

Ты не робей, виршеплет,
Я не намерен тревожить
Твой бедный кораблик
И слишком жестокой качкой тебя не заставлю
За жизнь свою опасаться.
Ведь ты, виршеплет, меня не гневишь...

(Перевод П. Карна)

Гейне понимал, что наступало время, требовавшее от поэта активной гражданской позиции. И нужно было искусство и разоблачающее, и вскрывающее глубинную суть нынешнего неблагополучия жизни.

«Книга песен» — не только творческий итог, но и выход к новым книгам. От нее прямой путь к философской прозе и публицистике 30-х годов, к революционной лирике последующих десятилетий. В предисловии ко второму изданию книги Гейне писал: «Я должен ... заметить, что моя поэзия полностью выросла из той же идеи, что и политические, богословские и философские писания, и что нельзя осудить одни, не лишив все другие нашего одобрения».

Ю. Кампе не прогадал, заплатив за первое и все последующие издания «Книги песен» 50 луидоров. Лишь при жизни поэта предприимчивый издатель выпустил эту книгу двенадцать раз! Что касается Гейне, то гонорар существенно не поправил его шаткого материального положения. По-прежнему поэт был обеспокоен поисками места с твердым и постоянным заработком. Поэтому-то после некоторых раздумий Гейне принял предложение газетного магната барона Котты. За неплохое денежное вознаграждение барон вверил Гейне редактирование влачившего жалкое существование журнала «Новые политические анналы». Котта рассчитывал, что

уже само имя известного поэта привлечет внимание к журналу. Редакция располагалась в столице Баварии Мюнхене, куда и отправился Гейне в самом конце октября 1827 года.

Гейне появился в Мюнхене, когда Баварией правил недавно вступивший на престол король Людвиг I. Новый правитель разыгрывал из себя знатока искусств, либерала и мецената. Автор беспомощных стихов, он домогался славы поэта, а столицу хотел превратить во всемирно известный центр европейской культуры. Ко времени появления Гейне в Мюнхене здесь жили и работали крупнейший архитектор Германии Лео Кленце, талантливый художник-монументалист Петер Корнелиус, философ Фридрих Шеллинг; подбором профессуры блистал местный университет. Но узкий круг художников и ученых никак не мог изменить общего характера мюнхенской жизни — консервативной, провинциально-отсталой. К тому же огромным влиянием пользовались в Мюнхене реакционно-католические силы, к лагерю которых принадлежал и баварский король-меценат.

Гейне возлагал на Мюнхен большие надежды. Кажется, впервые перед ним открывалась столь реальная возможность наконец-то прочно устроить свою жизнь: получить твердый заработок, обрести домашний очаг. С юности, оставив родительский дом, Гейне жил на правах вечного странника, меняя города, гостиницы и неуютные, на короткий срок арендуемые комнаты. И вот теперь Гейне предполагал устроиться в Мюнхене надолго, а может и навсегда. Редакторский пост Гейне рассматривал как начало своей служебной деятельности. Впереди виднелась карьера дипломата, а еще лучше — профессора местного университета.

Однако очень скоро Гейне понял, какая непроходимая пропасть лежит между ним и официальным Мюнхеном. Гейне окружала совершенно чуждая среда. Уже спустя два месяца после приезда в Мюнхен Гейне вынужден был признаться: «Я окружен сейчас врагами и попами-интриганами». Иезуиты из мюнхенской партии католиков, не желая допустить, чтобы смутьян Гейне осел в их городе, начали против него ожесточенную травлю. Гнетущая атмосфера Мюнхена оказалась малоблагоприятной для творчества. Гейне жалуется: «Здесь скверная, пошлая, убогая жизнь, мелкие умы». Но поэт старался работать: в мюнхенский период было написано

около 20 стихотворений, вошедших затем в цикл «Новая весна», две рецензии и несколько прозаических главок для «Английских фрагментов». Что касается баварских впечатлений, то свое художественное обобщение они получили уже в 40-е годы в трех стихотворениях о Людвиге Баварском. По словам Гейне, это «самое кровавое из всего написанного...» им.

Мюнхенский период жизни подарил и светлые минуты. Здесь произошло знакомство с немецким композитором Робертом Шуманом и русским дипломатом поэтом Федором Тютчевым.

Композитору Шуману в момент его встречи с Гейне было восемнадцать лет. Шуману знаменитый поэт, известный своей беспощадной иронией и сатирой, казался «брезгливым мизантропом», «слишком высоко поднявшимся над людьми и жизнью». Но вот произошло знакомство, и все оказалось иначе. Шуман писал: «Он ласково подошел ко мне, похожий на грека Анакреонта, которому ничто человеческое не чуждо, дружески пожал мне руку и несколько часов водил меня по Мюнхену... Мы много говорили о великом Наполеоне, и я нашел в Гейне такого его поклонника, какого редко встретишь». Пребывание в «холодной», «казенной» атмосфере баварской столицы оказалось для Шумана «приятным и интересным» только благодаря знакомству с Гейне. Шуману была глубоко созвучна поэзия «Книги песен».

Спустя десятилетие уже знаменитый композитор, словно на одном дыхании, создал два романсовых цикла: «Круг песен» и «Любовь поэта» по мотивам «Юношеских страданий» и «Лирического интермеццо» Гейне.

Как и Р. Шуман, Ф. Тютчев хорошо знал поэзию «Книги песен» еще до личного знакомства с ее автором. В альманахе «Северная лира на 1827 год» Тютчев напечатал свой перевод знаменитого 33-го стихотворения из цикла «Лирическое интермеццо». Интересно, что первоначально Тютчев не указал автора оригинала, а лирическую миниатюру, у Гейне не озаглавленную, опубликовал под названием «С чужой стороны».

К моменту встречи с Гейне Тютчев как поэт еще известен не был. В баварской столице его знали как блестяще образованного и всесторонне эрудированного сотрудника русского посольства. Немецкий поэт и русский дипломат быстро сблизились, и Гейне многие вечера провел в гостеприимном доме Тютчева. В письме из

Мюнхена Гейне назвал Тютчева своим «лучшим другом», а его дом, где так любил бывать, «прекрасным оазисом». В доме русского друга Гейне не раз встречал младшую сестру жены Тютчева, девятнадцатилетнюю красавицу Клотильду Бодмер. Чувство к ней стало фактом творческой биографии поэта, найдя отражение в стихотворениях цикла «Новая весна». Вот одно из них, вобравшее в себя и главные темы, и основную тональность этого цикла:

Снова сердце покорилось,
Гнев и злоба — все минуло;
Снова нежных чувств истому
Ты, весна, в меня вдохнула.
По исхоженным аллеям
Снова день и ночь слоняюсь
И под каждой женской шляпкой
Милый лик найти стараюсь.
На мосту торчу я снова
Над зеленою рекою, —
Может быть, проедет мимо,
Переглянется со мною.
Снова в шуме водопада
Тихим жалобам внимаю,
Разговоры белых струек
Чистым сердцем понимаю.
И в мечтах блуждаю снова
По тропинкам потаенным
И кажусь кустам и птицам
Дураком опять влюбленным.

(Перевод В. Коломийцева)

Дружба с Тютчевым оказалась светлым, но очень коротким эпизодом в биографии Гейне. Душная монархически-католическая атмосфера общественной жизни Мюнхена заставила немецкого поэта подумать хотя бы о временной перемене места. И лишь закончился полугодовой контракт на редактирование «Новых политических анналов», как Гейне с радостным чувством отправился в долгожданное путешествие по Италии.

Издатель Ю. Кампе, ободренный успехом первых частей «Путевых картин», так торопил с присылкой их продолжения, что Гейне вынужден был приступить к описанию своего путешествия еще в Мюнхене. Поэтому первая часть будущей книги «Италия» получила название «От Мюнхена до Генуи». Затем была написана вторая часть «Луккские воды» и, наконец, третья «Город Лукка».

Гейне приехал в Италию в трудный период ее исто-

рии. Движение карбонариев, борцов за свободу родины, было жестоко подавлено. Страна оставалась раздробленной на мелкие княжества, народ страдал под игом местного дворянства и оккупантов-австрийцев. Но идея освобождения не угасла в душах итальянцев; временно наступившее затишье было обманчивым; глубоко загнанный внутри протест предвещал новые бури. Проблемы, волнующие итальянцев, были созвучны немцам. И теперь в масштабах Европы Гейне осмысливал отечественные проблемы, настойчиво искал пути их решения. Так выстраивалась от первых к последним книгам «Путевых картин» единая идея, выраженная в светлом и гордом слове «Свобода». И не странствующим наблюдателем, а активным соучастником борьбы за свободу Европы мыслил себя Гейне. Поэзия была его главным делом, высшим жизненным призванием, но долг борца за свободу страдающего человечества поэт готов был поставить выше служения музам. Именно в книге об Италии он писал: «Поэзия, при всей моей любви к ней, всегда была для меня только священной игрушкой или же освященным средством для небесных целей. Я никогда не придавал большого значения славе поэта, и меня мало беспокоит, хвалят ли мои песни или порицают. Но на гроб мой вы должны возложить меч, ибо я был храбрым солдатом в войне за освобождение человечества!»

Гейне видел Италию не только в свете политических задач Европы. Он воспринял ее глазами художника, сердцем поэта. Незнание итальянского языка лишь многократно обостряло зрение поэта. Он бывал в Генуе и Ливорно, Пизе и Ферраре, подолгу задерживался в Лукке и Флоренции. Он любовался архитектурой старинной вечно молодой Вероны, восхищался величием соборов Милана, простаивал часами перед бессмертными полотнами в галерее Уффици. По-новому открыл он для себя Рафаэля и Россини, но главное, во всей красоте увидел талантливый и свободолюбивый итальянский народ.

Захватывающее путешествие по Италии не могло продолжаться вечно. Впереди ждали будни, трудные заботы о хлебе насущном. И что тяжелее всего — полная неопределенность: где поселиться, как обеспечить себе твердый заработок. Правда, слабо теплилась надежда, что стараниями министра двора Шенка удастся полу-

чить место профессора Мюнхенского университета. И Гейне ждал, не уставая ждал письма от Шенка. Наверное, не было на пути странствий Гейне такой почтовой конторы, порог которой он не переступал бы с бьющимся от волнения сердцем. Но, увы, писем от Шенка не было. Наконец, остановившись во Флоренции, Гейне решил здесь ждать известий, невзирая на любые сроки. Отсюда он обратился к Тютчеву с просьбой поторопить мюнхенского министра с ответом. Однако все было напрасно. Клерикалы и националисты уже давно позаботились о том, чтобы крамольный поэт больше не смог найти пристанища в их городе. Скандальная клевета вокруг имени автора «Путевых картин» гуляла не только по аристократическим гостиным, но и выплеснулась на страницы печати. Гейне обвиняли во всех смертных грехах, но главным образом — в безбожье и космополитизме.

А поэт тем временем все еще надеялся, все еще ждал письма от Шенка. Прошел октябрь, приближался к концу ноябрь. Оставаться далее во Флоренции не позволяли тревожные вести о тяжелой болезни отца. И вот Гейне в Мюнхене. Здесь сразу же стало ясно, что о месте профессора университета не приходится мечтать. Не удалось продлить контракт на редактирование «Новых политических анналов». С тяжелым сердцем, без твердых планов на будущее Гейне навсегда покидает город. В Вюрцбурге, куда он прибыл 27 декабря, его ожидало уже запоздавшее известие о кончине отца. Болезненно пережил Гейне эту утрату. Вместе со смертью отца оборвалась еще одна нить, связывающая поэта с Германией.

В начале января 1829 года Гейне приехал в Гамбург и поселился у матери. Смерть мужа надломила ее. Денежные дела матери были в плачевном состоянии. А Генрих, старший сын, заменивший отца как опора семьи, ничем не мог помочь. Гейне был снова на распутье: дорога в Мюнхен была раз и навсегда закрыта, найти место в Гамбурге было невозможно, оставалась лишь смутная надежда как-то устроиться в Берлине.

Гейне пробыл у матери больше месяца, стараясь утешить ее, а в конце февраля вновь тронулся в путь. Берлин встретил поэта уже привычным укладом жизни. Незаметно пролетела череда дней; встречи со старыми друзьями, новые знакомства. А вместе с тем становилось

ясно, что надолго осесть здесь, как думалось, устроившись приват-доцентом Берлинского университета, не удастся.

И Гейне в поисках уединения, оставив Берлин, поселился в тихом и маленьком Потсдаме, где, по собственным словам, зажил «как Робинзон на необитаемом острове». Первое время он работал над пародийно-сатирической книгой «Записки Шнабелевопского», задуманной еще в Англии. Но вскоре эту работу отложил, целиком сосредоточившись на «Луккских водах».

Причудлива и сложна жанровая форма «Луккских вод». В путевом дневнике, вместившем лирические монологи и публицистические рассуждения, на этот раз доминируют жанровые сценки с колоритно выписанными действующими лицами. Гейне рисует типичный итальянский курортный городок, разноязычную толпу отдыхающих, в которой выделяется неразлучная пара — спесиво-величественный, смехотворно ограниченный банкир Гумпеллино и его плутоватый слуга Гиацинт. Они обобщенно олицетворяют гамбургский торгашеский мир, вульгарный и ограниченный. Но мишень сатирических стрел писателя не только эти герои, но и поэт Платен, книгу стихов которого не выпускал из рук банкир Гумпеллино в ночь, когда из-за расстройства желудка не мог сомкнуть глаз.

Граф Август фон Платен — лицо реальное, соотечественник и ровесник Гейне. Известный поэт, человек непомерного честолюбия, Платен смертельно обиделся на довольно невинную эпиграмму Иммермана, помещенную среди других во втором томе «Путевых картин» Гейне. Причем Платен в эпиграмме прямо не был назван — Иммерман осмеивал вообще тех немецких поэтов, кто избрал в качестве главной очень модную тогда тему Востока и раскрывал ее поверхностно, на уровне живописания экзотики далеких стран:

Кто воркует вслед Саади, нынче в крупном авантаже,
А по мне, Восток ли, Запад — если фальшь, то фальшь все та же.
...От плодов в садах Ширази, повсеместно знаменитых,
Через край они хватили — и газеллами тошнит их.

Однако огонь критики Платен принял целиком на себя, вскоре обнародовав комедию «Романтический Эдип», полную оскорбительных выпадов против Гейне и Иммермана. Так возникла громкая литературная полемика.

Гейне мог ответить своему оппоненту в отдельном

памфлете, однако предпочел перенести полемику на страницу «Путевых картин». И было это не случайно, а глубоко оправданно. С одной стороны, Гейне как бы усилил и укрупнил полемику с Платеном образными средствами художественной прозы. С другой стороны, тема Платена оказалась органично созвучна «Луккским водам» и «Путевым картинам» в целом.

Для Гейне Платен, конечно же, совершенно конкретный противник, не отвечать на выпады которого означало бы проявить «раболепие и апатию». И все же главное в том, что Платен, человек и поэт, олицетворял для Гейне явление обобщающего смысла. Уже после выхода своей книги в свет поэт писал: «Не в защиту своей персоны, а в защиту идей, с которыми я отождествляю себя, я обнажил меч против самого грубого аристократического чванства».

Как поэт Платен для Гейне — пример творца искусства с культом формы. Его поэзия риторическая, подражательная, лишенная национальной основы. Эпигон классицизма, Платен утратил почву художественной жизни современности. Безграничное самомнение Платена — и о себе, и о своей поэзии — передано в гротескной картине: создатель «бессмертных» газелей разгуливает по бульвару с лавровым венком на голове. Поза и игра определяют суть поэзии Платена. Отсутствие истинного дарования Платен компенсирует чисто рассудочной работой над формой, изнуряющим совершенствованием метрической техники. Мысль о бесплодности такого отношения к поэзии выражена и в другом образном обобщении у Гейне: «Повсюду в стихах Платена все та же птица — страус, прячущая одну лишь голову, та же тщеславная, бессильная птица; у нее самые красивые перья, но летать она не может и сердито ковыляет по песчаной пустыне литературной полемики. С красивыми стихами, но без поэтической силы...»

В плане политическом Платен олицетворял аристократическое высокомерие и сословные предрассудки — одно из величайших зол прусской Германии. Аристократические притязания Платена, их никчемность и историческая несостоятельность раскрываются Гейне по принципу комического обыгрывания видимости и сути. Платен — граф, но его графство «расположено на луне», и доходы он сможет получить «лишь через двадцать тысяч лет», Аристократизм Платена сказывается и в его

поэзии — он считает достойным воспевать только чувства, «насчитывающие по 64 предка в прошлом...».

Напряженная работа над «Луккскими водами» не мешала Гейне кочевать с места на место. Из Потсдама он возвращается в Берлин, затем живет в курортном местечке Гельголанд, оттуда приезжает в Гамбург. На родине, словно на чужбине, Гейне продолжал жить на правах странника, временного постояльца. Писатель Л. Винбарг вспоминал: «Помню, как однажды летом 1830 года, когда я и Генрих Гейне жили в Гамбурге, я рано утром нанес ему визит... Он производил на меня впечатление путешественника, который лишь прошлым вечером вышел из почтовой кареты и провел довольно утомительную ночь на постоялом дворе».

Третий том «Путевых картин», содержащий «Путешествие от Мюнхена до Генуи» и «Луккские воды», вышел в свет в канун 1830 года. В Германии он породил шумные и разноречивые толки. Передовые писатели, друзья и единомышленники, решительно поддерживали Гейне. Но их голоса терялись в хоре ругательных оценок аристократов и клерикалов. Лично оскорбленными сатирой Гейне считали себя не только поэт Платен и гамбургский банкир Гумпель, узнавший себя в образе несравненного Гумпеллино, но и все сторонники прусской феодально-католической системы. В свою очередь прусское правительство, напуганное опасным направлением книги, решило пойти на крайние меры. Издание было запрещено, оставшиеся экземпляры конфискованы. Но Гейне не сдавался. В январе 1831 года он выпустил «актуальную в данный момент книжку» — «Добавление к «Путевым картинам», содержащую «Английские фрагменты» и «Город Лукку». Постепенно в Гамбурге, как совсем недавно в Мюнхене, Гейне становилось жить все труднее. Уединение и покой поэт пытался найти в маленьком, заштатном городишке Вандсбеке. Здесь, возвращаясь в Россию, Гейне посетил Тютчев...

В июне 1830 года Гейне едет в Гельголанд, где его застает весть о Июльской революции во Франции. Она не была неожиданной для поэта. В последнее время Гейне с интересом изучал французскую прессу, знакомился с учением социалистов-утопистов. Поэт понимал, что Франция находится на пороге знаменательных перемен. И вот наконец-то ожидаемое произошло: «С материка пришел толстый пакет с газетами, полными теп-

лых знойных, горячих новостей. То были солнечные лучи, завернутые в газетную бумагу, и в моей душе они зажгли неукротимый пожар. Мне казалось, что тем огнем воодушевления и дикой радости, который пылает во мне, я могу зажечь весь океан до северного полюса». Наконец-то рухнул ненавистный и давно обреченный режим Бурбонов. Пример Франции должен был вдохновляюще подействовать на народы других стран Западной Европы. Франция открывала новую страницу истории, и отныне все помыслы Гейне были связаны с Парижем. Уже без особой надежды на успех Гейне принял в начале 1831 года несколько последних и безрезультатных попыток устроиться в Германии. Ссора с Соломоном Гейне еще больше усугубила материальную неустроенность поэта. Решение отправиться в Париж теперь окончательно окрепло.

В конце мая Гейне был в столице Франции. Тогда он еще не знал, что отныне его жизнь будет неразрывна с Парижем, а Франция станет его второй родиной.

В ПАРИЖЕ.

ПУБЛИЦИСТ, КРИТИК, ИСТОРИК КУЛЬТУРЫ

*Из края в край твой путь лежит;
Идешь ты — рад не рад.
По ветру нежный зов звучит —
И ты взглянул назад.*

*Твоя любовь в стране родной;
Манит, зовет она:
«Вернись домой! Побудь со мной!
Ты радость мне одна».*

*Но путь ведет все в даль и тьму.
И остановки нет...
Что так любил — навек к тому
Запал возвратный след.*

(Перевод М. Михайлова)

Полный радужных надежд вступил поэт на землю Франции. В те дни он еще верил, что Июльская революция, годовщина которой приближалась, должна была открыть новую страницу как в истории Франции, так и стран Западной Европы. Но развитие событий вскоре

горько разочаровало Гейне. Новый французский король Луи Филипп, ближайший родственник свергнутых Бурбонов, был и одним из самых богатых людей Франции. Власть аристократов сменилась во Франции господством финансовой буржуазии.

Спустя девять лет, прощаясь с так и не сбывшимися мечтами, поэт написал строки, суровую истинность которых в полной мере подтвердила французская действительность: «Это уже старая история. Не для себя с незапамятных времен проливал свою кровь и страдал народ, — не для себя, а для других. В июле 1830 года он доставил победу той буржуазии, которая так же ничтожна, как и аристократия, на чье место она стала, и так же эгоистична... Народ ничего не достиг своей победой, кроме сожалений и еще большей нужды».

Противоречивые чувства владели Гейне в первые дни пребывания во Франции. С щемящей болью он вспоминал о родине. Пусть все эти годы он жил в Германии как гонимый странник, нуждался, страдал, но он оставался истинным, любящим сыном Германии, с ней навсегда были связаны его жизненные планы, его главное призвание — творчество. Родина болью и радостью жила в его сердце. В одном из первых писем из Парижа Гейне писал другу Фарнхагену фон Энзе: «Больно гулять по Люксембургскому саду и повсюду таскать с собою на подошвах кусочек Гамбурга, кусочек Пруссии, кусочек Баварии». Есть нечто символическое в том, что, оказавшись в Париже, Гейне перво-наперво поспешил в национальную библиотеку, чтобы в тиши и уединении полистать страницы уникальной рукописи средневековой немецкой лирики. За массивными стенами книгохранилища шумел незнакомый и такой манящий город, а Гейне, словно забыв о том, что он впервые в Париже, вчитывался в строки стихов великого соотечественника средневекового лирика Вальтера фон Фогельвейде. И это было щемяще-трепетным возвращением к родине. Однако существовала не только Германия великой культуры, Германия талантливого и трудолюбивого немецкого народа. Была и Германия прусская, реакционная и косная, с которой Гейне всю жизнь вел непримиримую войну. Эта Германия давала знать о себе и в Париже. Гейне еще не успел устроиться на новом месте, как получил известие от издателя Кампе о том, что вышедший недавно том «Добавлений к «Путевым картинам» по-

всемерно конфискован в Пруссии. Вскоре пришла другая весть: прусская полиция запретила брошюру Гейне «Кальдорф о дворянстве». Ядовитое жало прусской военной машины проникло и в Париж, который в эти годы стал крупнейшим центром немецкой эмиграции. Противники прусского режима и здесь не были избавлены от тайной слежки, провокаций, а то и действий, угрожающих их жизни. «Я окружен прусскими шпионами», — жаловался Гейне в письме к Фарнхагену фон Энзе, — и здесь же давал обещание, несмотря ни на что, продолжать борьбу: «Раз мне объявили войну, я тоже буду бить, и бить со всей силой».

Нет, непросто и нелегко чувствовал себя Гейне в первые дни в Париже. Казалось, даже будущее не сулило поэту каких-либо определенных надежд. «Меня гнетут мрачные предчувствия», — писал поэт тому же адресату.

В дни приезда Гейне в Париж в Лувре открылась картинная выставка новейшей французской живописи. Поэт побывал на выставке раз, потом заглянул еще и еще. Некоторые из картин очень заинтересовали поэта. В августе Гейне отправился на отдых в Булони, на северное побережье Франции, но мысль его неуклонно возвращалась к полотнам живописцев. Так родилась работа «Французские художники», в которой во всем блеске раскрылось критическое дарование Гейне. С тонкостью профессионала уходил Гейне в обсуждение отдельных деталей мастерства художников. Он разбирал композицию картин, их цвет, колорит. И вместе с тем как бы заново, силой слова, воссоздавал полотна в их целостной прелести. Критик отмечал, что живопись «следовала за социальными движениями и сама помолодела вместе с народом». Новое время должно было породить и новое искусство, «полное вдохновенной внутренней гармонии». Книга Гейне была овееяна еще не угасшим дыханием революционных июльских дней. Размышляя над картиной Делакура, Гейне писал: «...картина одухотворена великой мыслью, волшебное веяние которой мы чувствуем. Изображена кучка народа в июльские дни; в середине группы... фигура, едва ли не аллегорическая, — молодая женщина в красном фригийском колпаке, с ружьем в одной руке и трехцветным знаменем — в другой. Она шествует через трупы, призывая к борьбе... Священные дни парижского Июля! Вы вечно будете сви-

детельствовать о врожденном благородстве человека, которое вовеки не удастся искоренить. Тот, кто пережил вас, не рыдает больше над старыми могилами, но полон радостной веры в воскресение народов. Священные дни Июля! Как прекрасно было солнце, как велик был народ парижский!». «Французские художники» — первое произведение Гейне о Франции и французах — обратило на себя внимание читателей. Эта работа вполне могла стать центром новой книги, с которой поэт уже из своего французского далека мог бы обратиться к немецкой публике. Но «Французские художники» были невелики по объему, и это заставило Гейне пойти на смелый эксперимент. Книга получила название «Салон» и вышла в свет в декабре 1833 года. Она содержала статью «Французские художники», сатирико-пародийную повесть «Из мемуаров господина фон Шнабелевопского» и цикл любовных стихов «Разные». Так совместились в книге проза и стихи, гражданские мотивы и интимнейшие признания, сатирический смех и раздумья о будущем.

Поэт никогда не был безразличен к грядущему человечества, но вопрос этот приобрел для него особую остроту после знакомства с трудами социалиста-утописта Сен-Симона. Французский мыслитель был старшим современником Гейне. Он скончался в 1825 году, оставив после себя школу учеников и последователей, которые вели активную пропаганду идей сен-симонизма. Гейне еще в Германии познакомился с их работами; теперь, в Париже, он имел возможность лично слышать творцов нового учения. Немецкий поэт активно посещал собрания сен-симонистов, вплоть до судебного процесса над ними в августе 1832 года. Учение сен-симонистов существенно отразилось на социально-политических взглядах Гейне. Многие в их программе искренне привлекало поэта и сохранило для него ценность в течение долгого времени. Сен-симонисты строили свое учение на идее прогресса и «золотой век» человечества относили не к прошлому, а к будущему. Новое общество мыслилось ими как содружество счастливых людей, получивших возможность всесторонне удовлетворить все свои духовные и материальные потребности. Каждый будет вознагражден по способностям, титулы и должности не станут наследоваться, а производительный полезный труд явится обязательным для всех. Сен-симонисты выступали за равенство людей и братство на-

родов, они реабилитировали человеческую природу и протестовали против ханжеских установлений и регламентаций пуританской морали. Все эти идеи были крайне привлекательны, и хотелось желать их скорейшего осуществления. Но Гейне не был согласен с историческим идеализмом сен-симонистов, с их отрицательным отношением к революциям, со стремлением выдать свое учение за новый тип религии. Сен-Симон утверждал, что только рождение нового знания, новой философии породит и новую общественную систему. Переход к ней осуществится постепенно и мирно. Насильственные, революционные меры тут непригодны, так как способствуют разрушению, а не созиданию. Гейне, напротив, признавая идею революционного насилия исторически необходимой, считал вместе с тем, что революция может возникнуть лишь при условии объективно сложившихся обстоятельств. Размышляя в эти дни над итогами Июльской революции, он писал: «Когда духовное развитие народа и обусловленные им нравы и потребности перестают быть созвучными старым государственным установлениям, тогда народ вступает в неизбежную борьбу с этими установлениями, которая приводит к их преобразованию и называется революцией». Но Гейне был решительным противником любых ультрареволюционных действий, тем более основанных лишь на субъективистских устремлениях и громкой фразеологии. Этим следует объяснить быстрое расхождение Гейне с той частью немецкой эмиграции, которая призывала к немедленным радикальным действиям, не принимая во внимание реальную обстановку, сложившуюся в Германии.

Между тем общественная и культурная жизнь Парижа все больше захватывала Гейне. Поэта можно было увидеть в торжественных залах Лувра и на бульварах в парижских кафе, в лавках книгоиздателей и на театральных премьерах, в редакциях газет и на политических собраниях. Среди знакомых Гейне — композитор Ф. Лист и финансист Д. Ротшильд, художник Ф. Делакура и политический деятель М.-Ж. Лафайет, писатели А. Дюма, Жорж Санд, А. Мюссе. «Я захлебываюсь в водовороте событий, в волнениях современности, в революции», — писал Гейне Фарнхагену фон Энзе.

Впечатлений было множество, они просились на бумагу, и Гейне с охотой принял предложение издателя

аугсбургской «Всеобщей газеты» барона Котты написать цикл статей о современной Франции. С января 1832 года начинают публиковаться корреспонденции Гейне, которые вскоре составят его новую книгу «Французские дела», посвященную политике и общественной жизни. Гейне, выступая летописцем послереволюционной Франции, отмечает парадоксальный закон современности: «Каждый день делают явные шаги вспять». Глубоко недоволен народ, и пока еще сдерживаемое возмущение грозит обернуться революционным взрывом. Июльская монархия — общество наживы и эгоизма, где деньги стали главным двигателем личных и политических интересов. Гейне хорошо понимал, что Июльская революция не решила глубинных вопросов: «Эти вопросы касаются не формы правления, не лиц, не установлений республики или ограждение монархии — они касаются материального благосостояния народа». Мысли эти из частного письма опосредованно звучали во «Французских делах». Июльская революция была лишь прелюдией к ближайшим битвам народов Европы за свои жизненные интересы. Историческое чутье не обмануло Гейне. В июле 1832 года в Париже вспыхнуло республиканское восстание, направленное против режима Июльской монархии. Гейне в своей девятой статье, не допущенной на страницы «Всеобщей газеты», с восхищением писал о безымянных республиканцах, отважно сражавшихся на баррикадах улицы Сен-Мартен. «Скромная смерть этих великих неизвестных внушает нам не только трогательную скорбь, она вселяет в наши души отвагу, как знамение того, что многие тысячи людей, совершенно неведомых нам, готовы пожертвовать жизнью за святое дело человечества». Корреспонденции Гейне получили большой резонанс во Франции и Германии. Специальное внимание обратил на них всеильный глава Священного союза австрийский канцлер Меттерних. Через своих посредников Меттерних недвусмысленно рекомендовал издателю «Всеобщей газеты» барону Котте прекратить публикацию «позорных статей, подброшенных Гейне под названием «Французских дел». В результате решительных мер печатание корреспонденций в сентябре 1832 года прекратилось. И хотя в декабре Кампе удалось выпустить «Французские дела» отдельным изданием, они тут же были запрещены на территории всей Германии.

Книга умножила ряды противников Гейне. Спустя полгода поэт сообщал Лаубе из Парижа: «Вы и представления не имеете, какой сейчас шум и гром вокруг меня. В меня здесь вцепились и умеренные, и лицемерная католическая, каролистская партия, и прусские шпионы... Даже здесь небезопасно. В прошлую субботу арестовали нескольких немцев, и я тоже каждую минуту могу быть арестован».

Однако «Французские дела» были не только книгой о Франции и французах. Как всегда, о чем бы Гейне ни писал, он писал и о Германии. Глубокая и искренняя причастность к делам родины звучала с особенной остротой в «Предисловии», право выступить с которым перед читателем Гейне пришлось отважно отстаивать. Гейне бичевал в «Предисловии» «глупость» подвигов Австрии и Пруссии. Первая была открытым врагом прогресса, вторая — «лицемерно-набожно» маскировала свои истинные цели. В «Предисловии» Гейне не только разоблачал столпов европейской реакции, но и говорил о деле, служению которому посвятил свою жизнь. Это было дело «великого единения народов», в результате которого не «будут содержать из-за взаимного недоверия постоянные армии», когда «мечи ... перекуем в плуги, впряжем в них военных коней и добьемся мира, благосостояния, свободы!» Интернационализм — ведущая черта зрелого творчества Гейне — обнаружил себя с особой полнотой в годы эмиграции. Идея сближения народов неизменно руководила поэтом во всех его литературных и издательских начинаниях. Гейне то с энтузиазмом поддерживал издание нового журнала «Литературная Европа», мечтая привлечь к участию в нем «ведущих писателей Европы», то задумывал выпуск немецкой газеты с редакционным центром в Париже, то разрабатывал проект библиотеки мировой классики. Свои книги о Франции он адресовал немцам, а о Германии — французам. В марте 1833 года Гейне сообщает в письме на родину: «Я приложу все силы, чтобы познакомить французов с духовной жизнью Германии. Это теперь — задача моей жизни; быть может, мне суждено выполнить мирную миссию сближения народов».

Этой же идеей руководствовался Гейне, когда взялся за создание книги, посвященной новейшей художественной литературе Германии. В 1833 году отдельные разделы из нее публиковались на страницах «Литера-

турной Европы», в этом же году она вышла отдельным изданием в Париже. Но Гейне продолжал работать над книгой. В окончательном варианте под названием «Романтическая школа» она была опубликована на французском, а в начале 1836 года — на немецком языках. Свою книгу Гейне рассматривал как «литературный отчет», который «после смерти Гёте необходимо было представить немецкому обществу» и одновременно как «программу новой литературы».

«Романтическая школа» посвящена современному литературному движению в Германии. Но в поисках его художественных истоков Гейне обращался к далекому средневековью. Два литературных потока он находил в немецкой старине. Один, восходящий к исконно народным представлениям о мире и человеке, накрепко связан с действительностью. Такова величественная «Песнь о Нибелунгах», повествование о суровом времени великого переселения народов, о могучих людях, бросающих вызов самой судьбе. Но в то же время была и литература, устремившая свой взор за пределы земного. Впитав в себя идеи христианства, она говорила языком символов и аллегорий, ее образный язык отсылал к миру духа, чудесное и сверхземное определяло ее колорит и атмосферу. Раскол католической церкви в период Реформации ослабил влияние христианства, что открыло путь пластической поэзии, восходящей к опыту античной культуры. Наступившая затем эпоха классицизма, с оглядкой, нередко ученической, на художественный опыт Франции, нанесла урон самобытности немецкой литературы.

Новую эпоху открыл Лессинг. Он раскрепостил немецкую литературу от классицистических догм, вернул ее к основам национальной культуры. Просветительское дело Лессинга служило «социальным идеям», «прогрессу гуманности», способствуя «политическому и духовному раскрепощению немцев». Дело Лессинга продолжил Гёте, портрет которого доминирует в первой части книги.

Иоганн Вольфганг Гёте, великий национальный писатель Германии, скончался в 1832 году. Работая над «Романтической школой», Гейне оказался свидетелем и участником громких дискуссий, связанных с оценкой личности и творчества Гёте. Отношение современников к автору «Фауста» было не однозначно. Крупнейший ху-

дожник слова, создатель бессмертных литературных творений, Гёте почти всю свою сознательную жизнь был тесно связан с карликовым Саксон-Веймарским герцогством. Поэт был дружен с самим герцогом, получил звание тайного советника, входил в число высокопоставленных придворных, занимал ряд ответственных государственных постов, вплоть до главы правительства. Гуманистический, бунтарский пафос искусства Гёте был направлен именно против того феодального немецкого убожества, к которому он был лично причастен как политик и административный деятель. К этой двойственности Гёте его современники далеко не всегда подходили диалектически. И поэтому в спорах чаще всего сталкивались односторонние мнения страстных, восторженных, доходящих до обожествления Гёте почитателей и столь же бескомпромиссно настроенных его ниспровергателей. Гейне попытался решить этот вопрос во всей его сложности. Он безоговорочно принял Гёте-писателя, показав его огромное воздействие на современный литературный процесс. Верный правилу говорить о самых сложных проблемах языком образов, Гейне в портрете Гёте воплотил свое представление о его искусстве. Гёте, каким он показан в «Романтической школе», «гармоничен, ясен, радостен, благородно соразмерен», его «взгляд и осанка божественны, тело, исполненное достоинств, похоже на греческую статую». В облике Гёте выражено совершенство, «как и совершенно все, что он изображает». Великий жизнелюбец, он творец искусства, в котором пульсирует земная действительность, во всей полноте «выражена жизненная правда». Основа искусства Гёте — народная поэзия. Из нее вырос гений Гёте. Но и сам он умел внушить «свое мировоззрение через свою улыбчивую поэзию, через самые непритязательные из своих песенок». Вместе с тем Гейне решительно выступал против любых проявлений восторженно-обожающего преклонения перед культом Гёте. Художественное наследие Гёте должно быть освоено глубоко творчески, с учетом характера и особенностей современного литературного процесса.

Высоко ценя Гёте-писателя, Гейне критически подходил к его общественной позиции. Гейне не мог простить «королю поэтов» его холодной уравниловки и политического нейтралитета. По мнению Гейне, Гёте был недостаточно граждански активен и занятая им по-

зияция не отвечала задачам социального и политического преобразования Германии. Гейне попытался одним из первых осмыслить противоречие между Гёте-художником и Гёте-человеком. Поэтому-то в литературном портрете Гёте неразделимо слиты индивидуальное и общечеловеческое. Гёте изображен великаном в мире искусства и карликом на поприще веймарских государственных дел, он запечатлен в смелейших дерзаниях своего божественного творчества и в невозмутимом спокойствии личного уклада своей жизни.

В работе, посвященной романтической литературе Германии, Гёте занимал не случайно столь важное место. Гейне рассматривал Гёте не только как предшественника и современника романтиков, но и как их учителя. Само же рождение романтической литературы Гейне объяснял рядом причин. Исторической основой романтизма он считал жалкое политическое и социальное положение Германии, отсутствие реальных путей и практических форм борьбы, что заставляло немцев искать иллюзорный выход в сфере чисто духовной. В плане эстетическом романтизм, с его повышенной символикой образов, был реакцией на пластику классического искусства.

Гейне представил немецкую романтическую литературу в галерее емких, острохарактерных портретов. Он рассказал о Фридрихе Шлегеле и Людвиге Тике, Клементе Brentano и Людвиге Уланде... Но одним из центральных был портрет поэта и прозаика Новалиса. Этот крупнейший из ранних романтиков прожил неполных тридцать лет, оставив сравнительно небольшое литературное наследие. Главные творения Новалиса — неоконченный роман «Генрих фон Офтердинген» и сборник стихотворений «Гимны к ночи», в котором он возвышенно воспел свою юную невесту Софию Кюн, умершую в пятнадцатилетнем возрасте. Новалис сознательно не принимал современную немецкую действительность и, отрекаясь от нее, ушел в мир философских утопий. Обожествляя природу, он мечтал о чувственном проникновении в ее сокровенные тайны, полном слиянии с ней. Это был выход к поэтическим, одухотворенным любовью и красотой высшим идеальным формам жизни. Гейне писал: «Новалису виделись повсюду лишь чудеса, и прелестные чудеса; он подслушивал голоса растений, ему раскрывалась тайна каждой юной розы, в

конце концов он отождествлял себя со всей природой, и, когда пришла осень и опали листья, он умер».

В «Романтической школе» творческий путь Новалиса-романтика олицетворен в судьбе идеальной девушки — мадемуазель Софии. Всепоглощающая устремленность к миру духа, холодное равнодушие и болезненное отстранение от земного приводит Софию к смерти. Печальная и быстротечная история «бледной девушки с серьезными голубыми глазами» не только образная характеристика искусства Новалиса, но и поэтическая метафора путей и судеб немецкого романтизма. Это, наконец, красочная иллюстрация тезиса Гейне о том, что «поэт бывает силен и могуч лишь до тех пор, пока не покидает почвы действительности». Общий смысл этих литературных портретов глубоко многозначен: телесное здоровье Гёте и его долгая восьмидесятидвухлетняя жизнь — символ твердой жизненной основы и неумирающей силы его искусства; лихорадочный румянец Новалиса, болезнь и угасание — образная характеристика его творчества и краткости периода, связанного с идеями и художественным опытом ранних романтиков.

Нужно учитывать, что Гейне писал не столько историю романтической школы, сколько давал ей оценку, исходя из требований современности. Гейне подвергал резкой критике консервативные стороны романтической школы: идеализацию средневековья, мистику, идею религиозного подавления живого человеческого чувства, философский идеализм. Но он раскрыл и неумирающую ценность художественного наследия романтиков, точно определил их значение в мире современной культуры. И в первую очередь это относилось к Гофману: «Гофман... всюду видел одни только привидения, они кивали ему из каждого китайского чайника, из каждого берлинского парика; это был чародей, превращающий людей в диких зверей, а последних даже в советников прусского королевского двора... Однако, по совести говоря, Гофман как поэт был гораздо выше Новалиса. Ибо последний со своими идеальными образами постоянно витает в голубом тумане, тогда как Гофман со своими причудливыми карикатурами всегда и неизменно держится земной реальности».

Высоко оценил Гейне романтиков как собирателей и популяризаторов немецкого народного творчества. Сказки братьев Гримм, сборник народных песен «Вол-

шебный рог мальчика» — живительный, неумирающий источник для литературы современной и будущей. Гейне писал об этом с особым знанием дела. Ведь и его «Книга песен» корнями уходила к народному творчеству. Не уставая восхищаться песнями, собранными в «Волшебном роге мальчика», Гейне писал: «У меня не хватает слов, чтобы воздать этой книге должную хвалу. В ней заключены самые чарующие цветы немецкого духа, и кто хотел бы познакомиться с немецким народом с его привлекательной стороны, должен прочесть эти народные песни».

«Романтическая школа», посвященная вопросам литературного развития Германии, явилась великолепным образцом остронаправленной литературной критики. Литературное движение было рассмотрено в книге в единстве с развитием общественным, а критерий художественности оказался неотрывен от идейно-политических задач искусства.

Закончив в первом варианте «Романтическую школу», Гейне тут же принимается за другую работу — «К истории религии и философии в Германии». Новая книга была тесно связана с «Романтической школой» и, по словам автора, представляла собой «общее введение в немецкую литературу». Но так называемое «введение» имело и совершенно самостоятельное значение — в нём трактовались узловые моменты истории, религии и философии в Германии. На первый взгляд Гейне брал на себя скромную роль популяризатора, желающего всего лишь в ясной и доходчивой форме рассказать о смысле философских систем, неясно и туманно изложенных их создателями. Однако Гейне-«популяризатор» сумел по-новому прочесть и истолковать абстрактные построения немецких философов-идеалистов конца XVIII — начала XIX века. Гейне оказался одним из первых в Европе мыслителей, кто из идеалистических построений немецких философов извлек практические выводы. Немецкая философия, достигнув своих вершин в диалектике Гегеля, явилась революцией в области духа. Ее-то и рассматривал Гейне как прелюдию к неизбежной политической и социальной революции в Германии. Ф. Энгельс, специально отметивший эту работу Гейне, писал: «Подобно тому как во Франции в XVIII веке, в Германии в XIX веке философская революция предшествовала политическому перевороту... Од-

нако то, чего не замечали ни правительства, ни либералы, видел уже в 1833 г., по крайней мере, один человек; его звали, правда, Генрих Гейне»¹.

Первую часть своей работы Гейне посвятил протестантству — этой своеобразной религиозной революции в Германии. В пору средневековья христианство оказало значительное влияние на культуру и общественную жизнь. Всеми доступными средствами церковь стремилась насаждать аскетизм, воспитывала презрение к земным благам. Но, несмотря на жестокий диктат церкви, людей не удалось отвлечь от земной красоты и жизненных радостей. Немецкий народ жаждал духовного раскрепощения. Не случайно, что такой большой резонанс и широкую поддержку получила деятельность реформаторов и их главы — Мартина Лютера. Протестанты не были противниками религии. Ей они были преданы не менее верно, чем католики. Объектом критики была церковь, влияние которой им удалось значительно ограничить. Реформаторская деятельность, ставшая смыслом жизни Мартина Лютера, имела большое значение для разных сфер немецкой жизни. Желая сделать Библию доступной для каждого немца, в каком бы княжестве он ни жил и на каком бы диалекте ни объяснялся, М. Лютер перевел ее с латыни на немецкий, заложив базу для формирования единого литературного языка Германии. К тому же в условиях политически раздробленной страны единый литературный язык оказался едва ли не главным средством объединения немцев. Гейне, сосредоточив все внимание на деятельности Лютера, однако, не смог представить в исторической полноте реформационное движение Германии. Неоправданно забытым оказался другой великий реформатор, идеолог крестьянско-плебейского крыла немецкого общества, Томас Мюнцер, мечтавший об утверждении «земного рая». Не рассказал в своей книге Гейне и о крестьянской войне 1524—1525 годов, тесно связанной с реформацией. Вторую и третью книгу своего труда Гейне посвятил «философской революции» в Германии. Эта революция, достигшая высочайшего развития в конце XVIII — начале XIX века, была подготовлена общим развитием философских знаний в Европе. Среди крупнейших мыслителей, содействовавших раскрепоще-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 273—274.

нию человеческого разума от догматов схоластики и христианской мистики, Гейне называет француза Рене Декарта и голландца Бенедикта Спинозу. Первый из них решительно отграничил философию от религии, поставив выше всего человеческий разум, отождествив мысль с самой идеей жизни. Тезис Декарта: «Я мыслю — следовательно я существую» — стал формулой его философской системы. Пантеист Спиноза отверг представление о боге как конкретном лице. Отождествив идею бога с природой, Спиноза реабилитировал все земное, божественным объявил материю и дух, восславив жизнь во всей ее полноте.

Вернувшись к истории общественной мысли Германии, на втором месте после Лютера Гейне поставил великого просветителя Лессинга. Если Лютер отстаивал право каждого лично знакомиться с Библией, подорвав власть церковного слова над умами верующих (Библия отныне стала единственным источником божественного откровения, и каждое ее слово приобрело значение непререкаемой истины), то Лессинг осуществил другую великую задачу — он содействовал «освобождению» от «косного служения слову и букве», его деятельность была посвящена пробуждению немецкой нации, возбуждению «благодатного движения в умах». Не устал Гейне восхищаться и личностью Лессинга — его правдивостью и внутренней силой, целостностью и подвижническим служением великому делу. У истоков философской революции в Германии Гейне поставил И. Канта. Причем особый смысл Гейне придал следующей аналогии: главный труд Канта «Критика чистого разума» был признан не сразу, а лишь спустя несколько лет после выхода в свет — в 1789 году. Так совпали по времени две великие революции — политическая во Франции и философская в Германии. Эту параллель Гейне последовательно развивал в своей книге, неоднократно подчеркивая, что у немцев на повестке дня революция политическая и социальная. Он писал: «Мне кажется, такой методический народ, как мы, должен был начать с реформации, лишь затем мог заняться философией и только по завершении ее получил возможность перейти к политической революции». Развитие философской мысли в Германии определялось борьбой двух направлений — «сенсуализма» и «спиритуализма». Первое исходит из признания материальности мира, утверждает

право человека на земное счастье, источником знаний считает опыт. Другое, напротив, абсолютизирует дух, культивирует аскетизм, призывает человека к загробному блаженству. В своих рассуждениях Гейне оперировал несколько необычной терминологией. Но все становится ясно, когда, конкретизируя свою мысль, он называл эти направления материализмом и идеализмом. Сам Гейне, занимая материалистические позиции, сумел объективно и проникательно сказать о позитивных началах философии идеалистов. Гейне показал, как философская мысль все больше теснила религиозные представления, как падал вместе с этим авторитет церкви, этой главной опоры феодальных режимов немецких княжеств. Философия раскрепощала человеческий ум, развивала свободомыслие, а значит, готовила почву для новых политических и социальных битв. Гейне писал свою работу, когда еще был весь во власти учения сенсимонистов. Это объясняет исторический оптимизм книги, глубокую веру ее автора в то, что «человечество создано для счастья» и что осуществление земного рая уже близко.

В целом верно осветив историю религии и философии в Германии, Гейне в трактовке отдельных вопросов не всегда был достаточно последователен, а некоторым важнейшим проблемам не уделил нужного внимания. Это касается, к примеру, философии Гегеля, на этапность которой Гейне лишь указал, но не раскрыл ее значения с должной полнотой. Не всегда Гейне твердо оставался на материалистических позициях: порой он склонялся к поэтизации пантеизма, а то и неоправданно переоценивал роль идей как движущей силы истории. Гейне предназначал свою книгу французам, и впервые она была опубликована в марте — декабре 1834 года на страницах крупного парижского журнала. На немецком языке работа появилась несколько позже — в составе второго тома «Салона».

А тем временем шел четвертый год пребывания Гейне во Франции. Поэт все больше привыкал к Парижу, и мысль о возвращении на родину становилась все менее определенной. За эти годы заметно расширился круг знакомых Гейне. На собраниях сенсимонистов поэт познакомился с итальянской княгиней, политической эмигранткой Христиной Бельджойозо. Разносторонне образованная, пламенная патриотка Италии, Бельджойозо,

как и Гейне, была решительной противницей реакционной Австрии и ее вездесущего канцлера Меттерниха. Одно время Гейне часто бывал в замке под Парижем, принадлежащем княгине. Здесь он встречал поэта Мюссе, композиторов Листа и Беллини, философа Кузена и многих других известных деятелей культуры. Дружеские отношения завязались у Гейне со знаменитым романтиком Виктором Гюго, прославленной романисткой Жорж Санд, датским сказочником Андерсеном. В эти годы даже болезнь не так мучила поэта, и он производил впечатление человека, вступившего в пору расцвета своих жизненных сил. Писатель Теофиль Готье так рисовал портрет Гейне: «То был красивый мужчина 35 или 36 лет, обладавший по внешности крепким здоровьем; его можно было принять за германского Аполлона; для этого стоило только взглянуть на его высокий белый лоб, чистый как мраморный стол, который покрывали густые массы белокурых волос. Голубые глаза сверкали огнем и вдохновением; щеки его круглые, полные, изящного очертания не были покрыты романтической свинцовой бледностью по моде того времени».

В конце 1834 года случилось событие, сыгравшее особую роль в личной судьбе Генриха Гейне. В одной из парижских лавок, куда однажды совершенно случайно завернул поэт, он увидел девушку, обаяние и красота которой его глубоко поразили. Вскоре выяснилось, что девятнадцатилетнюю красавицу зовут Матильда Мира. Дочь простых крестьян, она рано потеряла родителей, детство провела в сельской глуши, а несколько лет назад в Париж ее забрала тетка-башмачница. Трудолюбивая и жизнерадостная, остроумная и детски-непосредственная, Матильда почти не знала грамоты и даже не догадывалась о громкой поэтической известности своего поклонника. Очень скоро Генриха Гейне и Матильду связало большое взаимное чувство, а спустя несколько лет они официально узаконили свой супружеский союз.

Год 1835-й, когда вышел в свет второй том «Салона», выдался беспокойным и трудным. Текст «К истории религии и философии в Германии» настолько изуродовала цензура, что «исчезло основное направление» книги, и многие ее положения предстали в искаженном свете. И Гейне пришлось приложить немало усилий, чтобы хоть как-то реабилитировать свое имя перед читателя-

ми. Осенью случилась новая беда. Критик и журналист В. Менцель на страницах «Литературного листка» поместил ряд откровенно клеветнических статей, направленных против писателей «Молодой Германии» и их «духовного отца» — Генриха Гейне.

Печатный донос В. Менцеля стал веским поводом для расправы с молодыми литературными силами Германии. В начале декабря 1835 года Союзный Сейм постановил запретить сочинения писателей «Молодой Германии» — Гуцкова, Лаубе, Винбарга, Мундта, а также Генриха Гейне. Относительно последнего в Пруссии было принято еще и дополнительное решение, запрещающее распространение всех его будущих произведений, где бы они ни публиковались и на каком бы языке ни выходили. Строго был предупрежден и издатель Гейне, и младогерманцев Ю. Кампе.

Деятельность писателей, объединенных под именем «Молодой Германии», была одной из сторон оппозиционного движения, охватившего Германию после июльских событий 1830 года. И хотя в раздробленной, политически отсталой Германии недовольство выражалось нередко в формах стихийных и незрелых, общественная жизнь страны заметно изменилась. Выступления против существующего порядка были разными: в Гессен-Дармштадте восставшие крестьяне громили помещичьи усадьбы, в Баварии, а затем во Франкфурте произошли сильные студенческие беспорядки, на митинге в Гамбахе, собравшем около тридцати тысяч человек, были выдвинуты требования объединения Германии и установления республиканского строя. В герцогстве Гессен-Дармштадт писателем Георгом Бюхнером и пастором Вайдигом было создано тайное революционное «Общество прав человека». Большой резонанс имела прокламация Г. Бюхнера «Воззвание к гессенским крестьянам», в которой он призывал к активной революционной борьбе. Довольно смелые статьи появлялись на страницах немецкой периодики, иным стал характер литературы.

«Молодая Германия» не была литературной школой, объединенной общностью художественной программы, не была она и писательским содружеством, основанным на каких-либо организационных началах. К «Молодой Германии» относили новое поколение немецких писателей, чье творчество отражало подъем оппозиционного движения в стране, оно было тесно связано с современ-

ными событиями. Дух протеста, громко звучащий в творчестве молодых писателей, питали не только события Германии. Младогерманцы сочувственно следили за революционными событиями в других странах Европы, симпатизировали идеям сен-симонистов, приветствовали национально-освободительное движение в Польше. Вместе с тем у «Молодой Германии» не было четкой социально-политической программы, и большинство ее лозунгов носило довольно общий характер. Младогерманцы выступали с требованием свободы, отстаивали эмансипацию женщин, осмеивали мещанскую мораль, критиковали религиозные предрассудки. Разносторонней была литературная деятельность младогерманцев. Все они занимались журналистикой, были крупными публицистами. К тому же Винбарг успешно работал в области литературной критики и эстетики, Лаубе и Мундт писали романы, Гуцков был известным прозаиком и драматургом. То, что Гейне был причислен к писателям «Молодой Германии» и к тому же поименован их духовным отцом, выглядело на первый взгляд странно. Вот уже несколько лет, безвысздно проживая во Франции, Гейне не был связан ни общей работой, ни общими планами с младогерманцами. Правда, в 1835 году Гуцков и Винбарг, задумав выпуск журнала «Немецкое обозрение», решили привлечь к участию в нем и Гейне. Но издание журнала не состоялось, и Гейне писал по этому поводу Лаубе: «С «Молодой Германией» в целом я никак не связан; слышал, что они поместили мое имя среди сотрудников своего нового «Обозрения», на что я никогда не давал согласия. Но молодые люди, конечно, будут иметь во мне крепкую поддержку». И действительно, когда было принято постановление сейма, Гейне, до этого не связанный с «Молодой Германией», во всеуслышание заявил о своей солидарности с ней: «Я не буду столь труслив, чтобы отречься от политически невинной молодежи. Наоборот, я немедленно послал разъяснение во «Всеобщую газету» (вероятно, оно уже напечатано), в котором объявляю, что никогда не отказался бы сотрудничать в «Немецком обозрении». Между тем постановление Союзного Сейма явилось тяжелейшим ударом для Гейне. Ему запретили заниматься литературной работой — главным и единственным в жизни делом, отняли источник материального существования. Но Гейне сохранил мужество и даже старался ободрить других.

Ю. Кампе он писал в январе 1836 года: «В эти трудные времена нам нужно выказать ровно столько же хладнокровия, сколько бурной ненависти проявляют наши противники». Тогда же Гейне обратился с открытым письмом в Союзный Сейм, желая публично раскрыть всю чудовищную нелепость и незаконность принятого решения. В письме, опубликованном сначала на французском языке, а потом и на немецком, в частности, говорилось: «Вы обвинили меня, судили и произнесли приговор, не допросив меня устно или письменно, не возложив ни на кого моей защиты, не послав мне никакого приглашения... Если вы, господа, не хотите предоставить мне возможность свободной защиты перед вами лично, то предоставьте мне, по крайней мере, свободу слова в немецкой печати и снимите запрет, наложенный вами на все, что я пишу». В апреле того же года Гейне отправил во «Всеобщую газету» другое письмо, протестуя против «духовной централизации», которую присвоила себе реакционная Пруссия. Письмо это вообще не было опубликовано — на страницах газеты появилось лишь его краткое изложение.

Однако «открытые» письма были лишь одной из форм борьбы за право поэта писать и обращаться к немецкому читателю. В создавшихся условиях следовало действовать более решительно: опубликовать новую книгу и тем самым доказать, что постановление сейма не имеет практической силы. Важно выпустить книгу, на обложке которой появится запрещенное имя Генриха Гейне. «Думаю, что общество именно сейчас ждет от меня книги и обрадуется, увидев, что мы не согнулись от страха», — писал поэт Кампе. Сначала Гейне думал опубликовать новый том своих сочинений под безобидным заглавием «Тихая книга» или «Сказки». Но вскоре отказался от этой мысли, решив недвусмысленно подчеркнуть в названии новой книги ее теснейшую связь с написанным ранее. В июле 1837 года третий том «Салона» вышел в свет; он содержал «Флорентинские ночи» и «Духи стихий».

Своей художественной формой и смыслом основного мотива новеллы «Флорентинские ночи» примыкала к романтической литературе. В новелле рассказывалось, как у постели безнадежно больной, прекрасной молодой женщины синьоры Марии две ночи, не смыкая глаз, проводит ее друг Максимилиан. Больной вредно малейшее

движение, ей не разрешено говорить. Нелегкая обязанность Максимилиана — не уставая, о чем-то рассказывать больной. Атмосфера таинственности и загадочности, окружающая Марию, так и не рассеивается с последней строкой новеллы. Кто эта Мария? Какие отношения ее связывают с Максимилианом? Какова природа ее страшной болезни? Но романтическая «рама» новеллы, хрупкая и воздушная, оттесняется на второй план емким и живописным рассказом Максимилиана, в котором соседствует мечта и действительность. Перед нами Италия и Англия, Франция и Германия, заброшенный в глухой провинции замок и шумные улицы современного города, герои фантастических видений Максимилиана и портреты живых современников — скрипача Паганини, композиторов Беллини, Листа. Разрозненные зарисовки из рассказов Максимилиана сплетаются в многоликую картину жизни, предстающую и в высочайших порывах духа, и в земных устремлениях живого человеческого чувства.

Иной по материалу была другая работа — «Духи стихий». В ней поэт обратился к далекому прошлому человечества, к языческой старине, когда человек понимал себя частью природы и поклонялся камням, деревьям, рекам. Люди тогда искренне верили во всевозможные чудеса и силой своей фантазии создали целый мир, населенный эльфами, русалками, гномами, домовыми. Эти поэтические легенды, почерпнутые из самых различных источников, и пересказывает Гейне в своей работе. Он ее пишет в тоне доверительном и ясном, и музыкально-прозрачная проза естественно переходит в стихи. Книгу венчает стихотворная легенда о рыцаре Тангейзере, сочиненная Гейне по мотивам народных преданий.

Рыцарь Тангейзер, забыв церковные заповеди, много лет наслаждался всеми радостями жизни, любил и был любим. И вот однажды, когда решил раскаяться, он обратился к римскому папе с просьбой о прощении грехов, но был им навсегда проклят:

Святэйший отец наш, папа Урбан,
Вязать и решать в твоей власти,
От адского пекла меня защити,
Спаси меня от напасти.
Рыцарь Тангейзер звали меня,
Любовью я наслаждался,
Я грот Венеры нашел в горах
И там семь лет оставался.
Прекрасней Венеры Женщины нет,

И в мире не сыщешь лучше;
Как солнечный свет и цветов аромат,
Голос се певучий.

...Глядят на тебя большие глаза —
И ты в цепях до могилы.
Мне очень трудно было уйти,
Но я нашел в себе силы...

Но папа скорбно руки воздел
И произнес сурово:
«Тангейзер, несчастный ты человек,
Бессильно святое слово.

Венерой прозванный, черт страшной,
Чем прочих чертей когорты.
Церковь не властна тебя спасти
От прелестей этого черта.
За радости плоти своей душой
Тебе поплатиться надо.
Несчастный, ты проклят, ты приговорен
Навеки к пламени ада».

(Перевод П. Карна)

Гейне писал свою книгу с твердым убеждением, что христианские установления глубоко чужды жизнелюбию народа. «Духи стихий» — гимн непокоренному догмами миру, гимн любви, радости, земному счастью человека. Во французском издании «Духов стихии» Гейне так определял конечный смысл своей «сказочной» книги: «Человек должен стремиться к счастью на этой земле, к сладостному блаженству, а не к кресту...»

Свою «тихую» книгу Гейне собирался издать с предисловием далеко не мирного характера. Вопреки традиции предисловие получило специальное заглавие. Оно было кратким, резким, бьющим, как удар хлыста: «О доносчике». Поэт разоблачал доносчика на «Молодую Германию», националиста и тевтомана В. Менцеля — типичное порождение прусского реакционного режима. Как и следовало ожидать, цензура не пропустила предисловие в составе «Салона», но Кампе удалось выпустить его отдельным изданием. Сам же Гейне, не ограничившись словесным бичеванием доносчика, вызвал В. Менцеля на дуэль. Однако последний, струсив, от поединка уклонился.

Решение Союзного Сейма не было единственной из невзгод, обрушившихся на Гейне в это время. Выходец из купеческой семьи, племянник крупнейшего денежного туза, Гейне был лишен финансовой жилки. Он не умел ни копить, ни тратить деньги. Гонорары Гейне по-

лучал не самые высокие, но, когда появлялись деньги, он словно спешил с ними скорее расстаться, а то и готов был раздарить их всему миру. К началу 1837 года сумма долгов составила внушительную цифру — 20 тысяч франков. Поэту грозила долговая тюрьма. Положение оказалось безвыходным, и Гейне вынужден был продать единственную собственность — свои сочинения. За те же 20 тысяч франков Кампе купил на одиннадцать лет права на все написанное Гейне до момента заключения сделки. Жизнь омрачали и физические недуги: болезнь вновь дала о себе знать: левая рука поэта была парализована и сохла; сутками мучили головные боли, резко ухудшилось зрение. Одно время положение было таким критическим, что, казалось, поэту грозит полная слепота. Но Гейне продолжал бороться, работать. Своей главной книгой в эти годы он считал «Мемуары», в которых излагал историю своей жизни и своего века. Кроме того, в 1837 году были написаны и вышли в свет две критико-публицистические работы: «Введение к «Дон Кихоту» и «О французской сцене».

Роман Сервантеса «Дон Кихот» был в жизни Гейне одной из главных книг. Еще в детстве, познакомившись с удивительными приключениями рыцаря печального образа, Гейне навсегда сохранил восхищение перед силой духа «храбрейшего и благороднейшего в мире человека», энтузиаста, мечтателя, неустанного борца за истину, защитника слабых и униженных. Хорошо понимал Гейне и трагическое заблуждение Дон Кихота, не сумевшего соразмерить величие поставленной перед собой задачи с мерой собственных сил и возможностей. Но, противопоставляя мечтателя Дон Кихота и практика Санчо Панса, Гейне вместе с тем проницательно указал на их глубокую близость и даже единство. Книга Сервантеса, стоящая у истоков новой литературы, представляла для Гейне и особый теоретический интерес. Властно утверждавшаяся реалистическая литература говорила главным образом на языке прозы. И роман Сервантеса позволял Гейне увидеть в широкой исторической перспективе пути и судьбы европейской прозы.

Работа «О французской сцене» была написана в форме дружеских писем, адресованных редактору «Всеобщего театрального обозрения» Августу Левальду. На страницах его издания письма и были впервые опубликованы. Создавая эту работу, Гейне выступал одновре-

менно в роли театрального и литературного критика. Он не столько обращался к анализу отдельных явлений театральной жизни, сколько стремился передать ее общую атмосферу. В «Письмах», очень личностных по тону и прихотливых по настроению, был тем не менее четкий идейный стержень. Гейне решительно выступил против нормативной эстетики и эпигонской драматургической практики, доказывая, что каждая эпоха вырабатывает свое представление о прекрасном и имеет свой художественный язык. Он отстаивал идею национального своеобразия искусства каждой отдельной страны и наглядно показал это, сопоставляя театральную жизнь Франции и Германии.

Заполненным литературными трудами был и 1838 год. Среди других работ Гейне написал статью «Швабское зеркало» и развернутый текст к альбому портретов девушек и женщин, героинь комедий и трагедий бессмертного Шекспира. Статья «Швабское зеркало» была посвящена романтикам-эпигонам, объединившимся под именем «Швабской школы». К ней примыкали литераторы среднего дарования и консервативной ориентации. Исключение составлял лирик Уланд, поэтический талант которого Гейне высоко ценил.

Холодные, а затем и враждебные отношения между швабами и Гейне объяснялись далеко не личными причинами. «Швабская школа» была хранительницей старозаветных идеалов патриархального захолустья и видела своего читателя в лице немецкого филистерства. Прилежные подражатели романтической поэзии, швабы отстали от времени и были тормозом на пути новых литературных сил. Объективно их позиции сближались с немецкими реакционерами и националистами, и Гейне оправданно считал швабов ближайшими союзниками В. Менцеля. В свою очередь Гейне и его искусство было для швабов тем новым, что угрожало существованию и их идеалов, и их поэзии.

Некоторое время необъявленная война между Гейне и швабами ограничивалась частными столкновениями. Время от времени швабы посвящали Гейне пространственные статьи, он же ограничивался краткими и язвительными выпадами. Так, в «Введении к «Дон Кихоту» Гейне иронически заметил, что «достоинство» швабской школы следует видеть в том, что она «всосала в себя всю болезненную, худосочную, благочестиво-задушевную сля-

коть немецкой музы». Своего героя, рыцаря Тангейзера, Гейне заставляет во время странствий завернуть и к швабам:

Я в Швабии школу поэтов нашел,
Младенцы — ну просто прелесть:
На них колпаки с бубенцами на всех,
И все на горшочках уселись.

(Перевод П. Карна)

«Тихая война» Гейне со швабами получила известность после того, как поэт Шамиссо поместил в «Альманахе муз» портрет автора «Книги песен». Шамиссо следовал давно принятой традиции — каждый выпуск альманаха украшался портретом известного писателя. Однако швабов крайне возмутило то, что выбор выпал именно на Гейне. В знак протеста соредактор альманаха Г. Шваб, публично сложил с себя обязанности, отреклись от участия в издании его коллеги по школе. И тогда Гейне ответил своей статьей, высмеяв в ней «малышей из швабской школы поэтов», составивших заговор не только против «физиономии» поэта, но и всей новой немецкой литературы. Прусская цензура, однако, бдительно охраняла швабов от язвительного слова Гейне. Текст был так изуродован, что, когда он появился в печати, Гейне вынужден был публично отречься от своей работы и выступить с «Открытым письмом», в котором рассказывал о жестоких злоключениях, уже не первый раз выпадавших на долю его книг.

В отличие от «Швабской школы» работа «Девушки и женщины Шекспира», казалось бы, лежала в стороне от тревожностей дня. Автор уже заранее был ограничен замыслом издателя — требовалось только составить подписи к портретам героинь Шекспира. Когда роскошный альбом поступил в цензуру, та обошлась с ним невиданно благодушно, не тронув ни единой фразы. Мало того, после выхода книги в свет некоторые критики поспешили причислить Гейне к сторонникам «чистого искусства». Вместе с тем нейтральность этой работы была обманчива. Поэт не удовольствовался ролью беспристрастного комментатора иллюстративного материала, а написал основательную работу о Шекспире и значении его художественного наследия для современности. Гейне показал, что уроки Шекспира не стали прошлым и не ушли в историю. В течение веков велась борьба вокруг творчества великого трагика. Это была борьба «между

жизнью в духе и духом жизни». Торжество шекспировского искусства — не просто страница в истории культуры; это яркое подтверждение силы прогресса, неотвратимости победы лучших начал жизни. Глубочайшее проникновение в сущность бытия, неустанные поиски правды — эти ведущие начала шекспировского искусства — остались живыми и плодотворными для современного литературного развития.

Гейне был настолько захвачен миром Шекспира, что серьезно подумывал о том, чтобы взяться за издание собрания сочинений английского драматурга. Этим проектом, который, однако, остался неосуществленным, Гейне увлек своего нового знакомого, литератора Лаубе. В свою очередь Лаубе познакомил Гейне с композитором Рихардом Вагнером, который уже давно проявлял большой интерес к поэзии автора «Книги песен». Вскоре Вагнер написал музыку к стихотворению «Гренадеры», а за основу крупной музыкальной работы взял легенду о летучем голландце, которую поэтически изложил Гейне в своей незавершенной повести «Из записок Шнабелевского».

Новый, 1839 год начался для Гейне напряженной работой над крупной книгой, главным героем которой стал недавно скончавшийся немецкий публицист и литературный критик Людвиг Берне. Выросший в атмосфере кричащих несвобод «вольного» города Франкфурта, живой свидетель филистерского убожества и мелкокняжеского деспотизма, Берне посвятил свою жизнь служению свободе, идее раскрепощения личности. Берне был страстным обличителем политического положения Германии и ревностным поборником республиканских свобод. Лучшие книги Л. Берне: «Парижские письма» и «Менцель-французоед» — имели большое значение для пробуждения общественного сознания немцев. Было принято считать, что Гейне и Берне — союзники-единомышленники, и недаром Союзный Сейм назвал того и другого вождем «Молодой Германии». Гейне и Берне действительно многое сближало, хотя по ряду коренных вопросов их взгляды решительно расходились. Гейне, как революционный демократ, был убежден в необходимости коренной социальной перестройки общества. Берне, напротив, твердо стоял на позициях мелкобуржуазного радикализма, а его социальные идеалы не простирались дальше примитивного общества мелких собственников. В поли-

тической программе Берне не было ни широты, ни смелости, а взгляд на вещи ограничивался пределами близкого настоящего. Так, Берне не понял и не принял философии Гегеля; он не устал отрицать искусство Гёте только потому, что в личности творца «Фауста» находил черты филистерской аполитичности. В книге Гейне Берне — собирательный образ, воплотивший в себе типичные черты мелкобуржуазного радикала, олицетворявший носителя мрачной аскетической философии жизни. Поэтому в портрете Берне множество деталей, акцентирующих внимание на его аскетизме, упоенности страданием, искусственной неловкости личной жизни. Отсюда — последовательное и настойчивое противопоставление Берне Гёте.

Однако глубокий обобщающий смысл книги был выстроен на характере живом, своеобразном, индивидуально-неповторимом. Портрет Берне воссоздан в книге в свете все углубляющегося жизненного и философского опыта Гейне. Три портретные зарисовки, сделанные в разные годы жизни автора и его героя, — своеобразные идейные вершины книги. Первая из них, эскизно-лаконичная, дана глазами восторженного юноши, впервые увидевшего «пишущего против комедиантов Берне». Портрет этот создан средствами чисто внешними. Автор описывает одежду героя, его манеру поведения, внешний вид. Незаконченность и некоторая неопределенность характеристики стражаает саму неясность жизненных позиций и писательского дела Берне, стоящего лишь в преддверии своего поприща.

Подробна и обстоятельна вторая портретная характеристика. Она рождается из мнений о Берне проницательного литератора Фарнхагена фон Энзе и обывателей Франкфурта, она дана в форме детальных авторских описаний и ряда монологов-самохарактеристик героя. На этот раз Берне предстает в зените своих писательских и житейских удач, в период, когда пришли долгожданная слава и материальная независимость. И наконец, последняя зарисовка, подводящая итоги жизни героя: больной и желчный Берне — центральная фигура немецкой эмиграции в Париже.

Каждая портретная характеристика опирается на документальную основу; но детали портрета отобраны продуманно, их смысловое наполнение многозначно, символический подтекст глубок. Биографический факт у Гей-

не художественно переосмыслен и для строгой документальной летописи жизни героя не может служить основой. Не сам по себе факт, а его внутренний смысл, его дух важен для Гейне. Построенные на личных наблюдениях, все три зарисовки имеют и полемический смысл; они как бы осмеивают доктринерскую привязанность к правде бытового факта, не согретого авторским вымыслом. Именно этот, откровенно-личностный слой портрета Берне сразу же породил такую тучу критических стрел, обрушившихся на Гейне и его книгу.

Свой рассказ о Берне Гейне дополнил разделом, взятым из своих «Мемуаров». Поэт воскрешал в памяти современников воодушевление и энтузиазм, охватившие многих в июльские дни 1830 года, и здесь же делился горькими раздумьями о жалких итогах уже ушедшей в прошлое революции. Гейне называл эту часть своей книги «горой». С вершин истории ярче и полнее раскрывалась правда и неправда дела Берне и его сподвижников.

Рукопись была завершена и отправлена Кампе в начале 1840 года. Не без тревоги ожидал Гейне появления своей книги, понимая, какой бурный прием ей устроят многочисленные поклонники Берне — либералы и мелкобуржуазные радикалы. В создавшихся условиях вопросы тактики приобретали особое значение. Ничто, кроме самого содержания книги, не должно было дать пищу для обсуждений. А поэтому книгу следовало выпустить без предварительной рекламы и на нейтральном фоне. Гейне настойчиво просил Кампе не разглашать содержания рукописи и издать «Людвига Берне» одновременно с четвертой частью «Салона», чтобы «громкая» и «тихая» книги («рыкающий лев» и «невинная овечка») взаимно уравнивали друг друга. Особую заботу проявил автор о заглавии книги — оно должно было быть мирным и спокойным: «Людвиг Берне. Воспоминания Г. Гейне». Увы, издательские интересы Кампе оказались выше воли автора. Шум вокруг книги гарантировал ее быстрый сбыт. И не успела книга выйти в свет, как газета «Телеграф», принадлежащая издательской фирме Кампе, опубликовала разгромную статью. «Салон» запоздал с выходом в свет на несколько месяцев. А что касается заглавия, то оно оказалось «хуже пугала» — претенциозным и вызывающим: «Генрих Гейне о Людвиге Берне». Книга Гейне произвела в Герма-

нии сенсацию. На автора ополчились и те, кто считал книгу слишком радикальной, и те, кто считал, что Гейне предал интересы передовых сил Германии. Писали о главном и придирались к частностям. Жанетта Воль-Штраус, близкая знакомая Берне, поспешила выпустить книгу, содержащую целый букет ругательных отзывов о Гейне, извлеченных из личных писем и неопубликованных материалов Берне. Адвокат Г. Рисер, бездарный литератор, «жалкий провинциал с гамбургской помойки», жаждал сразиться с Гейне на дуэли и собирался ради этого специально приехать в Париж. Неистовствовала немецкая либеральная пресса. И наконец, муж Жанетты Воль — Соломон Штраус — распространял устно и письменно самые вздорные слухи о поэте. Не сумев ничего существенного противопоставить автору «Людвига Берне», Штраус обвинил Гейне в трусости, уклонении от дуэли. Узнав совершенно случайно из газет об этой клевете, Гейне срочно прервал лечение в Пиренеях и, вернувшись в Париж, послал вызов Штраусу. Дуэль состоялась 7 сентября 1841 года. Поэт получил легкое ранение в бедро, сам же выстрелил в воздух.

В эти трудные дни своей жизни Гейне не оставался одиноким. Его книгу поняли и поддержали и давние друзья — Фарнхаген, Кольб — и новые: Рихард Вагнер и еще совсем незнакомый Гейне Фердинанд Лассаль. 1841 год завершил первое десятилетие парижской жизни Генриха Гейне. Все это время он подвижнически и самозабвенно трудился во имя однажды поставленной цели, способствуя сближению немцев и французов, служа идее мира и прогресса народов Европы. Гейне помог французам многое увидеть заново в немецкой философии, литературе, культуре, но и сам неизмеримо духовно вырос в Париже. В области общественного знания Гейне от увлечения идеями сен-симонизма пришел к революционной демократии, в художественной практике и эстетике — к принципам критического реализма.

За эти десять лет Гейне стал первостепенным немецким публицистом, историком общественной мысли, литературным и художественным критиком.

Прошедшее десятилетие — важнейший самостоятельный этап в жизни и творчестве Г. Гейне. Но это было и закономерным подступом к качественно новому периоду, к 40-м годам, когда во весь голос зазвучала революционная поэзия Генриха Гейне.

ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ В ПАРИЖЕ. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОЭТ

*Из-за того, что я владею
Искусством петь, светить, блистать,
Вы думали, — я не имею
Грозящим громом грохотать?
Но погодите: час настанет, —
Я проявлю и этот дар.
И с высоты мой голос грянет,
Громовый стих, грозы удар.
Мой буйный гнев, тяжел и страшен,
Дубы расколет пополам,
Встряхнет гранит дворцов и башен
И не один разрушит храм.*

(Перевод С. Маршака)

40-е годы XIX столетия — особая страница европейской истории. Укрепляя свои позиции, буржуазия добивалась полноты политической власти, стремясь к быстрой ликвидации феодальных пережитков. В среде народных масс, крестьян и рабочих, все больше нарастало недовольство как сохранявшими свое значение полufeодальными порядками, так и жестоко утверждавшимися формами капиталистической эксплуатации. В Германии, как и других странах Западной Европы, объективно складывалась ситуация, которая должна была привести к революционному взрыву.

Все возрастающий накал оппозиционных настроений с необычной силой выразился в поэзии. Само время требовало стихов. И они появились. Стихи, обличавшие старую Германию, и стихи, пронизанные героикой революционных деяний, — таковы сборник Г. Гервега «Стихи живого человека», книги Г. фон Фаллерслебена «Неполитические песни», Ф. Дингельштедта «Песни космополитического ночного сторожа». Властно вторгалась поэзия на страницы периодических изданий. Конечно, мера радикальности авторов была различной, и умеренно-либеральному Дингельштедту было далеко до боевого демократического пафоса Г. Гервега. Но все поэты стремились затронуть животрепещущие вопросы; их стихи будили общественное мнение, а то и призывали к борьбе. Гервег в получившем широчайшую известность стихотворении «Партия» обращался со страстным призывом к собратьям по перу:

Глашатаи! Певцы! Нет места безучастью!
Под тучей грозовой, кто остается тих?
Бросайтесь в этот бой с неудержимой страстью,
Как верный острый меч, стачивая стихи!

(Перевод Н. Вержейской)

Что касается Гейне, то еще в конце 1839 года, он, словно навсегда прощаясь со стихами, писал: «Мой возраст, и, возможно, наше время неблагоприятно для поэзии и требует прозы». Но прошло только два года, и жизнь оспорила это утверждение. Поэзия властно захватила Гейне. В феврале 1842 года он уже сообщает Кампе: «Хочу написать такую книгу, о которой я смогу с уверенностью сказать, что она не уступает «Книге песен»... Я убежден, что сейчас могу создать свои самые значительные лирические вещи». И Гейне был вправе так утверждать. За короткий срок он уже создал более десятка остросовременных стихотворений, среди которых были такие шедевры, как «Доктрина», «Дитя», «Тенденция». В последнем из них содержалась программа новой поэзии:

Бард немецкий, пой достойно
Вольность нашу, чтоб она
Косность преодолевала,
Душу к делу вдохновляла
«Марсельезы» гимном стройным.

Нет, не Вертером усталым
Перед Лоттой у окна, —
Словно колокол, народу
Должен ты вещать свободу,
Быть мечом и быть кинжалом.

Но не пой ты мягче флейты,
Что идиллии полна,
Будь в стране своей тимпаном;
Пушкою, трубой, тараном,
Пой, труби, звени и бей ты!

Пой, труби, греми тревожно,
В мрак — тиранов гмсна!
Лишь таким и стань поэтом,
А в стихах держись при этом
Общих мест — насколько можно.

(Перевод Вс. Рождественского)

Успешно шла работа над поэмой «Атта Тролль», которая с января 1843 года начинает публиковаться на страницах «Газеты для любителей изящного».

«Атта Тролль» — одно из «причудливых» поэтических созданий Гейне. Замысел поэмы возник в связи с гран-

диозной кампанией клеветы и травли, в центре которой оказался Гейне после выхода в свет его книги о Людвиге Берне. «Юмористический эпос» направлен против немецких мелкобуржуазных радикалов, мнимых социалистов и ревлюционеров, националистов и демагогов. Но поэма, злободневная и даже персонально направленная, оказалась далекой от прямолинейных, рифмованных дидактических агиток тенденциозных поэтов 40-х годов.

Поэзия Гейне — и это подтвердилось во всей полноте именно в 40-е годы — это поэзия борца и трибуна, страстного полемиста и беспощадного сатирика. Но это и поэзия, отвечающая высочайшим эстетическим требованиям. Гейне не конструировал образы во имя иллюстрации своих идей. Решительный противник узкоутилитарной, рассудочной поэзии, Гейне так изложил в поэме основное кредо своего творчества:

Песнь моя не знает цели,
Как любовь, как жизнь людская.

(Перевод П. Карна)

Так поэзия приравнивалась к высшим человеческим ценностям, определялась мерой любви и жизни.

Поэма Гейне была полемична. Глубокую связь поэмы с традициями классической литературы Гейне подчеркнул уже ее подзаголовком: «Сон в летнюю ночь». Так одна из самых искрометных комедий Шекспира сразу задавала тон и настрой поэме. Четырехстопный нерифмованный хорей «Атта Тролля» восходил к поэтическим традициям испанских средневековых романсов о легендарном рыцаре Сиде. В поэме воскресали герои французского героического эпоса о Роланде, а рядом с ними жил и действовал колоритный образ барабанщика из нашумевшего стихотворения Фрейлиграта «Мавританский князь». Поэма Гейне прочно опиралась на богатейшие традиции немецкого животного эпоса, до того уже блестяще освоенного и Гёте, и многими немецкими романтиками, среди которых первенствовал Гофман со своим великолепным романом «Житейские воззрения Кота Мурра». Гейне вообще необычайно широко прибегал ко многим излюбленным у романтиков художественным средствам. Поэму отличает причудливость композиции, резкие контрасты, смелый полет фантазии, повышенная иносказательность и метафоричность. Ярко выражено в ней и субъективное авторское начало. Но все эти приемы изобразительности не были формой «пре-

одоления» действительности, отвлечения и бегства от нее во имя идеального духовного мира. Сохраняя связь с романтиками, Гейне далеко выходил за рамки их миропонимания. Его творческая задача сводилась не только к тому, чтобы высказать свое отношение к реальному миру, дать ему оценку. Главное состояло в том, чтобы художественно осмыслить действительность и во всем многообразии, и во внутренней объективной сути.

Все это, вместе взятое, и определило неповторимое своеобразие поэмы, что так точно отметил и сам ее создатель: «Я написал эти стихи в причудливом стиле той романтической школы, которой я отдал лучшие годы юности, хотя и кончил тем, что высек моего учителя».

Поэма начинается колоритным описанием курортного местечка Котере, где Гейне вместе с Матильдой отдыхал летом 1841 года. На улицах этого модного курорта вдруг появляется вожатый с усердно отплясывающим медведем Атта Троллем и медведицей Черной Мумой. Счастливый случай — и Атта Тролля удастся вырваться на свободу. Благополучно добирается он до родной берлоги в Ронсевальском ущелье, где его поджидают дети. Вот здесь, в обжитом логове, Атта Тролля и излагает свою философию жизни. И вскоре в лице Атта Тролля во весь рост предстает мрачный мизантроп, объявивший войну всему человеческому роду, ненавидящий смех и веселье, стремящийся погасить любую искру человеческой радости. Атта Тролля идеи равенства трактует как примитивную уравниловку и всеобщую обезличенность:

Равенство во всем! Министром
Может быть любой осел.
Лев на мельницу с мешками
Скромно затрусит в упряжке.

Сын Атта Тролля, Одноухий, воспринявший советы отца, выступает как воинствующий националист:

Цвет отечественной школы,
Лишь родной язык он любит...
Свеж и бодр, и быстр, и кроток,
Ненавидит мыться мылом,
Презирует эту роскошь,
Как гимнаст великий Массман.

(Перевод В. Левика)

Так Гейне пародийно сближал Одноухого с основателем гимнастических обществ — закоренелым националистом Массманом, мечтавшим о возрождении доблести древних германцев. К концу десятой главы Атта Тролля и

его отпрыски становятся поистине устрашающими. Звериный мир готов агрессивно ополчиться на все человеческое. Атта Тролль говорит сыну о людях:

Ненавижу их и вечно
Завещаю ненавидеть.
Сын, клянись на алтаре
Ненавидеть человека...
И поклялся тот, как древле
Ганибал. Луна струила
Желтый свет на Камень Крови
И обоих мизантропов.

(Перевод П. Карна)

Но именно в этот кульминационный момент поэт прощается со своими героями и начинает новую нить повествования. Вместе с таинственным спутником, сыном ведьмы Ласкаро, автор-рассказчик отправляется на медвежью охоту, чтобы выследить и убить несравненного Атта Тролля. Гейне переводит поэму в столь любимое им русло путевого эпоса. Герои идут к дому ведьмы Ураки, что находится в сумрачном и глухом ущелье духов. В ночь святого Иоанна фантастические видения сменяют друг друга, и теряются границы между сном и явью. Сказочный мир увлекает и покоряет читателя, но смысл этой волшебной феерии глубоко реален: в сказочных, фантастических картинах воплощены совершенно конкретные явления действительности.

Гейне писал, что в поэме «тьма намеков на современные отношения». Здесь и критика жалкого политического уклада Германии и насмешка над бездарными комментаторами Шекспира, гневная инвектива против филистеров и клерикалов и искрометные пародии на поэтов «швабской школы». Организует поэму, сплавливая воедино довольно разнородный материал, четкая авторская позиция. Гейне последовательно ведет борьбу с Атта Троллями всех мастей. Делает он это и прямо — силой всеразоблачающего смеха, и опосредованно, утверждая свою позитивную программу. Противник напыщенных деклараций и лозунгов, поэт выражает свое отношение к людям искренне и непосредственно. Вот он вслушивается в печальные звуки мандолины музыканта-испанца, у которого

Нищета и в дырах платья
И во взоре проступала.

(Перевод П. Карна)

Или находит недолгий приют в тихой рыбацкой хижине у больного старика перевозчика, или посещает отверженных, обреченных на голодное существование людей из племени каготов. Судьба этих несчастных — бесчеловечный итог религиозного фанатизма:

Не пошел со мной Ласкаро
В дом каготов, их проведаль
Я один. С открытым сердцем
Руку протянул я брату
И поцеловал ребенка,
Присосавшего жадно
К материнской груди; был он
Вроде паука больного.

(Перевод П. Карпа)

Поэма Гейне завершается оптимистически. Пуля Ласкаро сражает Атта Тролля. Шкура медведя досталась поэту и теперь украшает его парижскую спальню:

О, частенько я средь ночи
Бссиком стоял на брэнной
Плоти моего герся,
На мохнатой шкуре Тролля.

Правда, в этом мире еще есть кому оплакивать Атта Тролля, и король баварский, несомненно, позаботится о монументе герою. И тем не менее новые времена уже наступают. Поэма «Атта Тролля» завершалась строками, в которых выражалась и вера в это близкое будущее, и глубокая тревога за него:

Мир дрожит: ну и жужжанье!
Это о весне народов
Майские жуки вещают,
Всякий день ожесточаясь!
Смена веку — смена птицам!
Смена птицам — смена песням!..

Журнальную публикацию «Атта Тролля» Гейне считал незавершенной, но обратился к доработке поэмы лишь спустя несколько лет.

Начало 40-х годов в жизни Гейне — период напряженной творческой работы. Болезнь в это время затаилась: не так часто мучили головные боли, лучше стало с глазами. Покойно и хорошо было в семье поэта. Любящая, всегда открытая к добру Матильда окружила Гейне теплой заботой и вниманием. И поэт был глубоко признателен своей подруге жизни. «Вот уже семь или восемь лет как я люблю ее со страстью и нежностью, которых не выразишь словами. Я вкусил за это время

бесконечное счастье», — признавался Гейне в одном из писем к родным.

Эти же годы подарили поэту радость общения со многими интересными людьми: датским сказочником Х. К. Андерсеном, поэтом Г. Гервегом, молодым драматургом Ф. Геббелем. Но как ни захватывающе полна была парижская жизнь, Гейне не покидало все крепнущее желание хотя бы ненадолго посетить Германию. Поездка должна была дать важный импульс для дальнейшего творчества. Звали поэта в Германию и личные дела. Давно хотелось повидаться с матерью, которая, несмотря на преклонный возраст, сама собиралась приехать в Париж, чтобы взглянуть на любимого сына. Надо было увидеть дядю Соломона: в последние годы он тяжело болел. Пора было, наконец, лично встретиться с Ю. Кампе, который переживал нелегкое время. Еще в декабре 1841 года в Пруссии было принято драконовское постановление, запрещающее распространение на территории этого государства издательской продукции фирмы Кампе. Гейне тогда писал своему издателю: «Я немею от негодования. Хотите знать мое твердое мнение? Так слушайте: я советую вступить в открытую войну с Пруссией не на жизнь, а на смерть». К счастью, постановление оставалось в силе только полгода. Но гонение на отдельные книги, выпущенные Кампе, и прежде всего книги Гейне, продолжалось с прежней силой.

К поездке, казалось, обязывало все. Но поэт не мог не понимать, сколь опасна она для него. Давно объявленный в прусских владениях политическим преступником, Гейне мог ожидать от властей самых суровых действий. Поэтому свой замысел поэт держал в строгой тайне, не сообщив даже матери точную дату приезда. Путешествие оказалось «чрезвычайно скучным и утомительным». Выехав из Парижа 21 октября, Гейне, почти не останавливаясь в пути, проследовал через Брюссель, Амстердам и Бремен. С дороги он писал Матильде: «Я совершенно изнемог. Я испытал много неудобств, и скверная погода преследовала меня. Решительно все путешествуют здесь в плащах, один я в жалком пальто, которое доходит мне только до колен, и они коченеют от стужи». Около сорока дней провел Гейне в Гамбурге, общаясь по преимуществу с матерью, семьей сестры Шарлотты, Соломоном Гейне. В эти дни были решены с Ю. Кампе тревожившие Гейне финансовые

вопросы. Издатель получал право выпуска полного собрания сочинений Гейне, сохраняя за собой монополию на издание произведений поэта. Взамен Гейне получал ежегодное пособие в размере 1200 марок.

Внешне ничем не примечательная поездка имела большое значение в творческой судьбе Гейне. Немецкая действительность — предмет мучительных раздумий всех тринадцати лет изгнания — вновь предстала перед поэтом воочию. И давно вызревавший замысел книги о Германии теперь приобрел совершенно конкретные черты. Вскоре после возвращения в Париж Гейне, полный творческих планов, сообщал Ю. Кампе: «В дороге я сочинял разные стихи. Это дается мне легко, когда я дышу немецким воздухом. Посещение Германии в будущем сулит мне много поэтических плодов».

В те дни, когда Гейне начал работу над своей самой крупной политической сатирой — поэмой «Германия. Зимняя сказка», он встретился с Карлом Марксом.

В Париж Маркс приехал из Германии, где возглавлял редакцию «Рейнской газеты», вскоре закрытую прусским Советом Министров по обвинению в «нападении на основы государственного строя» и распространении теории, «имеющей целью потрясение монархического принципа». Еще с дней своей юности К. Маркс знал и любил творчество автора «Книги песен». Теперь же, в двадцать шесть лет, после личного знакомства с Гейне, его глубоко заинтересовала личность поэта. В свою очередь Гейне находил истинное отдохновение в обществе молодого доктора философии и его обаятельной супруги Женни. Гейне стал близким и желанным гостем в семье Маркса. А вскоре знакомство переросло в искреннюю дружбу. Гейне и Маркс могли часами говорить об искусстве, читать стихи, заинтересованно обсуждать только что написанные строки. Гейне, уже зрелый художник, с европейским именем, внимательно выслушивал мнения и советы молодого друга, хотя последний нередко выступал в роли сурового и нелюбезного критика. История этой дружбы не случайно совпадает с высшим расцветом политической лирики Гейне. Именно в это время были созданы поэма «Германия. Зимняя сказка» и ряд блестящих остросовременных стихотворений. Поэт Генрих Гейне стал и активным союзником Карла Маркса.

В феврале 1844 года вышел в свет первый и единст-

венный номер «Немецко-французского ежегодника», состоящего в основном из статей К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященных острым социально-политическим и философским проблемам. Но на страницах ежегодника нашлось место и для поэзии: в нем появились стихотворение Г. Гервега «Измена» и небольшой сатирический цикл Гейне «Хвалебные песни королю Людвигу». Стихи Гейне органически вписывались в общую программу журнала. Изображая конкретного немецкого монарха, баварского короля Людвига I, Гейне в его лице создал сатирический тип: устрашающая ничтожность баварского правителя как в зеркале отражала в себе ужасающий лик немецкой государственной системы. Стихотворение как бы взывало к гражданской совести немцев: безумно поклоняться подобным правителям и униженно служить такому обществу. «Немецко-французский ежегодник» быстро приобрел читателей в странах Западной Европы, стал он известен и в России. Прусское правительство, крайне обеспокоенное «преступной тенденцией» журнала, дало указание арестовать «издателей и сочинителей отдельных статей». Имена К. Маркса и Г. Гейне в этом циркуляре стояли рядом.

Философ и поэт совместно сотрудничали и в другом печатном органе — издававшейся в Париже немецкой эмигрантской газете «Вперед». В течение трех летних месяцев 1844 года здесь было опубликовано около десятка актуальных политических стихотворений Гейне. Одни отличались горячим ораторско-призывным пафосом. Такова знаменитая «Доктрина», в которой поэт выступил в облике бесстрашного революционного барабанщика. Пламенные строки стихотворения, обращенные к современникам поэта, должны были вселить в их сердца уверенность и отвагу, побудить к беспощадной борьбе со старым миром:

Бей в барабан, и не бойся беды,
И маркитантку целуй вольней!
Вот тебе смысл глубочайших книг,
Вот тебе суть науки всей.

Людей барабаном от сна буди,
Збрю барабань, не жалея рук,
Маршем вперед, барабаня, иди, —
Вот тебе смысл всех наук.

Вот тебе Гегеля полный курс,
Вот тебе смысл наук прямой:

Я понял его, потому что умен,
Потому что я барабанщик лихой.

(Перевод Ю. Тынянова)

«Доктрина» стала своеобразным гимном революционно настроенного поколения. В России ее вскоре перевел молодой петрашевец поэт А. Плещеев; первую строчку стихотворения Н. Добролюбов взял эпиграфом к статье «Когда же придет настоящий день?». По общему тону к «Доктрине» примыкало стихотворение «Погодите!», в котором поэт говорил о грозящей силе своего поэтического слова. Гейне не ограничивался общей декларацией поэтической программы нового революционного искусства. В его стихотворениях эта программа воплощена во всем художественном блеске. Палитра образных средств Гейне-сатирика поражает своим многообразием: шарж, гротеск, пародия, карикатура, ироническое снижение. Предметом осмеяния Гейне избирал обычно совершенно конкретную личность или явление, выстраивая затем на этой основе широкие обобщения. Так прусскую государственную систему Гейне высмеял в лице самого короля Фридриха-Вильгельма IV. Отуманенный винными парами, король пребывает в фантастическом мире грез. То он мнит себя легендарным завоевателем («Новый Александр»), то могущественным восточным правителем («Китайский император»):

Чудили трезвенники встарь,
Отец мой не пил сроду.
Но я — великий государь,
И водку пью как воду.

Какой напиток! Ей-же-ей,
Чудесней нет на свете!
Чуть выпью водки я своей,
И вот — Китай в расцвете...

Мятежный дух исчез совсем.
Кричат маньчжуры дружно:
«Нам конституция зачем?
Нам палку, палку нужно!»

(Перевод П. Карпа)

Карикатурные портреты прусского короля в обоих стихотворениях были воссозданы средствами саморазоблачающего монолога. Конкретное историческое лицо олицетворяло фантастически-чудовищную прусскую действительность.

Кричаще алогичный мир прусской жизни мог быть

изображен и в форме сатирического парадокса («Мир наыворот»), и в виде иронического наставления немецкому обывателю («Просветление»):

Михель! Спала с глаз завеса,
Иль еще не видишь ты,
Как вкуснейшие похлебки
Из-под носа отняты?

А в замену обещают
Радость духа, светлый край
Там, где ангелы готовят
Без говядины свой рай.

Михель! Вера ли слабее,
Иль сильнее аппетит?
Ты хватаешь кубок жизни,
Песнь язычника звучит.

Михель! Брось пустые страхи,
Набивай здесь брюхо впрок.
Чтоб потом в могильном мраке
Переваривать ты мог.

(Перевод В. Клюевой)

Среди стихотворений Гейне, появившихся в эти летние месяцы 1844 года на страницах газеты «Вперед», особое место занимало стихотворение «Силезские ткачи» (в первом варианте — «Бедные ткачи»). Стихотворение явилось непосредственным откликом на события, произошедшие в небольшом силезском городке Петерсвальдау. Местные ткачи, доведенные до отчаяния нечеловеческими условиями труда и быта, 4 июня 1844 года разгромили несколько производственных зданий, контору и особняк местного фабриканта. Уже на другой день волнения перекинулись на близлежащие селения. Лишь с помощью отряда солдат удалось усмирить невооруженных ткачей. Вслед за этим начались жестокие расправы над восставшими. Силезские события оказались в центре внимания европейской общественности. В Германии о них появилась целая литература, однако трактовка восстания была, как правило, однозначной. Писали о стихийном, неосознанном бунте; сочувствующие ткачам взывали к милости властей, филантропии и человеколюбию. Истинное значение силезского восстания с гениальной прозорливостью раскрыл К. Маркс, выступив со статьей на эту тему на страницах газеты «Вперед».

«Силезское восстание, — писал он, — *начинает* как раз тем, чем французские и английские рабочие восста-

ния *кончают*, — тем именно, что осознается сущность пролетариата»¹. На арену истории пришел класс, выступивший не просто против отдельных эксплуататоров, но поставивший под сомнение правомерность всей общественной системы. Ткачи Силезии еще не имели теоретически сформулированной программы действия. Их единственным документом, боевым гимном, была песня «Кровавый суд». Она состояла из 25 четверостиший, каждое из которых обличало какое-либо конкретное явление современности. Характеризуя «песню ткачей», Маркс писал, что это «смелый клич борьбы, где нет даже упоминания об очаге, фабрике, округе, но где зато пролетариат сразу же с разительной определенностью, резко, без церемоний и властно заявляет во всеуслышание, что он противостоит обществу частной собственности»².

Одна из строф этой песни звучала так:

Вы плуты, всех вас нужно в ров,
Все плуты без изъятия,
Вы жрете пищу бедняков,
Но к вам придет проклятие.

Гейне написал свое стихотворение спустя месяц после того, как известие о восстании облетело парижские газеты. И не он был первым писателем, открывшим эту тему в литературе. Но именно Гейне как поэт дал наиболее верную и глубокую трактовку силезским событиям. Мысли К. Маркса нашли в стихотворении яркое художественное воплощение. «Силезские ткачи» — шедевр политической лирики Генриха Гейне. Поэт создает коллективный образ рабочих-пролетариев, уже в полной мере осознавших свою силу. Тон стихотворения призывно-мужественный. Ткачи не жалуются, не просят милости. Они готовы сами постоять за себя. Отметая официальный прусский лозунг «С богом, за короля и отечество», они шлют свое тройное проклятие: равнодушному к их бедам богу, королю всех богатых, лицемерному отечеству. Свое проклятие они «вплетают» в огромный саван, который ткут для старой Германии. Ткачи изображены у Гейне могильщиками старого мира. Стихотворение предельно ритмично, что ассоциируется с темпом непрекращающейся напряженной работы. А неизменно повторяющийся рефрен: «И ткем мы, и ткем мы» —

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 443.

² Там же.

словно приближает час за часом неминуемый акт расплаты:

Челнок летит, станку невмочь,
Мы ткем усердно день и ночь.
Германии старой саван мы ткем,
Тройное проклятье туда вплетем.
И ткем мы, и ткем мы!

(Перевод В. Ключевой)

Стихотворение Гейне очень скоро завоевало широкую известность. Запрещенное в Пруссии, оно распространялось там в подпольных листовках.

В первой половине 1844 года Гейне написал несколько первоклассных политических стихотворений и завершил самую значительную из своих поэм — «Германия. Зимняя сказка».

Несмотря на плохое состояние здоровья — головные боли и болезнь глаз, Гейне, однако, не стал откладывать свое второе путешествие в Германию. На этот раз поэт отправился в Гамбург вместе с женой Матильдой, которую уже давно готовил к встрече с немецкой родней. Гамбург разочаровал Матильду. Уже с первых дней она почувствовала себя здесь тоскливо и неуютно и настойчиво просилась обратно в Париж. Гейне как мог успокаивал жену, но в конце концов вынужден был уступить. Не пробыв и трех недель в Германии, Матильда с нескрываемой радостью отправилась на родину. Гейне остался в Гамбурге, чтобы лично наблюдать за тем, как печаталась его новая поэтическая книга. Он всецело отдавал себе отчет в том, какой резонанс будут иметь политические стихи и особенно сатирическая поэма «Германия»: «Поскольку эта вещь не просто радикально революционная, но и антинационалистическая, то против меня будет, без сомнения, вся пресса, так как она находится либо в руках властей, либо в руках националистов». Именно в эти дни Гейне обратился с письмом к К. Марксу как к человеку, который в большей мере, чем кто-либо, мог бы оказать его книге содействие в парижской прессе: «Книга моя отпечатана, но ее выпустят в свет только недели через полторы-две, чтобы не сразу забили тревогу. Корректурные листы политической части книги, именно те, где напечатана моя поэма, я посылаю вам сегодня бандеролью с тройной целью. А именно: во-первых, чтобы они позабавили вас, во-вторых, чтобы вы сразу начали действовать в пользу книги в

немецкой прессе и, в-третьих, чтобы вы, если найдете целесообразным, могли напечатать в газете «Вперед» лучшее из новой поэмы». Гейне обращался к Марксу как к другу и единомышленнику: «Будьте здоровы, дорогой друг, и извините меня за мои неразборчивые каракули. Не могу перечитать написанного — но ведь нам-то довольно одного знака, чтобы понять друг друга».

В конце сентября 1844 года том «Новых стихотворений» вышел в свет. Часть произведений, вошедших в него, уже была знакома читателям — стихотворения циклов «Новая весна», «Разные», «Романсы», поэма «Тангейзер». Новым был цикл «Современные стихотворения» и поэма «Германия. Зимняя сказка». Но это и было самым злободневным и дерзким в книге. Новый том не успел появиться в книжных лавках, как вышло из печати и отдельное издание поэмы с развернутым прозаическим предисловием к ней. Итак, важнейшее из дел Гейне последних лет было, наконец, завершено. Теперь уже ничто не задерживало поэта в Гамбурге. Без долгих сборов он покинул город своей юности, еще не зная, что уже больше никогда не увидит Германию.

16 октября Гейне был в Париже. Как и предполагал поэт, его новые творения произвели в Германии шум неслыханный. Официальная печать по обыкновению развязала ожесточенную травлю поэта, а власти немецких государств поспешили обезопасить своих подданных от крамольных идей безбожника и революционера: одно за другим последовали запрещения новых книг Гейне в Пруссии и Гессене, Франкфурте и Гамбурге. Фридрих Вильгельм IV сделал специальное предписание схватить Гейне, если только он переступит прусскую границу. Между тем Ю. Кампе, не забывая о своих коммерческих интересах, поспешил выпустить в начале ноября второе издание «Новых стихотворений». В октябре—ноябре поэма «Германия» при посредстве К. Маркса публиковалась на страницах газеты «Вперед». А в самом конце года поэма была выпущена парижским издательством с конспиративными выходными данными: «Нью Йорк, 1845». В этом же году молодой Фридрих Энгельс, знакомя английских читателей с новой немецкой революционной поэзией, писал в статье «Быстрые успехи коммунизма в Германии»: «Генрих Гейне, наиболее выдающийся из всех современных немецких поэтов, примкнул к нашим рядам и издал том политических стихов, куда

вошли и некоторые стихотворения, проповедующие социализм»¹. Энгельс приводил в своем переводе стихотворение Гейне «Силезские ткачи», замечая: эта песня «в немецком оригинале является одним из самых сильных поэтических произведений, известных мне»².

Лучшая из поэм Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка» развивала и укрупняла мотивы этого стихотворения. Актуальная, всецело обращенная к политическим и социальным проблемам немецкой и европейской действительности, она, по словам ее автора, «сохраняет непреходящую ценность классического произведения». Поэма построена по хорошо испытанному типу путевых картин. Это описание путешествия из Парижа в Гамбург. Причем маршрут близко повторяет путь, которым следовал Гейне, возвращаясь в декабре 1843 года из Германии во Францию. На строго документальных событиях, связанных с маршрутом путешествия поэта, выстраивается широкая и емкая панорама современной жизни Германии, осмысленная в перспективе европейского исторического опыта. Прием «опрокинутой пирамиды» и раньше был характерен для Гейне. От частного факта он шел к масштабным обобщениям. И несмотря на кажущуюся разбросанность внимания поэта, «поэтическая постройка» скреплена строжайшей логикой, гармонична, закончена и устойчива.

Первая и последняя главы поэмы, обрамляя повествование, содержат позитивную программу лирического героя. Холодный, дождливый, неласковый ноябрьский день, граница Германии. Уже здесь, у пограничной заставы, ощутим мертвящий холод немецкой действительности. И, словно отвлекая героя от земных забот и тревог, девочка-арфистка самозабвенно поет старую песнь отречения — о преходящности земного и вечном блаженстве загробного рая. Эту песнь смирения, придуманную религиозными лицемерами, поэт мужественно и решительно прерывает новой лучшей песней «миллионов». Глашатай нового, поэт выступает за рай земной:

Мы новую песнь, мы лучшую песнь
Теперь, друзья, начинаем,
Мы в небо землю превратим,
Земля нам будет раем.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 521.

² Там же, с. 522.

При жизни счастье нам подавай!
Довольно слез и муки!
И пусть ленивое брюхо кормить
Не будут прилежные руки.

(Перевод В. Левика)

И поэт силой поэтического слова вносит свою лепту в общее дело. Во имя лучшего будущего он отрицает старую Германию, повествование о которой начинается во второй главе поэмы.

Старая Германия — это девочка-арфистка, обманутая лицемерами и лжецами; это верткие прусские служаки, жадно ищущие крамолу в чемоданах поэта (а везет-то он ее в голове); это ограниченный, всем довольный филистер, полагающий, что Таможенный союз — залог благосостояния национальной жизни. Но герои эти, встреченные поэтом, всего лишь жертвы или безгласные орудия на службе зла, о котором пойдет речь в третьей главе. Повествование остается в русле путевого эпоса. Вот сонный городок Ахен. В его удручающе скучный пейзаж вносят разнообразие наряженные как мапекены военные. Но внешне правдоподобное путешествие — поэтически условно, ибо истинный маршрут поэта — путь от явления к явлению. И в этом смысле Ахен — выразительный символ прусской Германии. В глубоком средневековье здесь находилась резиденция могучего Карла Великого, в этом городе короновали немецких императоров. Возродить прошлое в его феодально-католической сути было заветной мечтой современных прусских монархов, и особенно Фридриха-Вильгельма IV. Однако удалось обновить кое-как лишь фасад старинных институтов да переодеть в амуницию давних лет прусских офицеров и солдат. Но за пышными декорациями — пустота и нелепость. Поэт издевательски осмеивает претенциозную форму прусского воинства. Превосходен шлем с острым шпиком, но что будет, коли появится на небе туча и металлический стержень притянет новейшую молнию. Да и вообще убор следовало бы сконструировать полегче, ведь при случае военной тревоги ничто не должно затруднить бегство...

Следующий пункт на пути поэта — город Кёльн, знаменитый своим грандиозным собором. Его начали строить в XIII веке, но и во времена Гейне собор еще не был возведен до конца. И именно теперь, в революционные 40-е годы, немецкое дворянство и духовенство разверну-

ли громкую кампанию по сбору средств на его достройку. Создали даже специальный «Соборный союз», деятельность которого была окружена несмолкаемой ультрапатриотической шумихой. Но не эти задачи должны были волновать немецкий народ. Ведь Кёльнский собор был не просто грандиозным архитектурным сооружением. Уже давным-давно он стал мрачным символом реакционного католичества, беспощадно душившего свободное слово и передовую мысль:

Здесь книги сжигали, сжигали людей,
Губили их творенья
Под дикий звон колоколов,
Псалмы и песнопенья.
Злоба и глупость блудили тут,
Грызясь, как псы над костью.
От их приплода и теперь
Разит фанатической злостью.

(Перевод В. Левика)

Достроенный Кёльнский собор, по замыслам церковников, должен был стать устрашающей дух бастилией, тюрьмой немецкого разума. Как нелепая, обреченная самой историей затея изображается деятельность «Соборного союза». Нет, уже не то время, чтобы возиться с «делами церковного клира».

Путешествие продолжается! И вот уже величественная панорама Рейна, покойно несущего свои воды в лунном сиянии. Привольная и безбрежная водная гладь, так много раз воспетая поэтами и художниками, восхищенными ее красотами. Но теперь речь о другом. Блестяще используя прием олицетворения, Гейне наделяет Рейн человеческим голосом. В 40-е годы развернулась ожесточенная полемика о том, кому владеть левым берегом Рейна — немцам или французам. Участниками спора были националисты той и другой стороны. И старому Рейну до отвращения надоела баталия немецких и французских шовинистов. Так надоела и опротивела, что он готов утопиться в самом себе. Ведь главное, не кто будет владеть Рейном, а какая жизнь утвердится на его берегах.

Национализм — одно из самых ненавистных зол для Гейне, и с ним он сражался начиная с первых лет своей творческой деятельности. В поэме «Германия...» эта тема — одна из центральных. Разъясняя замысел своей поэмы, Гейне отмечал: «Это отчаянный вызов, брошенный мною тевтономам, так называемой национальной

партии моей страны». А в предисловии к поэме поэт прямо сказал, что первыми гонителями его творения окажутся «фарисеи-националисты», эти «жалкие лакеи в черно-красно-золотых ливреях». Истинный патриот своей родины, Гейне именно поэтому был и самый строгий ее судья. Это прекрасно отметил современник немецкого поэта русский критик В. Г. Белинский: «Он ругает и позорит Германию, но любит ее истиннее и сильнее всевозможных гофратов и мыслителей... Гейне — это немецкий француз — именно то, что для Германии теперь всего нужнее...»¹.

Беспощадно расправился Гейне с националистами и в одиннадцатой главе поэмы. Реставрируя старину, официальная пропаганда безмерно возвеличивала подвиг вождя германского племени Арминия, в далеком IX веке разбившего войска римского наместника Вара. Подвиг Арминия трактовался как выражение силы и мощи германцев, как пример их исключительного превосходства над другими народами. Гейне построил главу по принципу иронической хвалы: а что случилось бы, коли Арминий не победил бы римлян? Наверняка заядлому националисту Массману пришлось бы изучать латынь, которую он презирал по патриотическим соображениям, а его единомышленник шовинист Ян именовался бы не грубияном, но на латинский манер грубиянусом. Да и Германией управляли бы

Не тридцать шесть гладык, а один
Нерон дазил бы нас игом,
И мы вскрывали бы вены себе,
Противясь рабским ьсригам...

(Перевод В. Левика)

Лик современной официальной Германии, пребывающей в угаре самодовольного национализма, порой раскрывается в мелкой бытовой детали. На чужбине поэту пришлось провести без сна не одну ночь, ворочаясь на неудобном и жестком тюфяке. И вот в немецких гостиницах — мягкая постель. И как покойно мечтать на пуховой немецкой перине, как беспредельно велики и возвышенны подвиги, совершенные в полусне и мечтах. А тем временем суровая земная явь остается в забвении.

IX глава — настоящая гастрономическая энциклопедия старонемецких блюд. Как не отдать дань добрым

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. XII, с. 17.

немецким кушаньям. Но безобидный патристический обед помогает иронически показать прусские обычаи:

Наконец принесли поросенка нам,
Он выглядел очень мило.
Доныне лавровым листом у нас
Венчают свиные рыла!

(Перевод В. Левика)

Поэма Гейне сильна не только беспощадным осмеянием прогнивших феодальных порядков. Заявленный уже в первых строфах поэмы мотив борьбы за лучшее будущее настойчиво продолжает звучать и дальше.

Вдоволь посмеявшись над прусской военщиной, поэт призывает вольных рейнских стрелков сразить ненавистного черного одноглавого орла — герб Пруссии. Сам поэт во время этого справедливого суда не собирается оставаться в стороне:

О гадкая тварь, попадешься ты мне, —
Я рук не пожалею!
Выдеру когти и перья твои,
Сверну проклятой шею!

(Перевод В. Левика)

Кёльнский собор — эту Бастилию свободного духа — поэт советует превратить в конюшню. Прощаясь с батюшкой Рейном, он обещает, что скоро на этих берегах зазвучат новые, лучшие песни. Во весь голос революционные ноты начинают звучать в VI главе, в которой появляется образ двойника лирического героя. Двойник — часто встречающийся в романтической литературе персонаж. Это символ роковой раздвоенности личности, предельное выражение романтического двоемирия. Двойник у Гейне не бесплотный призрак, а приземистый, широкоплечий, практично-трезвый человек с «тяжелым судейским топором». И смысл этого образа глубоко земной: грозный мститель, он воплощает в жизнь самые дерзкие замыслы лирического героя:

У меня практически-трезвый уклад,
Я не болтаю без цели,
Но все, что ты замыслил в душе,
Я выполняю на деле.

И если мне даже годы нужны,
Я цель преследую смело, —
Твой замысел будет осуществлен!
Ты мыслишь, за мною — дело.

(Перевод В. Левика)

Однако даже в годы своей высшей идейной зрелости Гейне не был твердым и бескомпромиссным революционером. Колебания и сомнения всегда были присущи ему. А случалось и так, что революция страшила его. Поэту казалось, что очистительный революционный огонь, сметая старый мир, уничтожит и культурные ценности, что слишком много будет необратимых утрат и ненужных жертв. Но вместе с тем Гейне всегда понимал историческую неизбежность революции. Это была единственная действенная форма борьбы со старым миром, а значит, и единственный путь к лучшим началам жизни. Примечательна в этом смысле XII глава поэмы. Ночью в глухом лесу лирический герой слышит жуткое завывание волков. И вот уже совсем близко их голодные голоса и огненные глаза. Волки — олицетворение плебейских масс, обездоленных и отверженных, поднявшихся на беспощадную борьбу с миром эксплуататоров. Герою не так уж приятно их окружение, к тому же он должен окончательно определить и свою позицию. Но кем будет он, поэт, не всегда находивший верный путь?

Овечья шкура, что я иногда
Надевал, чтоб согреться, на плечи,
Поверьте, не соблазнила меня
Сражаться за счастье овечье.

Я не советник, не овца,
Не пес, боящийся палки.
Я ваш! И волчий зуб у меня,
И сердце волчьей закалки!

(Перевод В. Левика)

В следующей, данной по контрасту главе решительно отвергается путь смирения и мученичества, проповедуемый церковниками.

Путевой эпос Гейне — это движение и постоянство: меняются города и лица встречаемых, но остаются неизменными вопросы, над которыми не устает размышлять поэт. Есть среди них главный — судьба Германии, ее прошлое, настоящее, будущее. С XIV главы вопрос этот решается на новом материале — полулегендарном и сказочном. Зябким неуютным днем поэт следует в тряской карете через однообразную падерборнскую степь. И скучный пейзаж, навевая сон, возвращает его к далекому детству. В памяти всплывает образ старушки няни, так любившей легенду о Фридрихе Барбароссе Рыжебородом. Этот средневековый император многое

сделал для умножения славы германской воинской силы. Смерть Фридриха издавна окружена тайной. Опытный воин, человек исключительной силы и ловкости, он утонул во время крестового похода в небольшой горной речке. Но, согласно легенде, Барбаросса не погиб. Вместе со своим воинством он укрылся в горе Кифгайзер, где ожидает назначенного часа. И когда этот час пробьет, император выйдет из укрытия и вырвет из рук страшного злодея страдающую Германию — эту златокудрую девушку с голубыми глазами. И тогда на немецкой земле утвердятся правда и справедливость, изобилие и всеобщее счастье. Легенда рассказана доверительным тоном старушки няни, и ее слушатель, наивный мальчик, горячо принимает на веру каждое слово. Но уже в следующей главе легенда дана в оценке умудренного жизнью человека. В современной Пруссии легенда о Барбароссе не просто сказка, рассчитанная на пылкое детское воображение. Имя рыжебородого императора взяли на вооружение реставраторы феодальной старины, закоренелые националисты. И поэт развенчивает легенду язвительной насмешкой и злым сарказмом. Нелепым и отсталым выглядит император-старикашка, ожидающий своей великой миссии. Давным-давно он уже не знает, что творится в мире. И когда он вдруг узнает о гильотине — этом орудии казни коронованных особ, гнев Барбароссы не знает пределов:

И кайзер едруг закричал: «Не смей
Расписывать тут гильотину!
Нашел бабагу! Не дай мне господь
И видеть такую машину!
Какъ позор! Привязать к доске
Короля с королевой! Да это
Прямая пощечина королю.
Где правила этикета?»

(Перевод В. Левика)

Фридрих Барбаросса — это до предела исчерпавшее себя прошлое, ужасное в своей косности и реакционности:

«Герр Ротбарт! — крикнул я. — Жалкий миф!
Сиди в своей старой яме!
А мы без тебя уж, своим умом,
Сумеем управиться сами!..
Сиди же лучше в своей дыре.
Твоя забота — Кифгайзер.
А мы... если трезво на вещи смотреть:
На кой нам дьявол кайзер?»

(Перевод В. Левика)

Казалось бы, с прошлым навсегда покончено. Но в XVII главе поэт создает парадоксальную ситуацию. Возвращение к прусской действительности столь страшно, что он спешит сказанное взять обратно:

Прости мне, о Ротбарт, горячность мою,
Я знаю: ты умный, ты мудрый,
А я необузданный, глупый драчун.
Приди, король рыжекудрый!

(Перевод В. Левика)

Пусть лучше вернется «смрадная гниль средневековья»,
только не нынешняя Пруссия:

Это шгиглетное рыцарство,
Мешанина с нелепой прикрасой, —
Готический бред и новейшая ложь,
А вместе — ни рыба, ни мясо.

(Перевод В. Левика)

Жутко-гнетущая атмосфера Пруссии, где нет места живому и истинному, впечатляюще передана в следующей, XVIII главе. Поэт прибывает в Минден — прусскую крепость и, оказавшись за ее воротами, чувствует себя Одиссеем, заключенным в пещеру страшного циклопа. В гостинице грязная кисть на поблекшем, затканном золотом балдахине кажется дамокловым мечом. Кошмары неотступно преследуют героя, и он мнит себя Прометеем, прикованным цепями к черной отвесной скале, которому коршун, дьявольски похожий на прусского орла, выклебывает его печень. А у постели — зловещие призраки: в саванах — жандармы, и, наконец, как в народных сказаниях, крик петуха, возвещающий утро и прекращающий неотвязный бред. Так в условно-мифологизированной форме передан угрожающе страшный мир военно-полицейской Пруссии. Но, к счастью, позади и страшный Минден. И вновь мелькают верстовые столбы, одна граница сменяет другую, и ничтожность феодальных устоев Германии воочию заявляет о себе. Княжество Шамбург-Липпе так велико, что половину его можно унести на подошвах, король Ганновера настолько обременен государственными делами, что долгими днями, изнывая от скуки, вот-вот наложит на себя руки... А коляска катится все дальше и дальше. И вот уже вольный город Гамбург, столица торговцев и банкиров.

Рассказ о Германии буржуазной Гейне начинает, казалось бы, отстраненно от мира большой политики. После долгой, тринадцатилетней разлуки поэт наконец в

доме матери. Охотно поручает он себя заботливым хлопотам старушки, предается уюту и покою и шутливо отводит какой-либо серьезный разговор. Затем прогулка по улицам города, с которым так много связано в прошлом. И мелькание, мелькание частных лиц. Молодящаяся старуха Гудель, златовласый продавец бумаги; как всегда взволнованно спешащий, старый слезливый цензор. Как много подобных лиц, казалось бы и необязательных в поэме такого масштаба! Но эти лица и мельчайшие детали, с ними связанные, создают достоверную картину Гамбурга. Вместе с тем они как бы исподволь готовят читателя к символическому образу — богине города — женщине-великанше по имени Гаммония. Вульгарная и развязная, приземленно-пошлая в своих желаниях, она олицетворяет буржуазный мир. Увлекая поэта в свой дом, Гаммония обещает ему показать будущее, построенное на буржуазный манер. И это будущее ужасно и отвратительно. Потрясенный увиденным, поэт лишается чувств:

И вдруг! О, что за дух пошел!
Как будто в сток воюющий
Из тридцати шести клоак
Навоз валяли кучей.

(Перевод В. Левика)

Но гнетуще-угрожающая атмосфера буржуазной Германии снимается в последней главе поэмы. Мужественно и твердо выражает поэт свою несокрушимую веру в неизменную победу лучших начал жизни. Иное будущее — прекрасное и гуманное — ожидает человечество, по мнению Гейне. И в борьбе за него особая роль принадлежит поэтическому слову. Поэзия как боевое оружие имеет свою давнюю и славную традицию. Гейне называет лишь два имени: древнегреческого комедиографа Аристофана, мастера разоблачающего смеха, и бескомпромиссного Данте, сурово карающего зло. Громкий смех Аристофана и гневный пафос Данте звучат в поэме в единстве. Так поэт подтверждает свою верность лучшим традициям мировой поэзии:

Ты знаешь грозный Дантов ад,
Звонящие гневом терцины?
Того, кто поэтом на казнь обречен,
И бог не спасет из пучины.
Над буйно поющим пламенем строф
Не властен никто во вселенной.

Так берегись! Иль в огонь мы тебя
Низвергнем рукой дерзновенной.

(Перевод В. Левика)

Поэма «Германия. Зимняя сказка» умножила поэтическую славу Гейне. Пламенное слово немецкого поэта во всей полноте выразило помыслы и чаяния демократически настроенной части европейского общества. В России сатирическая поэма Гейне долгие годы находилась под строгим запретом. Правда, в 1861 и 1863 годах она публиковалась на русском, но в переводах урезанных и намеренно искажающих ее смысл. Первый полный русский перевод поэмы появился в 1875 году, причем самое прямое отношение к нему имел великий русский писатель И. С. Тургенев. Вместе с автором перевода, беллетристом В. М. Михайловым, Тургенев «два раза... прошел всю поэму от стиха до стиха, сверяя ее с подлинником». Много усилий приложил Тургенев, чтобы опубликовать этот перевод в России. И когда добиться этого не удалось, поэма вышла в заграничном бесцензурном издании. Интересно, что если переводчик благоразумно скрылся под псевдонимом, то об отношении Тургенева к книге было сказано на ее титуле определенно и ясно: «Перевод Заезжего, просмотренный И. С. Тургеневым и исправленный по его замечаниям». И открывалась книга проникновенным и взволнованным словом русского писателя о Гейне.

Гейне находился в расцвете своих творческих сил, когда его личная жизнь вновь вступила в трудную и горькую пору. В декабре 1844 года в возрасте семидесяти лет умер неласковый благодетель поэта банкир Соломон Гейне. С ним и его детьми — Амалией, Терезой, Карлом — накрепко были связаны многие страницы жизни Гейне. Отношения поэта с его гамбургской родней никогда не были ровными и искренними. За материальную помощь, которую оказывал поэту банкир, приходилось платить дорогой ценой обид и унижений. Правда, последние встречи с дядей, происшедшие в Гамбурге за несколько месяцев до его смерти, казалось, обнадеживали. Соломон Гейне был дружески настроен и готов был в своем завещании справедливо отнестись к племяннику. Но, как всегда, это была только видимость. Оставив после себя колоссальное, многомиллионное состояние, Соломон Гейне завещал поэту смехотворно ничтожную сумму. О ежегодной пенсии, которая составляла суще-

ственную часть бюджета Гейне, в завещании не говорилось ни слова. Последнее «благодеение» дяди поставило больного поэта в труднейшее положение. Уже в ближайшем будущем он мог оказаться без твердых средств к существованию. Что касается литературных трудов, то они обогащали в основном лишь издателя — Ю. Кампе. Гонорары не покрывали и части расходов, которые так возросли в связи с болезнью поэта. Поэтому Гейне пришлось начать многолетнюю, изнуряющую «войну» с гамбургскими родственниками. Она потребовала от поэта предельного напряжения сил и решительно подорвала его здоровье. Лишь в начале 1847 года было достигнуто нелегкое примирение с гамбургскими родственниками. Наследник Соломона Карл обещал возобновить пенсию, потребовав за это у Гейне ничего не писать о гамбургской родне и родственниках жены, парижских банкирах. Поэт вынужден был принять это условие, хотя тем самым выносил смертный приговор любимому детищу — «Мемуарам». В прежнем виде книгу теперь нельзя было печатать, на коренную переделку огромного произведения просто не было сил. После 1848 года Гейне собственноручно уничтожил значительную часть «Мемуаров». Лишь в последние годы жизни он вновь вернулся к работе над ними. После смерти поэта, вероятнее всего, его брат Максимилиан, заботясь о репутации семьи, уничтожил большую часть рукописи.

Год 1845 принес Гейне нелегкую разлуку: по грозному требованию прусского правительства Карл Маркс, признанный политически неблагонадежным, был выслан из Парижа. Покидая французскую столицу, Маркс писал поэту в своем дружески-теплом и немного грустном письме: «Из всех людей, с которыми мне здесь приходится расставаться, разлука с Гейне для меня тяжелее всего. Мне очень хотелось бы взять Вас с собой»¹. В самое ближайшее время Маркс предполагал принять участие в издании бесцензурного журнала «Рейнские ежегодники» и приглашал в нем сотрудничать Гейне. Спустя месяц К. Маркс повторил свою просьбу: «Пютман из Кёльна поручил мне попросить Вас прислать все же несколько стихотворений (может быть, также и Ваш «Германский флот» для ежегодника, выходящего в Дармштадте *без цензуры*)»². Однако больной поэт не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 387.

² Там же.

смог откликнуться на это предложение: в 1845 году он переживал тяжелый творческий кризис. В два последующих года работоспособность Гейне несколько возросла: была завершена доработка поэмы «Атта Троль», и в январе 1847 года Кампе выпустил ее отдельной книгой. Все чаще на бумагу просились стихи. Были среди них и поэтические шедевры: «Азр», «Маленький народец», «Валькирии», которые и положили начало последней крупной поэтической книги Гейне — «Романсеро».

Неожиданное знакомство с Бенджаменом Лемлей, директором лондонского театра королевы, заставило Гейне активно приняться за выполнение двух срочных заказов — пантомимы «Богиня Диана» и танцевальной поэмы «Доктор Фауст». Лемлей, однако, балетных спектаклей по сценариям не поставил, и они так и остались произведениями, адресованными читателю. Когда несколько позже был написан прозаический фрагмент «Боги в изгнании» (1853), сложилась своеобразная трилогия. Основанная на мифологическом материале — античном и немецком, она была всем своим смыслом обращена к живой современности. Идейным началом трех маленьких шедевров Гейне были «Духи стихий» (1835). В «Духах стихий» Гейне писал: «Вопрос стоял, кому властвовать в этом мире — мрачному, тощему, враждебному плоти, сверхдуховному пудаизму назареев, или эллинской веселости, любви к красоте и цветущей жизнерадостности». Затем в «Письмах о Германии» эта мысль получит четкую социально-политическую конкретизацию: «Массы не хотят более с христианским терпением нести тяготы земной юдоли, они жаждут блаженства на земле».

«Богиня Диана» создавалась накануне революционного 1848 года, в пору оптимистических надежд и высокого подъема общественного самосознания; «Боги в изгнании» писались в начале 50-х годов, в период глухой реакции и общественного затишья. Современность на ее разных этапах была осмыслена поэтом через систему мифологической образности. «Богам в изгнании» присуща трагическая тональность. Языческие боги Олимпа не просто побеждены и изгнаны победой Христа. Они болезненно заражены, нравственно ранены; их радостная устремленность к жизни запретна, естественное, земное таится. Человеческое, прежде свободное, ясное в своей естественности, предстает теперь в холодно-ужасающем

лицемерном обличье. Но поэт не остановился на этом выводе. Глубоко символично, что «Боги в изгнании» заключает написанная в 1846 году «Богиня Диана», мажорная пантомима, в которой раскованная языческая вольность, вторгаясь в спиритуалистическое средневековье, победно отменяет его, уверенно утверждая свои права. Миф о Диане Гейне связал с народными представлениями об античной богине как защитнице плебеев и рабов, богине деторождения, обновления жизни. Немецкий рыцарь, оказавшийся в плену средневековья и даже убитый средневековьем, возрождается к новой жизни, ему даруется венок Тангейзера. «Богиня Диана» продолжает «Германию», «Современные стихотворения» с той лишь разницей, что вера в победу лучших начал жизни выражена здесь в формах мифологизированной утопии. В духе все той же реабилитации земных человеческих установлений Гейне истолковал и легенду о докторе Фаусте, специально отметив в своем «Объяснении» к танцевальной поэме, что «подлинной идеей сказания о Фаусте был бунт реалистической, сенсуалистической жажды жизни против спиритуалистической древнекатолической аскезы».

Болезнь поэта тем временем все прогрессировала. Резко ухудшилось зрение, паралич лица настолько затруднял речь, что, проводя долгие вечера с женой у камина, Гейне не мог произнести и слова. Мучительные приступы боли не раз заканчивались обмороками. Парижские врачи были бессильны облегчить страдания поэта, и ему все настойчивее советовали обратиться к известному берлинскому хирургу Диффенбаху. Но путь в Пруссию автору «Современных стихотворений» был навсегда закрыт. Хлопотать за поэта отправился в Берлин его молодой друг Фердинанд Лассаль. Человек удивительной силы воли, Лассаль привлек к себе в союзники многих авторитетных лиц. Был среди них и знаменитый натуралист Александр Гумбольдт, пользовавшийся при прусском дворе немалым влиянием. Но все оказалось напрасно. Прусская полиция недвусмысленно уведомила, что Гейне, над которым «тяготееют обвинения в оскорблении величества и в подстрекательстве к возмущению», будет немедленно арестован, если только осмелится вступить на прусскую территорию. Сохраняя и в эти трудные дни присутствие духа, Гейне писал матери с неизменным юмором: «Врачей я к себе больше подпу-

скать не желаю. У всех, кто умер этой зимой, были врачи». Ф. Энгельс, который посетил Гейне в сентябре 1846 года, писал К. Марксу: «Бедняга в ужасном состоянии. Он исхудал и похож на скелет... Сграшно мучительно наблюдать, как такой славный малый постепенно умирает»¹. К. Маркс также не забывал о Гейне, интересовался его здоровьем и, когда представлял я случай, старался ободрить поэта. В апреле 1846 года Маркс переслал Гейне записку, в которой выражал свою солидарность с идеями книги «Людвиг Берне»: «В одном из немецких журналов я дам подробный разбор Вашей книги о Берне. Вряд ли в какой-либо период истории литературы какая-нибудь книга встречала более тупоумный прием, чем тот, какой оказали Вашей книге христианско-германские ослы, а между тем ни в какой исторический период в Германии не ощущалось недостатка в тупоумии»². В следующем году Ф. Энгельс вновь посетил Гейне, передав ему самые добрые пожелания от К. Маркса. Встреча поэта с Ф. Энгельсом произошла в ноябре, в канун революционного 1848 года. На пороге был новый этап европейской истории. Впереди был и самый драматичный и горький период в жизни поэта.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ. ПОЭТ ОСТАЕТСЯ В СТРОЮ

*Как часовой, на рубеже свободы
Лицом к врагу стоял я тридцать лет.
Я знал, что здесь мои промчатся годы,
И я не ждал ни славы ни побед...*

*Свободен пост! Мое слабеет тело...
Один упал — другой сменил бойца!
Я не сдаюсь! Еще оружие цело,
И только жизнь иссякла до конца.*

(Перевод В. Левика)

В жизни стран Западной Европы год 1848 был отмечен революционными событиями. Первыми восстали жители Сицилии, затем появились баррикады на улицах

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 44.

² Там же, с. 393.

Вены и Берлина, Будапешта и Милана. Революционный пожар ярко запылал в Германии и Австрии, Бельгии и Швейцарии, Чехии и Польше...

Во Франции революция началась 22 февраля. Натиск революционных масс был столь силен, что уже на второй день в руках восставших находились все ключевые позиции в Париже. Король Луи Филипп в извозчикьей коляске тайно бежал из столицы. Но свершившим революцию не суждено было воспользоваться ее плодами. Избранное в конце апреля учредительное собрание откровенно отстаивало интересы буржуазии. Положение трудящихся Парижа с каждым днем все ухудшалось. А буржуазия, чувствуя свою силу, решила спровоцировать рабочих на выступление. С этой целью национальные мастерские, организованные сразу после февральской революции, чтобы занять огромную армию безработных, были ликвидированы. К. Маркс писал: «У рабочих не было выбора: они должны были или умереть с голоду или начать борьбу. Они ответили 22 июня грандиозным восстанием — первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение *буржуазного строя*»¹. Выступление рабочих было жесточайше подавлено. Около 11 тысяч убито, 25 тысяч арестовано, часть из них без суда и следствия отправлена на каторгу и в ссылку. Уже не таясь, буржуазия демонстрировала свою контрреволюционную суть.

Революционный 1848 год Гейне встретил смертельно больным. Несколько месяцев он провел в больнице, но улучшения не наступило. Паралич прогрессировал, передвигаться становилось все трудней и трудней, изнуряющие головные боли чередовались обмороками и нервными припадками. По собственному признанию, поэт вышел из дома последний раз в мае 1848 года. Его путь лежал в национальный музей Франции: «Лишь с трудом удалось мне дотрестись до Лувра, я чуть не упал от слабости, войдя в благородный зал, где стоит на своем постаменте вечно благословенная богиня красоты, наша мать божья из Милоса. Я долго лежал у ее ног и плакал так горестно, что слезами моими тронулся бы даже камень. И богиня глядела на меня с высоты сочувственно, но так безнадежно, как будто хотела ска-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 29.

вать: «Разве ты не видишь, что у меня нет рук и я не могу тебе помочь». Отныне болезнь вступила в такую стадию, когда мучительным было любое движение, даже легкое прикосновение. Поэт оказался обреченным на полную неподвижность. Пришлось подумать об особом устройстве постели, которую Гейне с горькой иронией называл «матрачной могилой». К середине 1848 года порою поэт собственноручно даже не мог написать письмо родным. Прошел год, второй. Улучшения не было. Другу Лаубе Гейне сообщал: «Двадцать месяцев я лежу в постели с параличом всех членов, днем и ночью извиваясь в ужаснейших болях. Постоянные конвульсии, чудовищные судороги, почти полная слепота — бедствия, редко встречающиеся в анналах человеческого страдания, неслыханное, страшное, безумное бедствие!» Но болезнь не погасила у Гейне неизменного, страстного всепоглощающего интереса к жизни. В том же 1850 году, когда было написано письмо к Лаубе, Гейне с твердой убежденностью говорил одному из своих собеседников: «Самое жалкое земное существование кажется мне завиднее и куда предпочтительнее небесных радостей». И теперь поэт хотел оставаться в строю. Внимательно следил он за событиями во Франции и особенно в Германии. Не прерывалась его связь с К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые в это время находились в самой гуще революционных событий. В Кёльне, одном из промышленно развитых центров Германии, Маркс и Энгельс с апреля 1848 года активно занимались политической организацией революционных сил и подготовкой к изданию «Новой Рейнской газеты». Этот боевой орган передовой демократии и пролетариата был рассчитан на самые широкие массы читателей. Страницы газеты стали летописью революционных событий этих лет. Принять участие в боевом печатном органе К. Маркс попросил и Гейне, который ответил на это согласием. И хотя болезнь помешала выполнить данное обещание, голос Генриха Гейне часто звучал со страниц «Новой Рейнской газеты»: цитаты из «Современных стихотворений», поэмы «Германия. Зимняя сказка» К. Маркс и Ф. Энгельс использовали в своих статьях.

После закрытия «Новой Рейнской газеты» К. Маркс приехал в Париж и несколько раз навещался к больному поэту. К. Маркс неизменно относился к Гейне с теплым чувством. Он хорошо понимал идейные колеба-

ния поэта, который так и не смог стать на сторону пролетариата, и сумел простить Гейне даже те ошибки, которые затрагивали его самого. Так, в 1848 году стало известно, что Гейне, как и некоторые другие эмигранты, получал пенсию от правительства Луи Филиппа. Даже если учесть, что поэт всегда был очень стеснен в деньгах и, принимая пенсию, избавлял себя от материальной нужды, поступок этот не украшал его. Естественно, не мог он вызвать одобрения у Маркса. Для многочисленных же врагов Гейне вновь представился повод, чтобы развязать очередную громкую кампанию травли. Защищаясь от нападок, Гейне утверждал, что его поддерживали в этом деле многие соотечественники, «в том числе самый решительный и умный среди других, доктор Маркс». И хотя это было не так, Маркс публично не оспорил Гейне, ограничившись оценкой его поступка в личном письме к Энгельсу¹.

Творчество и личность Гейне всегда глубоко интересовали Маркса, и он не раз возвращался к мысли специально написать о поэте, которого называл в «Капитале» своим другом². Но титаническая занятость К. Маркса не позволила ему осуществить задуманное. В эти годы благодаря К. Марксу Гейне познакомился с первым немецким пролетарским поэтом Георгом Веертом. Человек бесконечно преданный революционным идеалам, Веерт был ближайшим сотрудником К. Маркса по работе в Союзе коммунистов и «Новой Рейнской газете». Разносторонне одаренный поэт и прозаик, Веерт особенно проявил себя как мастер политической поэзии и блестящей сатирической прозы. Общение с Веертом доставляло Гейне истинную радость. Они переписывались друг с другом, а будучи в Париже, Веерт навещал Гейне. «Чудный, исключительно талантливый и в высшей степени славный и порядочный человек», — писал о Веерте Гейне. Так приходили в жизнь поэта новые люди, но неумолимое время уносило старых друзей. В августе 1850 года умер один из крупнейших современных писателей Франции Оноре Бальзак. Гейне любил книги Бальзака и был одним из тех читателей, кто в полной мере сумел оценить силу реалистического искусства автора «Человеческой комедии». Скупой на комплименты, Гейне называл Бальзака «выдающимся умом», «худож-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 351.

² Там же, т. 23, с. 624.

ником-творцом», сумевшим «с величайшей верностью» постигнуть суть явлений действительности. Гейне познакомился с Бальзаком вскоре после приезда в Париж, и все последующие годы писателей связывали дружба и взаимопонимание. Смерть Бальзака явилась для Гейне горькой утратой: «Моего друга Бальзака я потерял и оплакал... Я теряю друзей одного за другим, и на примере тех, которые остаются, подтверждается старая пословица: «Друзья в горе, что капля в море».

Обостренное чувство одиночества, оторванность от активной жизни мучительно преследовали поэта, хотя в первые годы «матрачной могилы» у него нередко бывали друзья, знакомые, родные. Несколько раз навестили Гейне К. Маркс и Ф. Энгельс. Были среди посетителей философ Фихте, композиторы Мейербер и Берлиоз, поэты Нерваль и Мейснер, издатель Ю. Кампе, брат Густав с женой и многие другие. И всегда были рядом верные друзья — книги. Заинтересованно следил Гейне за всем новым в современной литературе. Его поразили и увлек в эти годы мир поэзии венгерского революционного демократа Ш. Петефи. Пламенный патриот, Петефи погиб еще совсем молодым в 1849 году, сражаясь в рядах повстанческих сил за свободу родины. Гейне увидел в Петефи национального поэта европейского масштаба, равного по силе таланта Бернсу в Англии и Беранже во Франции. В стихах Петефи Гейне привлекали «простота и здоровье», качества столь редкие в век «болезненной утонченности и рефлексии». В современной английской литературе Гейне интересовал Диккенс, в русской — Гоголь¹. И, как всегда, не расставался Гейне с книгами Гёте.

В первые годы «матрачной могилы» Гейне почти ничего не опубликовал. Но и теперь у него было много творческих замыслов. Все настойчивее поэт призывал Кампе приняться наконец за выпуск полного собрания сочинений. Гейне давно детально продумывал план всего издания, он готов был взять на себя редактуру. Но Кампе медлил и выжидал. Обратиться к другому лицу было невозможно — Кампе давно владел правами на все сочинения Гейне. Бесконечно утомленный странной по-

¹ В июле 1850 года в письме к родным Гейне просил прислать ему два тома Н. Гоголя в переводе на немецкий. Речь шла о «Мертвых душах» и сборнике «Русские новеллы», в котором содержались «Вий», «Коляска», «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего».

зицией издателя, поэт писал ему однажды: «Кажется, вы хотите дожидаться моей смерти, чтобы использовать ее в качестве рекламы для собрания сочинений, — иначе я не могу объяснить себе вашу равнодушную медлительность. Не беспокойтесь, этой рекламы долго ждать не придется». Поэт оказался прав. Кампе приступил к изданию сочинений Гейне в 1861—1863 годы.

Активные меры предпринимал Гейне, чтобы дать сценическую жизнь «Ратклифу» или «Доктору Фаусту». Однако осуществить это не удалось, как и написать задуманную книгу о современной немецкой литературе. Замыслов было много в эти годы, но как скупой болезнь отмеряла поэту время для работы! В недолгие часы и минуты, когда боль ненадолго отступала, Гейне самозабвенно отдавался творчеству. В бессонные ночи этих тревожных и горьких лет рождалась книга, которой было суждено умножить поэтическую славу поэта. Книга эта получила название «Романсеро». В далеком средневековье так назывались сборники испанских народных песен, воспевавших героическую борьбу за освобождение родины. Главный пафос книги Гейне тот же — не оставлять борьбу, не сдаваться, подвижнически, до последнего вздоха отстаивать правое дело. И не только содержанием своих стихов, но и личным примером поэт доказывал эту мысль. Обреченный на полную неподвижность, полуслепой, в промежутках между страшными приступами боли поэт создавал одну из самых значительных поэтических книг века. Секретарь Гейне вспоминал: «Слух поэта был уже ослаблен, глаза — закрыты, и с трудом мог он тощим пальцем приподнять отяжелевшие веки, чтобы разглядеть что-нибудь... Он не мог выносить малейшего шума. Его страдания были так сильны, что для того, чтобы добиться хоть небольшой передышки, хотя бы четырехчасового сна, ему приходилось принимать морфий в трех различных видах. В эти бессонные ночи он создал свои чудесные песни. Он мне продиктовал весь «Романсеро». Стихотворение обычно бывало готово к утру». Когда секретаря не было, писал сам, выводя мягким карандашом крупные буквы на больших листах бумаги. С необычным тщанием отделявал Гейне каждую строчку, проверял ее на слух, бесконечно исправлял написанное. Внимательно вчитываясь в корректуру, он обращал внимание на все: характер шрифта, особенность верстки, величину пробелов между строч-

ками. А потом, когда книга наконец вышла в свет, позволил себе признаться: «Мне непонятно, как мог я, находясь в таком тяжелом положении, написать «Романсеро»».

Как и «Современные стихотворения», «Романсеро» — актуальная книга, отразившая боренья и тревоги революционных 40-х годов. Но если первый сборник — боевое и оптимистическое начало, то второй — горькое подведение итогов. Колорит «Романсеро» определяют стихи, написанные в пору общественного спада и победной вакханалии контрреволюционных сил, в пору глубокой личной трагедии поэта, обреченного на медленное умирание в «матрацной могиле». Поэтому неотделимо в книге личное и общее, интимное и гражданское. Поэтому и тон ее горький и скорбный, но в то же время мужественный и призывный.

«Романсеро» — художественное полотно, целостное и законченное, при всей своеобычности каждого из трех составляющих книгу циклов. В первом цикле — «Истории» преобладает повествовательная лирика — баллада и стихотворная новелла. Здесь предстает история всех эпох и народов. Древний Египет и средневековый Иран; Мексика времен колонизации и современный Париж; Германия, Испания, Англия, Палестина. В другом цикле — «Ламентации» громче звучит лирический голос поэта. Гейне вспоминает о прошлом, возвращается к темам прежних стихотворений, пытается разобраться в личной духовной драме. Последний цикл — «Еврейские мелодии» возвращает повествование в эпическое русло. «Романсеро» открывает горько-ироническая история «Рампсенит». Дерзкий вор и мошенник наследует египетский трон короля. И теперь уже мастер плутовства насаждает порядок и искореняет кражи. Другая история — «Шельм фон Берген» переносит нас на шумный карнавал в средневековом замке. Скрыв лицо под маской, палач танцует с герцогиней. Неожиданно это раскрылось. И герцог, спасая свою честь, тут же дарует палачу дворянский титул. Так начинается генеалогия еще одного феодального рода.

В мире торжествуют худшие — этот горький итог книги отчетливо слышен в «Валькириях».

На земле — война... А в тучах
Три валькирии летучих
День и ночь поют над ней,
Взмылив облачных коней:

«Власти — спорят, люди — страждут,
Короли господства жаждут.
Власть — как превысшее из благ.
Добродетель — в звоне шпага.

Гей, несчастные, поверьте:
Не спасет броня от смерти;
Пал герой, глаза смежив,
Лучший — мертв, а худший — жив...»

(Перевод Л. Гинзбурга)

В «Романсеро» Гейне очель зорок к темным и страшным явлениям жизни. Мельчают люди, фатально погружаясь в трясину быта, и уже непонятно: люди это или мыши («Маленький народец»). В изгнании находятся музы, и величайший поэт, обманутый владыкой, получает вознаграждение только после смерти («Поэт Фирдуси»). Наделенный всеильной властью, царь остается мстительным и кроваво-жестоким даже в свой предсмертный час («Царь Давид»). Прошрое в стихах «Романсеро» не отстранено от настоящего. История давняя передает тревоги и боль сегодняшнего дня. Трагедия современности вписана в драму всемирной истории. Гейне пишет о разгроме революций в Европе, о зловещей тишине, установившейся в мире, о том, что

Перед властью грубых, темных сил
Обречены падению герои.

(Перевод В. Левика)

И теперь в Европе свирепствуют трибуналы, и не найти отдохновения в Америке, этом «гигантском хлеве свободы», и страшен кнут самодержавной России:

Грустно на небо смотрю,
Вижу звездный рой несметный,
Но нигде не нахожу
Я звезды своей заветной.

В лабиринте золотом,
В мире звездного смятенья,
Заблудилась, как поэт
Средь земного треволненья.

(Перевод Л. Гинзбурга)

В Ветхом завете Гейне привлекло сказание об израильтянах, предавших своего прежнего бога и сотворивших себе нового. Собрав золото и украшения, израильтяне отлили фигуру золотого тельца, затем, совершив жертвоприношения, испуганно, впадая в экстаз, поклонялись новому кумиру. Эта сцена, выхваченная из биб-

лейского сказания, стала основой стихотворения, в котором ярко передан алчный буржуазный мир, больной золотой лихорадкой. Дикий, неистовый, безумный танец не знает начала и конца, кажется, ему продолжаться бесконечно. И уже никакая сила над ним не властна:

Скрипки, систры, бубнов лязги.
Дщери Иаковлевы в пляске —
Вкруг золотого истукана,
Вкруг тельца ликуют. Срам!
Трам-трам-трам!..
Клики, хохот, звон тимпана...

(Перевод Л. Пеньковского)

Смысл стихотворения Г. Гейне прямо перекликается с тем, что писал К. Маркс в одной из своих ранних работ «К еврейскому вопросу»: «Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар... Деньги — это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей»¹. Сила зла, утвердившегося в мире, осознана поэтом и глубоко лично. Стихотворение «Госпожа Забота» — горестная исповедь человека, переживающего трагедию обманутого доверия. В лучшие годы героя окружали друзья, по-братски они делили блюда за его столом и деньги из его кошелька. Но пришли черные дни — и разлетелись друзья. Неверные и легкомысленные, они воплощены в образе беззаботно пляшущего, а затем легко упорхнувшего комариного роя. И теперь у постели героя скрипит лишь старуха Забота. Жестокый эгоизм, холодно-расчетливое отношение человека к человеку, преступное пренебрежение высокими гуманистическими принципами — таков ужасающий лик мира. К стихотворениям этого типа примыкает лирическая миниатюра «Мифология», повествующая о любовных похождениях громовержца Зевса. У всех женщин, доверившихся всемогущему богу, есть оправдание. И только Леда, пленившаяся красотой прекрасного лебедя, под видом которого явился ей Зевс, никем до сих пор не понята. Все прощается в этом мире, только не искренний порыв чувства, не бескорыстное преклонение перед красотой.

«Романсеро» — мужественная книга. Поэт не только скорбит и печалится. Он бичует и разоблачает. Жестокое время не отняло у него веру в человека, не пога-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 410.

сило надежды на непременную победу добра и правды в мире. Поэтому в «Романсеро» есть истории, в которых жизнь и любовь торжествуют над смертью, герой остается верен высоким идеалам человечности, тиранов настигает возмездие. Стихи «Романсеро» — поэзия высокого земного смысла. И хотя Гейне в годы создания книги не раз говорил о своем отходе «от учения безбожников», религиозные искания не затронули существа его творчества. Антирелигиозный пафос пронизывает «Романсеро». Этот пафос особенно высок в поэтической подборке «Лазарь». Ее запевом является двухстрочное стихотворение, знаменательно названное «Закон жизни». В нем поэт гневно обрушивается на освященный христианством принцип неравенства:

Если много у тебя,
Станет больше — так ведется,
Если мало, то отдать
Даже малое придется.

Если же ты вовсе нищ,
Смерть помочь тебе сумеет:
Жить имеет право тот,
Кто хоть чем-нибудь владеет.

(Перевод Л. Пеньковского)

Вслед за этим в стихотворениях «Смирненное предостережение» и «Воскрешение из мертвых» осмеивается суд небесный, а в поэтической миниатюре «Духовная» — религиозные ритуалы. Язычески-земное звучание «Лазарю» придает стихотворение «Соломон», основанное на фабуле откровенно чувственной «Песни песней», принадлежность которой к библейским текстам не раз подвергалась сомнению. Обнажая и заостряя мирское начало этого сказания, Гейне славит великую силу земной любви.

Венчает книгу в целом стихотворение «Диспут». Поэт рисует яркую сцену из времен позднего средневековья. При дворе испанского короля Педро Жестокоего устроен диспут. Монах и раввин тщетно пытаются доказать превосходство своей религии. Нудное словопреение не знает конца. Утомлены слушатели, устал и король, который просит королеву донну Бланку подвести итог. И выражая мнение всех, Бланка шутливо, но очень точно определяет суть происходящего:

Ничего не поняла
Я ни в той, ни в этой вере,

Но мне кажется, что оба
Портят воздух в равной мере.

(Перевод И. Мандельштама)

В «Романсеро» Гейне поэтически передал трагедию личную и общественную. Лирический герой этой книги, мужественный и непобежденный боец, смертельно раненный в жизненной схватке. Он готов противостоять злу до последнего дыхания, оставаясь часовым на посту за дело свободы, хотя остро и больно осознает свое одиночество:

Как часовой, на рубеже свободы
Лицом к врагу стоял я тридцать лет,
Я знал, что здесь мои промчатся годы,
И я не ждал ни славы, ни побед.

Пока друзья храпели беззаботно,
Я бодрствовал, глаза вперив во мрак.
(В иные дни прилег бы сам охотно,
Но спать не мог под храп лихих вояк.)

Порой от страха сердце холодило
(Ничто не страшно только дураку!) —
Для бодрости высовывал я смело
Сатиры злой звенящую строку.

Ружье в руке, всегда на страже ухо, —
Кто б ни был враг — ему один конец!
Вогнал я многим в мерзостное брюхо
Мой раскаленный, мстительный свинец.

Но что таить! И враг стрелял порою
Без промаха, — забыл я ранам счет.
Теперь — увы! Я все равно не скрою —
Слабеет тело, кровь моя течет.

Свободен пост! Мое слабеет тело...
Один упал — другой сменил бойца!
Я не сдаюсь! Еще оружие цело,
И только жизнь иссякла до конца.

(Перевод В. Левика)

Новая книга Гейне «Романсеро» имела успех неслыханный. В октябре 1851 года вышло первое издание книги, в ноябре — второе, в декабре — третье и четвертое. В спешном порядке один из самых популярных журналов Парижа напечатал в переводе на французский большую подборку стихотворений из «Романсеро». Рецензии появлялись одна за другой. Но не дремали и власти. Как всегда, поэтическое слово Гейне было строго запрещено в Пруссии. Последовали запреты в Баварии,

Австрии, России. Имя поэта вновь было в центре внимания европейского читателя. Но теперь это уже мало отражалось на личной судьбе Гейне. Измученный болезнью, он продолжал бороться с недугом, почти забытый в своей неуютной парижской квартире. Писатель А. Мейснер вспоминал: «Одиночество поэта вновь возросло, он сам чувствовал, что агония тянется слишком долго и драгоценное сочувствие современников с течением времени испаряется. Прежние французские друзья часто не появлялись по полгода. Кому же в Париже, этом городе радости, хочется думать об одре болезни, входить в комнату со спертым воздухом, смотреть на эти муки?.. Когда однажды Гейне доложили о приходе Берлиоза, несчастный воскликнул, поспешно выпрямившись: «Что? Кто-то пришел ко мне? Берлиоз всегда был оригиналом!». Среди тех немногих, кто посетил поэта в эти годы, была и английская писательница и переводчица Люси Дуфф-Гордон. Она писала: «Он лежал на груде матрацев, тело его так высохло, что под одеялом он казался маленьким ребенком; глаза были закрыты, а лицо было таким болезненным, таким изнуренным, какие можно увидеть лишь в изображениях ессе *homo* (вот человек. — Г. С.) какого-нибудь старонемецкого художника. Голос его звучал совсем тихо, но меня удивила живость, с которой он говорил, — видимо, дух его полностью торжествовал над телом».

Полнее всего о торжестве духа поэта свидетельствовало его творчество. «Романсеро» еще печаталось, а Гейне, со свойственной ему страстью, уже весь был поглощен новыми замыслами. Среди них важное место занимала поэма с загадочно-манящим названием «Бимини». Зерном ее фабулы стало доподлинное событие, относящееся ко временам великих открытий Христофора Колумба. В начале XVI века испанский мореход Хуан Понсе де Леон отправился на розыски чудесного острова Бимини, на котором, по легенде, находился источник, дарующий людям молодость. Вернувшись из своих странствий ни с чем, неутомимый мечтатель поручил одному из своих соотечественников продолжить эти поиски. Трогательно-наивная история из давних времен позволила поэту вновь обратиться к поэтическому осмыслению трагических контрастов земного бытия.

Прекрасен и высок вечный порыв человека к неведомому. И вот победа! Открыт Новый Свет!

Как-то раз лазурным утром
В океане весь цветущий,
Как морское чудо, вырос
Небывалый новый мир, —
Новый мир, в котором столько
Новых птиц, людей, растений,
Новых рыб, зверей и гадов,
Новых мировых болезней!

(Перевод В. Левика)

Последняя строчка четверостишия неожиданно резко намекает на будущую трагедию. Болезни Старого Света — эгоизм и жестокость, коварство и корыстолюбие — несут гибель первозданной природе и уникальной цивилизации Нового Света:

Как под сгненною бурей,
Кровь людей огнем бурлила,
Клокотала дикой жаждой
Золота и наслаждений.
Стало золото девизом,
Ибо этот желтый сводник —
Золото — само дарует
Все земные наслажденья.
И когда в вигвам индейца
Заходил теперь испанец,
Он там спрашивал сначала
Золота, потом — воды.

(Перевод В. Левика)

На фоне завоевания Нового Света дана другая история, гораздо более частная, но по смыслу словно бы повторяющая первую. На поиски чудесного острова молодости отправляется Понсе де Леон. После долгих странствий, превратившись в хилого и дряхлого старика, отважный мореход обретает свой остров Бимини. Этот остров забвенья и успокоения — Смерть. Однако горький финал поэмы отменяется всем ее общим смыслом. Да, сложна, неоднозначна, горька и трагична жизнь. Но она и радостно-прекрасна. И нет ничего сильнее неугасающего стремления человека к лучшим началам. И если отдельный человек и смертен, как смертен Понсе де Леон, то бессмертно человечество в замыслах и делах своих.

Поэма Гейне не назидательное сочинение, трактующее философские проблемы жизни, «Бимини» искрится юмором и блещет сатирой. Для больного поэта работа над поэмой явилась вдохновляюще-целительным путешествием в мир поэтической мечты:

Кто со мной на Бимини?
Господа и дамы, просим!
Понесут волна и ветер
Мой корабль на Бимини...
Держит руль воображение,
Паруса вздувает бодрость,
Юнги — резвые остроты,
На борту ль рассудок? Вряд ли!..
В море сказочного мира,
В синем море вечной сказки
Мой корабль, мечте послушный,
Прологает путь волшебный.

(Перевод В. Левика)

Поэт не спешил отдавать свою поэму в печать, и при его жизни она так и не была опубликована. «Бимини» вышла в свет в 1869 году.

Другая большая работа Гейне последних лет его жизни — трехтомник первоклассной прозы и поэзии, который появился в октябре 1854 года под названием «Разные сочинения Генриха Гейне».

В первом томе проза была представлена созданными ранее статьей «Людвиг Маркус», пантомимой «Богиня Диана» и двумя работами недавнего времени — «Богамы в изгнании» и «Признаниями». Среди этих произведений особенно примечательны «Признания» — исповедь поэта, пережившего глубокую духовную драму. Здесь собраны картины далекого прошлого и впечатления сегодняшнего дня, колоритные портретные зарисовки и пространные рассуждения о религии, заметки об искусстве и раздумья о политических делах. В «Признаниях» ярко высвечены идейные колебания поэта. Беспощадно бичует Гейне буржуазный мир, обреченный самой историей», и предрекает победу пролетариату. Но в то же время будущее страшит его. Гейне пишет о возрождении, «вследствие физических страданий», своего религиозного чувства, интересе к христианству. Но он же не устает развенчивать религиозные догматы, а в библейских мифах ищет «человеческое, драму человечества». Гейне заявлял в «Признаниях»: «Я не испытываю чрезмерного влечения ни к какому-либо культу н... в этом отношении я остался таким же, каким был всегда».

В первом томе рядом с прозой органически соседствовал поэтический цикл «Стихотворения 1853—1854 годов». Гейне сам говорил, что его новые стихи составляют второй том «Романсеро». И действительно, здесь те же темы и мотивы. Но решены они резче, с большей си-

лой негодования. Буржуазный мир так ужасен, что поэт нередко впадает в безысходное отчаяние. Современный город похож на страшный ад. Дикие звери — волки и совы — ничто по сравнению с теми, кто хозяйничает в Париже. Умиравшему поэту страшно и больно оставлять в этом мире близкого человека:

Сей пьющий, поющий, танцующий край
Для ангелов — ад и для дьяволов — рай,
Тебя ли оставить мне в этом аду?!
Нет, я рехнусь, я с ума сойду!

(Перевод Л. Гинзбурга)

Это мир со звериными законами. Здесь пресыщенный роскошью брат оставляет на голодную смерть родную сестру («Филантроп»), в этом мире человек становится просто товаром («Невольничий корабль»). Поэт гневно вопрошал в своих стихах:

Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачится правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?
Кто виной? Иль воле бога
На земле не все доступно?
Или он играет нами? —
Это подло и преступно!

(Перевод М. Михайлова)

Если раньше душевные муки врачевала природа, то теперь их уже не исцеляют ни весеннее солнце, ни распустившиеся цветы, ни веселое щебетание птиц. Мир страшен и мерзок, и поэт готов бежать в ад, в «проклятое царство скорби вечной»:

А здесь, наверху, мне горьки до слез
Сиянье солнца и запах роз,
Дразнящие сердце надеждой напрасной.
О, как ты мерзок, мир прекрасный!

(Перевод В. Левика)

Второй и третий том «Разных сочинений» составила публицистическая книга «Лютеция». Гейне долго искал заглавие для своей книги и, когда наконец оно было найдено, с удовлетворением отмечал: «Оно кажется мне такой же находкой, как и название «Романсеро». Оно благозвучно и многообещающе». Лютеция — кельтское слово, в переводе означающее «болотистое место». Так нарекли в глубокой древности галлы небольшое поселение, положившее начало Парижу. В слове «Лютеция»

словно сопрягалось прошлое и сегодняшнее, а это выражало пафос книги в целом. К тому же первоначальный смысл слова — «болотистое место» приобретал силу острого и многозначного намека.

Содержанием «Лютеции» стали корреспонденции, которые Гейне публиковал в аугсбургской «Всеобщей газете», с марта 1840 по июль 1843 года. Эти статьи, казалось бы уже затерявшиеся на страницах газеты, собранные воедино, должны были составить публицистическое повествование о Франции начала 40-х годов. Горькие итоги февральской революции 1848 года как бы призывали заглянуть в недавнее прошлое, осмыслить настоящее в перспективе исторического развития. В книге рассказывалось не о кульминационных днях революции, а о времени ее вызревания. «Я описал не грозу, но грозовые тучи, которые носили ее в своем лоне и надвигались пугающе-мрачные». «Лютеция» — панорамное полотно о жизни Франции, это «отчеты об искусстве, театре, салонах, музыкальных сезонах, баллах, народной жизни, перемежку с множеством портретов». Но пестрая мозаика книги только ее внешняя сторона. По словам автора, Лютецию» отличает «строжайшее единство мысли и неизменная привязанность к делу человечества, к демократическим идеям революции... Герой моей книги, истинный ее герой — это социальное движение... Я с полным правом мог бы назвать мою книгу введением в революцию».

«Лютеция» — произведение высокого политического смысла. Гейне клеймит в ней Июльскую монархию, безграничную власть финансовой буржуазии — это отталкивающее пиршество денежных акул. Французское общество стало ярмаркой, где торжествует принцип купли и продажи и где давно преданы забвению законы человечности. Но каким бы мрачным ни рисовалось Гейне настоящее, он верил в будущее, ясно различая в пролетариате новую историческую силу. Правда, следует заметить, что у Гейне были определенные предубеждения, сложившиеся благодаря знакомству с трудами, в которых излагались ранние, во многом незрелые теории о возможных формах построения коммунистического общества. Гейне казалось, что идея равенства может реализоваться в новом обществе лишь по принципу всеобщей уравниловки, а культура прошлого окажется непонятой и безвозвратно погибнет. Но Гейне возвышался

над этими предрассудками, когда с твердой убежденностью писал о неодолимости коммунистических идей. Лозунг «Любовь ко всем народам, братское равенство всех людей, свободных граждан земного мира» был и главным жизненным принципом Гейне.

«Лютецию» Гейне написал в форме свободного публицистического рассуждения, широко используя весь арсенал образных средств своей художественной прозы. Портретная зарисовка и лирический монолог, сатирический пассаж и колоритное описание естественно вплетались в искрящуюся остроумием и пронизанную гражданским пафосом публицистическую ткань книги. Как и задумал автор, «Лютеция» стала «хрестоматией хорошей публицистической прозы».

В дни, когда немецкие читатели получили первые экземпляры «Разных сочинений», смертельно больного поэта перевозили на его последнюю парижскую квартиру. Это четырнадцатое за время эмиграции жилье было столь же неприхотливо, как и прежние. По бесконечно длинной лестнице нужно было подниматься к небольшим комнатам, одна из которых и стала последним прибежищем больного. Обстановка в комнате была скромной, если не бедной: ложе больного — низкая кровать, закрытая ширмой; письменный стол, уже ненужный хозяину; несколько стульев; пара гравюр на стене. Достоинством новой квартиры был небольшой балкон, благодаря которому поэт хоть недолгое время мог находиться на свежем воздухе, наслаждаться солнцем. С балкона открывался вид на парижскую улицу, а дальше — на вечно шумящие пестрой толпой Елисейские поля. Это было маленькое окно в многоцветную жизнь города, столь любимую поэтом. В числе первых, кто посетил Гейне в его новой квартире, был прославленный 76-летний поэт-песенник Пьер Беранже. Теплой и трогательной была встреча поэтов, не видевшихся более двадцати лет. Побывал у Гейне Ф. Лассаль. Он передал сердечный привет от К. Маркса, который, как и прежде, с глубоким участием относился к судьбе Гейне.

В июне 1855 года к Гейне заглянула с поручением от венских знакомых молодая женщина Камилла Зельден. Первый визит ее был кратким. Но вскоре от поэта пришло приглашение — и Камилла навестила его еще раз. Это стало началом знакомства, которое переросло в крепкую дружбу, а со стороны Гейне — в глубокую и

трогательную привязанность. Общение с Камиллой Зельден было для поэта необходимой живительной связью с земным миром, к которому он так стремился и вернуться в который ему уже не было суждено. Остро и больно осознавал это и сам поэт. Как-то в эти дни он сказал: «Пароль моего существования — «никогда больше!» Вы думали о том, какие это страшные слова? Никогда больше не ходить! Никогда больше не видеть! Никогда больше!» За последние месяцы своей жизни Гейне написал Камилле 25 писем, ей же он посвятил небольшой цикл лирических стихов.

Как и прежде, Гейне много и упорно работал. Камилла Зельден вспоминает: «Бесчисленное количество раз заставляла я Гейне с лежащими перед ним листами белой бумаги, которые он покрывал тем характерным почерком, один вид которого уже свидетельствовал о смелости и ясности его мыслей». Гейне сочинял стихи, добавлял все новые страницы к «Мемуарам» и весь был занят редактурой своих сочинений, которые одно за другим выходили в Париже. Только в 1855 году, на французском языке были изданы двухтомник «О Германии», «Лютетия», со специально написанным по этому случаю предисловием автора, книга поэзии «Поэмы и легенды».

Наступил 1856 год. Болезнь становилась все изнурительнее, физические муки — невыносимее. Но ум поэта оставался ясным, дух — твердым, воля — несломленной. И даже ирония, как всегда, неистощимой. Рассказывают, как некий посетитель, возможно ожидая покаянных речей, спросил у Гейне о его отношении к богу и как поэт немедленно отпарировал: «Будьте спокойны, Бог простит меня — это его профессия». Как и прежде, с радостью принимал Гейне друзей: давнюю приятельницу княгиню Бельджойозо, писателя Теофиля Готье и, конечно же, постоянную гостью Камиллу Зельден. За месяц до смерти поэт собственноручно пишет письмо матери и, как всегда, утешает старушку: «Здоровье мое не ухудшается». У него хватает сил принять участие в судьбе некой молодой девушки, и он просит Лаубе проверить ее актерские способности. Он не перестает работать: диктует свои мемуары, придирчиво вычитывает корректуру французского перевода «Путевых картин». Он даже строит планы на будущее и запрашивает заболевшего секретаря, как скоро тот вновь сможет приступить к своим обязанностям.

А время неумолимо отсчитывало последние дни, часы. Вечером 16 февраля болезнь со всей силой обрушилась на поэта. Но и в эти мгновения он сохранял присутствие духа и не хотел оставлять своего оружия. Говорят, что его предсмертными словами были: «Писать! Бумаги, карандаш!»

Генрих Гейне умер ранним утром 17 февраля 1856 года. Похоронили его на парижском кладбище Монмартр. Траурная процессия была скромной: за гробом поэта шло едва ли сто человек. Как и просил Гейне, не совершалось религиозных обрядов, не произносилось речей. В скорбном безмолвии, холодным и ненастным февральским днем французская земля приняла немецкого поэта.

Жизненный путь Генриха Гейне был окончен.

Бессмертное торжество его искусства только началось.

Генрих Гейне вступил в немецкую литературу в пору позднего романтизма. И романтизм стал колыбелью и школой его поэзии и прозы. Как истинный романтик Гейне воспринимал мир в движении и развитии, во всем неповторимом его многообразии, в ярких контрастах непримиримого столкновения добра и зла. Весь свой творческий путь Гейне прошел с острым осознанием несовместимости высокой мечты и негодной действительности. Уже в ранних стихах поэта громко звучат мотивы индивидуалистического романтического бунтарства, которые потом обретут силу гневной и беспощадной иронии и сатиры, разящих неправоту, жестокость, зло антигуманной действительности.

Но, начав свой путь как романтик, Гейне не остался в рамках этого художественного направления.

Движение Гейне к реализму выразилось в том, что он все с большим вниманием всматривался в реальную действительность, ее исследовал, и понятия зла и добра переставали быть в его искусстве отвлеченно-абстрактными категориями, наполняясь конкретным социально-историческим смыслом. Оставаясь страстным мечтателем, Гейне не уходил от действительности в иллюзорный мир чисто духовных идеалов. Он всегда был тесно связан с реальностью, и высшее счастье мыслилось им как земное счастье земных людей. Глубокое проникновение во внутренний мир личности сочеталось у Гейне со столь же настойчивым постижением объективных законов бытия.

Широко обращаясь к художественной условности (фантастика и гротеск, символика и гиперболизация, контрастность красок и причудливость композиции) Гейне использовал ее как действенное средство анализа конкретных явлений современной действительности.

Вместе с тем нет оснований причислять Гейне к законченным реалистам. Его искусство — явление переходное. Глубинная суть творческого развития Гейне — неустойчивое, далеко не простое, порой драматическое движение от романтизма к реализму. Причем процесс этот не был закреплен за каким-то определенным этапом его писательского пути: ситуация переходности продолжала оставаться специфической особенностью творческой биографии Гейне от ее первых до последних лет... В конце жизни, подводя итоги своей литературной деятельности, это подтвердил и сам поэт: «Несмотря на мои смертоубийственные походы на романтизм, я все же всегда оставался романтиком и был им в большей степени, нежели сам подозревал... мною заканчивается у немцев старая лирическая школа, и мною же открывается новая лирическая школа, современная немецкая лирика».

Гейне Г. Полн. собр. соч. В 12-ти т. / Под общей редакцией Н. Берковского, И. Луппола. М.—Л., 1935—1949.

Гейне Г. Собр. соч. В 10-ти т. / Под общей редакцией Н. Берковского, В. Жирмунского, Я. Металлова. М.—Л., 1956—1959.

Гейне Г. Избр. произв. В 2-х т. М., 1956.

Гейне Г. Собр. соч. В 6-ти т. / Под общей редакцией А. Дмитриева, А. Карельского и Е. Книпович. М., 1980—1981.

Дмитриев А. Генрих Гейне. М., 1957.

Шиллер Ф. Генрих Гейне. М., 1962.

Гиждеу С. Генрих Гейне. М., 1964.

Дымшиц А. К. Маркс и Ф. Энгельс и немецкая литература. М., 1973 (гл. V «Возвращение к теме (Генрих Гейне)»).

Дейч А. Судьбы поэтов. М., 1974 (раздел «Поэтический мир Генриха Гейне»).

Дейч А. Гарри из Дюссельдорфа. Повесть о Генрихе Гейне. М., 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Годы юности и становления	6
На родине как на чужбине. Поэт и прозаик	28
В Париже. Публицист, критик, историк культуры	51
Второе десятилетие в Париже. Революционный поэт	79
Последние годы жизни. Поэт остается в строю	106
Рекомендуемая литература	126

Геннадий Владимирович Стадников
ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Книга для учащихся

Заведующий редакцией Г. Н. Усков
Редактор Н. В. Евстигнеева
Младший редактор Г. И. Романова
Художественный редактор Н. М. Ременникова
Технический редактор Г. В. Субочева
Корректор Г. М. Махова

ИБ 7941

Сдано в набор 28.11.83. Подписано к печати 14.05.84. А12230. Формат 84×108¹/₃₂.
Бум. книжно-журн. Гарнит. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72.
Усл. кр.-отт. 7,15. Уч.-изд. л. 6,68. Тираж 275 000 экз. (135 001—275 000).
Заказ 102. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение»
Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Типография № 2 Росглавполиграфпрома
152901, г. Андропов, ул. Чкалова, 8.

20 к.

